

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
STATE
UNIVERSITY
BULLETIN

Linguistics
and Intercultural Communication

Linguistique
et communication interculturelle

Linguistik
und interkulturelle Kommunikation

Lingüística
y Comunicación Intercultural

Linguistica
e comunicazione interculturale

Лингвистика
и меѓукултурна комуникација

Lingvistika
a mezikulturni komunikace

Lingwistyka
i Komunikacja Międzykulturowa

Лингвистика
и междукултурна комуникация

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в 1946 году

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

19

Л
ИНГВИСТИКА
И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ

№ 1 • 2020

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
факультет иностранных языков и регионоведения МГУ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Геккель Роберт (Goeckel Robert), доктор, профессор политологии и международных отношений, Университет штата Нью-Йорк, Колледж в Дженессо, США; **Илсон Роберт (Ison Robert)**, профессор, почетный научный сотрудник Университетского колледжа Лондона; Лондон, Великобритания; **Ратмайр Ренате (Rathmayr Renate)**, доктор, профессор в отставке, бывш. зав. кафедрой иностранных языков и деловой коммуникации Института славянских языков Венского университета экономики и бизнеса. Вена, Австрия; **Джек Ричардс (Richards Jack C.)**, доктор наук, почетный профессор факультета педагогики Сиднейского университета (Австралия); почетный профессор факультета педагогики университета Окленда (Новая Зеландия); **Сассекс Роланд (Sussex Roland)**, почетный профессор, кафедра прикладной лингвистики, факультет языков и сравнительно-культурных исследований, Университет Квинслэнда. Брисбан, Австралия; **Чжэн Тиву (Zheng Tiwu)**, директор Института мировой литературы Шанхайского университета иностранных языков, член президиума МАПРЯЛ, почетный член Союза писателей России, почетный доктор ИДВ РАН. Шанхай, КНР; **Ян Кэ (Yan Ke)**, профессор, директор Института европейского языка и культуры Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли. Гуанчжоу, КНР

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Тер-Минасова С.Г. (главный редактор), доктор филологических наук, профессор, президент факультета иностранных языков и регионоведения, зав. кафедрой теории преподавания иностранных языков; **Молчанова Г.Г. (зам. главного редактора)**, доктор филологических наук, профессор, и.о. декана факультета иностранных языков и регионоведения, зав. кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Загряжкина Т.Ю. (отв. секретарь)**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французского языка и культуры

Члены редколлегии:

Запольская Н.Н., доктор филологических наук, доцент; **Захаров В.В.**, доктор исторических наук, профессор; **Комарова А.И.**, доктор филологических наук, профессор; **Левицкий А.Э.**, доктор филологических наук, профессор; **Милославский И.Г.**, доктор филологических наук, профессор; **Павловская А.В.**, доктор исторических наук, профессор; **Полубиченко Л.В.**, доктор филологических наук, профессор; **Прошина З.Г.**, доктор филологических наук, профессор; **Раевская М.М.**, доктор филологических наук, доцент; **Робустова В.В.**, кандидат филологических наук, доцент; **Сафонова В.В.**, доктор педагогических наук, профессор; **Шевлякова Д.А.**, доктор культурологии, доцент

Редактор И.В. Краснолободцева

Адрес редакции:

119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13/14, корп. В, каб. 238.
Тел.: 8-495-734-03-10. Факс: 8-495-932-88-67. E-mail: vestnik19@yandex.ru

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.

Свидетельство о регистрации № 016651 от 7 октября 1997 г.

Подписано в печать 23.03.2020. Формат 60×90 /16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,0. Уч.-изд. л. 11,3. Тираж 140 экз. Изд. № 11 551. Заказ № 03604

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в типографии ООО «Паблит». 127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1.

Тел.: (495) 230-20-52

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Сравнительное изучение культур

- Павловская А.В.* Глобальное vs региональное: к вопросу о проблемах межкультурной коммуникации в глобальном мире 9

Язык. Познание. Культура

- Загряжкина Т.Ю.* Конструкт идентичности в творчестве трубадуров, или «Другая Франция» сквозь призму языка 22
- Avetisyan N.G.* The Process of Democratization in the Contemporary Language of Mass Media 38

Вопросы лексикологии и лексикографии

- Полубиченко Л.В., Фурсова А.А.* Учебный словарь цитат: предпосылки и первые результаты 47

Традиции и современные тенденции культуры

- Калуцков В.Н.* Концептуализация географического пространства: ономастические аспекты 57
- Руцинская И.И.* От «жития» к «иконе»: письменные источники живописной сталинианы 70
- Соловьева Ю.О.* Герой или злодей: образ адвоката в современной американской популярной культуре 81
- Зинчук Д.А.* Методологические особенности изучения социокультурной деятельности Советской военной администрации в Германии 90
- Выродова М.В.* Роль семьи в процессе трансформации женских жизненных стратегий во Франции середины XIX – начала XX в. 97
- Гринчук Н.Л.* Традиции католической культуры в построении ценностной системы итальянского фашизма 104

Теория языка и речи

- Шелехов Д.М.* Развитие социофонетических исследований в Германии в конце XX в. 110
- Толстова Т.В.* Корпусный анализ жанровых конвенций в российских и зарубежных аннотациях к научным статьям 118

<i>Перетяцько А.В.</i> Стилистические особенности испанского футбольного онлайн-комментария	130
<i>Соколова Н.В.</i> Текстовые категории англоязычного патента	137

Язык и межкультурная коммуникация

<i>Афинская З.Н., Алтухов А.В.</i> Номадические термины в процессе циркуляции знания	146
--	-----

Теория и практика обучения иностранным языкам

<i>Едличко А.И.</i> Плюрицентричность немецкого языка как лингводидактическая проблема	154
<i>Бахтиозина М.Г., Хачатрян Г.С.</i> Языковое образование как фактор развития межкультурной коммуникации в контексте современной деловой поликультурной парадигмы	164
<i>Харламенко И.В.</i> Особенности подготовки студентов нефилологического профиля к устному экзамену по иностранному языку . .	174

Теория и практика перевода

<i>Изволенская А.С.</i> “The Catcher in the Rye”: голос, потерянный в переводе	182
--	-----

CONTENTS

Comparative Cultural Studies

- Pavlovskaya A.V.* The Global vs the Regional: Concerning Problems of Intercultural Communication in the Global World 5

Language. Cognition. Culture

- Zagryazkina T.Yu.* Identity Construct in the Works of Troubadours or “Another France” Through the Language Lens 22
- Avetisyan N.G.* The Process of Democratization in the Contemporary Language of Mass Media 38

Lexicology and Lexicography

- Polubichenko L.V., Foursova A.A.* Learner’s Dictionary of Quotations: Background and Initial Results 47

Culture: Traditions and Modern Trends

- Kalutskov V.N.* Theoretical Aspects of the Conceptualization of Geographical Space 57
- Rutsinskaya I.I.* From “Hagiography” to “Icon”: Written Sources of Stalin’s Imagery 70
- Solovyeva Yu.O.* A Hero or a Villain: the Image of a Lawyer in Contemporary American Pop Culture 81
- Zinchuk D.A.* Specific Methodological Aspects of Studying the Sociocultural Policy of the Soviet Military Administration in Germany. . . . 90
- Vyrodova M.V.* The Role of Family in the Process of Women Life Strategies Transformation in France from the Middle of the 19th Century up to the Beginning of the 20th 97
- Grinchuk N.L.* Catholic Cultural Traditions in the Formation and Construction of the Value System of Italian Fascism 104

Theory of Language and Speech

- Shelekhov D.M.* Rise of Sociophonetic Studies of the English Language Functioning in Germany at the end of XX Century 110
- Tolstova T.V.* Corpus Analysis of Genre Conventions in Russian and International Research Article Abstracts 118

<i>Peretiakko A.V.</i> Stylistic Peculiarities of Spanish Football Minute- Byminute On-line Commentary	130
<i>Sokolova N.V.</i> Textual Categories of the English Patent	137

Language and Intercultural Communication

<i>Afinskaya Z.N., Altukhov A.V.</i> The Heuristic Potential of Nomadic Notions	146
---	-----

Theory and Practice of Teaching Foreign Languages

<i>Edlichko A.I.</i> Pluricentricity of the German Language as a Problem of Language Teaching Methodology	154
<i>Bakhtiozina M.G., Khachatrian G.S.</i> Language Education as a Factor of the Development of Intercultural Communication in the Context of modern Business Policultural Environment	164
<i>Kharlamenko I.V.</i> On Preparing Science Students for an Oral Foreign Language Exam	174

Theory and Practice of Translation

<i>Izvolenskaya A.S.</i> “The Catcher in the Rye”: the Voice Lost in Translation	182
--	-----

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУР

А.В. Павловская

ГЛОБАЛЬНОЕ VS РЕГИОНАЛЬНОЕ: К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена необходимости выработки новых подходов к проблемам межкультурной коммуникации в современных условиях. Старые теории были созданы в середине XX в. в конкретных исторических условиях и для определенных целей, сегодня они устарели. В новых условиях глобализации, изменения расстановки сил в мире, увеличения мобильности все более широких масс населения земли, главным образом в сфере туризма, образования и трудовой миграции необходимы новые подходы и системы. Культурная глобализация вызвала к жизни возрастание интереса к своим национальным культурам, стремление сохранить традиции, образ жизни, особенности быта и даже мировосприятия. Этот процесс, вероятно, был стимулирован именно противостоянием все нарастающей глобализации, попыткой сохранить свою национальную самобытность. Так что сегодня для большинства народов вопросы, связанные с национальной идентичностью, становятся особенно важными и деликатными. Это столкновение двух противоположных векторов – культурной унификации, с одной стороны, и своеобразного культурного национализма, с другой – привело к нарастанию межкультурного непонимания и конфликтов. Проблемы рассматриваются на современном конкретном материале, в том числе приводятся результаты анкетирования китайских студентов, обучающихся в МГУ имени М.В. Ломоносова.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; глобализация; адаптация; конфликты культуры; национальная идентичность; международное образование.

XXI век можно назвать эпохой повсеместной глобализации культуры, во всех ее сферах – от высокой художественной до культуры повседневности. Стандартизация большинства культурных явлений охватила практически весь мир, особенно это касается бытовой культуры, сферы потребления, традиций питания и т.д. Сегодня на

Павловская Анна Валентиновна – доктор исторических наук, профессор, ведущая кафедрой региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: annapavl@mail.ru).

карте мира уже практически не осталось «белых пятен», куда бы ни проникли кока-кола, кроссовки и карточки «виза». Современные супермаркеты Шанхая, Москвы, Франкфурта и Чикаго будут (пока еще) различаться главным образом языком, на котором общаются продавец и покупатель, и ценами, все остальное — набор и наименования товаров, рекламные приемы, организация пространства, система оплаты пластиковыми карточками, политика скидок и многое другое будут очень похожими или совершенно одинаковыми.

Глобализация в сфере бытовой культуры не могла не вызвать унификации и в сфере духовной: мораль, нравы, идеалы и идеи, все это потихоньку приходит к единому знаменателю. Единство особенно наглядно проявляется в молодежной среде: даже те, кто не имеют возможности путешествовать, впитывают единую культурную доминанту через телевизор и компьютер. Одежда, еда, популярная музыка, фильмы, герои, информация о личной жизни «звезд», заменившая литературу, а в конечном счете и представления о смысле жизни и своем месте в мире, сейчас едины у молодых людей России, США, ЮАР, Японии, Австралии, Великобритании, Бразилии, Китая и даже в так называемых «исламских государствах», где с ними ведется систематическая, но вполне безуспешная война, т.е. вне зависимости от географического положения и политической системы. Весь мир, замерев, следит за перипетиями личной жизни британской королевской семьи, скандалами из жизни популярных американских певцов, разводами известных американских же актеров. Войдя в учебную аудиторию любого университета мира сегодня, ни по одежде, ни по гаджетам в руках, ни по стаканчикам кофе на столе, вы практически не имеете шанса определить свое местонахождение.

Время остановить нельзя, культурная глобализация — знак современной эпохи.

В начале 1960-х годов в работах канадского философа и культуролога М. Маклюэна (1911–1980) появился термин «глобальная деревня». Развитие средств массовой коммуникации и информации, по мнению ученого, привели к стиранию «времени и пространства» — «мир, “обвязанный” электричеством, не больше деревни». Маклюэн имел в виду прежде всего влияние телевидения, но предвидел и другие, более мощные, способы воздействия в будущем, каким сегодня стал Интернет, при этом старался избегать оценок: «Я не отзываюсь одобрительно о глобальной деревне. Я просто говорю, мы живем в ней». Однако он предсказывал, что глобализация неизбежно приведет к культурной интеграции, станет мощным орудием воздействия на национальные культуры: «Со временем можно будет программировать стабильность эмоционального кли-

мата целых культур точно так же, как у нас уже стало получаться с поддержанием равновесия рыночных экономик мира» [McLuhan, 1964].

Сегодня самые смелые предположения ученых сбылись во всей полноте. На 30 июня 2019 г. число интернет-пользователей в мире достигло почти 4,5 млрд человек. При населении мира на сегодня примерно в 7,7 млрд это заметно более половины, что не может не впечатлять, принимая во внимание грудных детей и дряхлых стариков. Впрочем, в отдельных регионах, например, в Европе и Северной Америке, процент пользователей достигает почти 90%¹! Так что, вероятно, пользование компьютером в этих странах является одним из первых детских навыков.

Казалось бы, глобальная деревня стала реальностью нашей жизни, культурное единообразие мира почти достигнуто, осталось только договориться о едином языке и все мы заживем единой глобальной семьей, по крайней мере, в вопросах быта и культурных ценностей. Однако на фоне культурной глобализации и унификации стал отчетливо заметен и встречный процесс – возрастание интереса к своим национальным культурам, стремление сохранить традиции, образ жизни, особенности быта и даже мировосприятия. Этот процесс, вероятно, был стимулирован именно противостоянием все нарастающей глобализации, попыткой сохранить свою национальную самобытность. Так что сегодня для большинства народов вопросы, связанные с национальной идентичностью, становятся особенно важными и деликатными.

И вот наша «глобальная деревня» все чаще сотрясается скандалами, связанными с культурными особенностями тех или иных народов, которые не только сохранились в глобальном мире, но и стали еще более ярко выраженными. При этом речь идет отнюдь не о традиционных культурах различных малых народов, сохранившихся где-нибудь в глубинке или чудом выживших в «глобальном» окружении, а о самых что ни на есть «цивилизованных» и индустриально развитых странах. И вот уже неформальная встреча президентов Ирана Хассана Рухани и Франции Франсуа Олланда оказывается сорванной из-за того, что стороны не смогли договориться по поводу совместного обеда: иранская сторона настаивала на том, что вино не должно находиться на столе во время приема пищи, а французская отказывалась его убрать (январь 2016). Интересно, что для Ирана это вопрос религиозных принципов, а для

¹ Источники: Internet World Stats. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm>; Worldometers. URL: <https://www.worldometers.info/world-population/> (accessed: 15.09.2019).

Франции исключительно отстаивания права на культурную самобытность.

Провалилась в 2010 г. масштабная компания Макдональдса, попытавшегося заигрывать с итальянским потребителем: гамбургер МакИтали, сделанный из произведенных в Италии продуктов, да еще и в цветах итальянского флага, итальянцы посчитали издевательством над «одной из величайших кухонь мира» – итальянской – и забросали газеты письмами протеста, призывая остановить повсеместную «гастро-глобализацию»². В 2019 г. волна протеста поднялась в Риме, где собирались открыть новое предприятие Макдональдса около терм Каракаллы, во Флоренции, где городские власти смогли остановить строительство ресторана быстрого питания на прекрасной площади Дуомо (за что Макдональдс подал многомиллионный иск на этот знаменитый город)³.

Макдональдс давно стал своеобразным символом глобализации. Еще в начале 1990-х годов американский социолог Джордж Ритцер ввел термин «макдональдизация», объявив продвижение как самих ресторанов по миру, так и принципов, лежащих в основе столь успешного бизнеса, важнейшей составной частью глобализации социальной жизни. Он также вводит термин «гробализация», касающийся «империалистических амбиций стран, корпораций и организаций и т.п.», и их желания ... «навязывать себя разным регионам планеты» в первую очередь речь идет о трех важнейших, с точки зрения автора, современных процессах – капитализма, американизации и макдональдизации. Забавно, что в русском языке термин звучит особенно выразительно, получается, что макдональдизация, т.е. культурная глобализация, это гроб, смерть региональным культурам. Автор же произвел его от английского слова “grow”, «повышение», как одну из целей гробализации – повышения прибылей [Ритцер, 2011: 5]. Распространение Макдональдса в контексте глобализации показательно как пример активного сопротивления унифицирующему влиянию мировых тенденций, особенно здесь отличились страны с традиционной высокой гастрономической культурой, такие как Франция и Италия, например. И одновременно, как иллюстрация бесплодности усилий противостоять мировым движениям: на сегодняшний день Франция находится на втором

² McDonald's launch McItaly burger. URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/wordofmouth/2010/jan/28/mcdonalds-launch-mcitaly-burger> (accessed: 15.09.2019).

³ Rome: Italian government quashes plan to open McDonald's next to Roman ruins. URL: <https://www.thelocal.it/20190731/italy-rome-mcdonalds-terme-dicarcalla-cancelled> (accessed: 15.09.2019); McDonald's sues Florence for \$20 mn after city blocks restaurant. URL: <https://www.thelocal.it/20161108/mcdonalds-sues-florence-for-20-mn-over-site-refusal> (accessed: 15.09.2019).

месте по числу отделений Макдональдса в Европе, а Италия на четвертом⁴.

Совсем недавно крупный межкультурный провал произошел с итальянским модным домом Dolce & Gabbana. Готовясь к крупнейшему показу мод в Шанхае, компания запустила в Интернете рекламный ролик под названием «Едим палочками». На нем красивая девушка азиатской внешности безуспешно пытается палочками есть итальянскую еду – пасту с томатами, пиццу и десерт канноли. «Что, эта еда слишком велика для тебя?» – интересуется мужской голос за кадром. Реклама вызвала волну негодования и протеста с далеко идущими последствиями: в первый день ее посмотрели более 120 млн человек, шоу в Шанхае было отменено, бутики Dolce & Gabbana в Китае повсеместно закрыты, китайские торговые сайты сняли с продажи товары модного дома, звезды китайского кино и шоу-бизнеса выступили с заявлениями об отказе от ношения одежды итальянского бренда, дизайнеры принесли извинения, что осталось без внимания. Провал был тем серьезнее, что китайские покупатели сегодня являются мировыми лидерами в покупках предметов роскоши, а у модного дома Dolce & Gabbana в Китае открыто 44 торговые точки, не говоря уже об интернет-продажах⁵. Конечно, шумиха постепенно спала, магазины вновь открылись, но конфликт культур здесь очевиден.

Ряд экспертов высказал мнение, что модный дом, известный своей скандальной репутацией и склонностью к эпатажу, специально устроил скандал, для привлечения внимания к своему бренду. Известно, что, несмотря на скандальную репутацию итальянских модельеров, продажи модного дома постоянно растут. Однако в Китае, похоже, ситуация вышла из-под контроля. Возможно и потому, что понятие «эпатаж» чуждо в своей сути китайской культуре. А вот трепетное отношение в Китае к палочкам, как части традиционного наследия, должно было бы быть хорошо известно тем, кто занимался рекламой итальянского бренда.

Специалисты по китайской культурной традиции дружно утверждают, что «палочки для Китая – это нечто большее, чем инструмент для приема пищи, это признак принадлежности к китайской культуре». Исторически они были той демаркационной линией,

⁴ Number of McDonald's restaurants in Europe from 2016 to 2018, by country. URL: <https://www.statista.com/statistics/256044/mcdonalds-restaurants-in-europe/> (accessed: 15.09.2019).

⁵ Dolce & Gabbana оказалась в центре расистского скандала. URL: <https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2018/11/21/787054-dolce-gabbana> (accessed: 15.09.2019); Китай бойкотирует Dolce & Gabbana из-за рекламы с палочками. Модельеры просят прощения. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-46317315> (accessed: 15.09.2019) и др.

которая отделяла цивилизованных людей, пользовавшихся палочками для еды, т.е. китайцев, от «варваров», использовавших для этой цели пальцы или позднее столь «недостойные инструменты», как нож и вилка [Маслов, 2013; Dawson, 1971: 342]. На протяжении тысячелетий о палочках слагали поэмы, воспевая их трудолюбие и неустанную заботу о людях. Особенно часто – любовные, ведь только вместе, вдвоем они полезны и имеют смысл. Они стали символом любви и брака, их часто дарят на свадьбу, они являются символом преданности и любви [Wang, 2015: 14, 122–132]. Традиций и ритуалов, связанных с палочками, великое множество – уронить палочки на пол, плохой знак, нельзя втыкать их в еду, стучать ими по тарелке, облизывать и покусывать, а также накалывать на них пищу. Множество запретов подчеркивает место и роль палочек к культуре и жизни китайцев.

Показательно, что желая «отомстить» европейскому модному дому за оскорбление традиций, китайцы выпустили ответный ролик, в котором неуклюжий европеец пытается есть китайскую пищу ножом и вилкой. Проблема только в том, что для западного мира нож и вилка – просто инструменты для приема пищи, никакой символической нагрузки они не несут, и обидеть этим никого нельзя. Каждый меряет по своей мерке.

Итак, повсеместная культурная глобализация и глобальная деревня, с одной стороны, и нарастание межкультурного непонимания и конфликтов – с другой. Это не исторический парадокс, а вполне закономерное развитие событий. Мир пришел в движение, в тесное соприкосновение и, как следствие, началось и нарастание межкультурных конфликтов, и все усиливающееся стремление к сохранению культурной идентичности.

К этому необходимо добавить еще один немаловажный момент: выход за последние 20–30 лет на **культурную** мировую арену новых игроков, среди которых Россия, Китай, и многие другие страны. Речь в данном случае идет не о политике и экономике, а об активном использовании общемировых достижений, таких как туризм, образование, рабочие ресурсы. Именно эти категории сферы взаимодействия культур наиболее сложны для адаптации, в бизнесе говорят деньги, в политике сила, а здесь речь идет о простых людях в их обычной повседневности. Такие целевые группы должны быть сегодня в центре кросс-культурных исследований. Отметим, что на сегодняшний день в мире повсеместно отмечается невиданный подъем мобильности именно в сферах туризма, учебы и работы.

Еще один важный фактор, усложняющий современную проблему общения и взаимопонимания, заключается в слабом уровне информирования, понижении того, что американскими культурологами

было в свое время названо понятием культурной грамотности [Hirsch, 1987; Hirsch, 1988]. Распространение Интернета, в числе других факторов, вытеснило традиционные средства массовой информации, а также печатные книги, документальные фильмы, новостные и информационные программы, особенно в молодежной среде. Если, например, в советское время роль телевизионных новостей и печатной прессы была велика, то сейчас она крайне ограничена. Существовали и такие непопулярные в свое время, но все равно действенные формы информирования, как политинформации, проводимые в армии, школах, вузах, посвященные распространению пусть и идеологически окрашенной, но все равно информации о разных странах и народах. Сейчас они отсутствуют и ничем не заменены. В результате, несмотря на то, что благодаря глобализации, возможности путешествовать, доступному Интернету, мир становится ближе, знания о нем в широких массах сокращаются.

Анкетирование, проведенное в МГУ имени М.В. Ломоносова в 2018 г.⁶, дало весьма характерные результаты. Приведем и прокомментируем основные итоги.

Русские о китайцах. Пять первых слов ассоциаций:

1. Китайская кухня (включая чай, рис, лапша, необычные блюда, суши);
2. Перенаселенность, чрезмерное количество людей;
3. Никаких слов-ассоциаций не возникает;
4. Китайская стена;
5. Разделили поровну: иероглифы – красный цвет – технологии.

Большинство опрошиваемых русских студентов никогда не были в Китае и не связывали с этой страной никаких интересов (за немногочисленным исключением тех, кто изучает китайский язык, но они не сильно изменили ситуацию). Как видно, их знания исключительно стереотипизированы и крайне поверхностны. Китайская кухня заняла первое место, вероятнее всего, благодаря распространению китайских ресторанов в Москве и популярности азиатской кухни у молодежи, считающей ее «здоровую». Технологии попали по понятным причинам распространения китайской техники в мире. Обращает внимание и тот факт, что у значительного числа российских студентов никаких ассоциаций с Китаем не возникает вообще.

С китайскими студентами ситуация иная: опрошиваемая группа вполне мотивирована на получение знаний о России, стране, в которую они приехали учиться и язык которой изучают уже не один год. Более того, русский язык является их специальностью, так что

⁶ В анкетировании приняли участие студенты МГУ имени М.В. Ломоносова: китайские (около 150 человек, возраст 18–25 лет) и русские (около 200 человек, возраст от 16 до 22).

интерес к стране у них заведомо предполагается. Однако и их первые ассоциации весьма поверхностны и примитивны⁷. И, что особенно печально, не слишком меняются после приезда и реального знакомства со страной.

Китайцы о русских. Пять первых слов ассоциаций до приезда:

- холод (включая мороз, зима, климат);
- большая страна (иногда – «но мало народа»);
- красивая;
- медведи;
- водка;
- путин.

Китайцы о русских. Пять первых слов ассоциаций после приезда:

- холодно (один раз – но красиво);
- большая;
- красивая;
- чистый воздух;
- старая;
- не та страна, которую представлял.

В России нравится:

- свежий воздух;
- красивые девушки и парни;
- мало людей;
- добрые.

В России не нравится:

- еда;
- погода;
- медленно и неэффективно работают;
- дискриминация и расизм;
- отсталость и не современность;
- нет безопасности.

Самое сложное в жизни в России:

- русский язык;
- непонимание;
- нет русского друга;
- общение;
- бюрократия.

Наконец, особняком стоит еда, которая доставляет много проблем и дарит мало радостей.

Еда в России, что нравится:

⁷ Отметим, что подобное анкетирование не раз проводилось среди американских и европейских студентов и, за исключением холода, водки и Путина, ассоциации и впечатления заметным образом отличались, хотя и были столь же поверхностны и стереотипизированы.

- борщ;
- блины;
- плов;
- суп.

Ничего не нравится.

Еда в России, что не нравится:

- черный хлеб;
- вся еда;
- молочные продукты, особенно сыр, который везде добавляют.

Надо отметить, что опрос проводился преимущественно среди студентов первого и второго года обучения. Вероятно, этого времени недостаточно, чтобы познакомиться со страной. Один из студентов-магистрантов подробно описал свой опыт изменения отношения к России: от неприятия к любви (стилистика и правописание оригинала сохранены), своего рода типичный путь для состоявшегося студента. До начала изучения русского языка Россия была для него «пустой знак, который существует только на карте и слышится в новостях». Изучать язык он начал по учебнику начала 1990-х, что также не способствовало расширению знаний: «...решил, что как русский язык, так и Россия, ушли далеко из нашей жизни. Можно так сказать, мы почти изучали советский русский». Первый его визит в страну в 2009 г. был в качестве сопровождающего китайского бизнесмена в г. Читу: большая часть времени была проведена в гостинице из страха, «даже без всяких причин. В свободное от работы время я отказывался выходить. И я вздохнул с облегчением, когда работа закончилась и смог уехать оттуда». Наконец, перелом совершился после приезда в Москву на учебу: «В последних 4 года я жил в Москве и привык к моей жизни здесь». «Россия перестала загадочной страной. Люди влюбляются в Россию за ее биологическую чистоту, живописную красоту, страстного народа... Китайцы обожают Путина, потому что он обладает теми качествами, которые мы желаем видеть в своих лидерах. Он никогда не выслуживается перед США и Западной Европой, что напоминает нам Мао». «А русские бабы просто легенда!» «Все это говорит о том, что русский народ храбрый и сильный, со стороны смотрится забавный». К сожалению, далеко не все приехавшие на учебу в Россию студенты обретают здесь понимание и любовь к ней.

Сегодня мир столкнулся с важнейшей проблемой: научное направление, появившееся в середине XX в. и призванное решить все нарастающие в связи с глобализацией проблемы общения, оказывается бесполезным. Речь идет о межкультурной коммуникации, прикладной области знания, изначальной задачей которой, по словам одного из ее основателей Э. Холла, было «помочь дешифровать

сложные, неписанные правила разных культур» [Hall, Hall, 1990: 4]. Проблема в том, что наука эта, недавно вновь повсеместно вошедшая в моду, тесным образом связана с местом и временем своего возникновения.

Основы межкультурной коммуникации закладывались в послевоенную эпоху, прежде всего в США, где правительство выделило значительные субсидии на разработку этого направления. Политический фактор здесь изначально преобладал. Чрезвычайно важным представлялось определить характеры, особенности поведения, менталитета и культуры народов, с которыми Соединенные штаты вступали в тот период в непосредственный контакт, причем равно важны были знания и о союзниках, и о врагах.

Однако вскоре не только политика, но и бизнес начинает играть все более заметную роль в кросс-культурных исследованиях, все отчетливее становится заметен прагматический подход в этом вопросе. Теперь важно не столько теоретическое изучение проблемы, сколько попытки создания научной схемы, с помощью которой можно было бы определить особенности тех или иных народов, прежде всего с целью понимания, общения и прогнозирования поведения, — вот что становится главным для большинства западных исследователей в середине XX в. В науке преобладает стремление найти простые способы решения этой сложной проблемы, разрабатываются определенные параметры культуры, которые должны помочь загнать все нюансы поведения, мыслей и чувств народов в определенные жесткие рамки.

Так были созданы предпосылки для появления нового направления — межкультурной коммуникации — науки, переведшей изучение национальных характеров и культур в сугубо практическую плоскость. К работе были привлечены самые разные ученые — антропологи, лингвисты, социологи. Необходимо было в короткий срок разработать методы, позволявшие обучать неподготовленных людей навыкам общения с другими народами и культурами, причем делать это, не тратя времени на проникновение в историю и культуру этих стран. Это повлекло за собой выработку четких концепций, стремившихся вместить все многообразные культуры в определенные конкретные параметры, с помощью которых можно было научиться навыкам практического общения. Заметим сразу, что подобный подход неизбежно ведет к упрощению и стереотипизации.

Справедливости ради отметим, что работа была проведена серьезная и значительная. Более того, вероятно, для США она имела и определенное практическое значение, создав условия для продвижения этого нового в то время лидера на мировую арену в самых

разных областях – политики, бизнеса, культуры. Однако этими узкопрактическими целями все и ограничивалось.

Помимо всего прочего такого рода работы были еще и крайне европоцентричны, точнее, ориентированы на западные ценности и интересы. Сегодня же расстановка сил в мире совсем иная. Всего лишь один пример. Создание теоретических постулатов межкультурной коммуникации совпало по времени, с одной стороны, с разгаром «холодной войны», а с другой – расцветом российско-китайских отношений. Не удивительно, что Россия и Китай во всех построениях американских культурологов, неизбежно оказывались в одной группе, так что, исходя из этого, надо было бы сделать вывод об идентичности русской и китайской культур и характеров. Это уже многое говорит о практической «пользе» такого рода исследований. Тем удивительнее, что в последние 20 лет работы ученых 1950–1960-х годов обрели вторую жизнь во многих странах, например в России, где на троицу Холл, Хофштеде, Хирш смотрят чуть ни как когда-то на классиков марксизма. Отметим, что сегодня в США, Великобритании и ряде других стран созданы новые современные теории и изданы многочисленные труды на тему межкультурного общения и адаптации, в том числе направленные на преодоление культурного барьера иностранных студентов, обучающихся в этих странах.

Назрела необходимость пересмотреть положения теории межкультурной коммуникации и в нашей стране, взять лучшее из наработанного за десятилетия, применить к новым условиям глобального мира, а главное, отказаться от «западо-центристского» видения мира. Несмотря на появление в последние годы новых исследований [Ter-Minasova, 2017; Загрязкина, 2019; Молчанова, 2019; Шевлякова, 2017 и др.], посвященных отдельным проблемам межкультурной коммуникации, обобщающих работ подобного плана пока нет. Новые концепции должны базироваться на отечественных исследованиях и быть применимы к российским реалиям. Межкультурная коммуникация – наука прикладная, преследующая вполне конкретные цели и, как показал опыт, универсальной для всех народов быть не может. Это противоречит ее целям и задачам – помочь адаптироваться в большом мире, избежать конфликтов, установить добрососедские отношения, пути и методы решения этих вопросов различные для разных народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Загрязкина Т.Ю.* Феномен франкофонии: от универсализма к культурному разнообразию // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 9–23.

2. *Маслов А.* Китай и китайцы. М., 2013.
3. *Молчанова Г.Г.* Когнитивные подходы к изменению дискурса нового поколения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 9–18.
4. *Ритцер Д.* Макдональдизация общества. М., 2011.
5. *Шевлякова Д.А.* Предметные области в изучении национальной идентичности (на примере Италии) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. С. 101–110.
6. *Dawson Raymond S., ed.* The Legacy of China Oxford: Oxford University Press, 1971.
7. *Hall E.T., Hall M.R.* Understanding Cultural Differences. Intercultural Press, 1990.
8. *Hirsch E.D.* Cultural Literacy: What Every American Needs to Know, 1987.
9. *Hirsch E.D.* The Dictionary of Cultural Literacy, 1988.
10. *McLuhan M.* Understanding Media. N. Y.: Gingko Press, 1964.
11. *Ter-Minasova S.* Challenges of Intercultural Communication: A View from Russia // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 4. С. 9–19.
12. *Wang Q.E.* Chopsticks. A Cultural and Culinary History. Cambridge University Press, 2015.

Anna V. Pavlovskaya

**THE GLOBAL VS THE REGIONAL:
CONCERNING PROBLEMS OF INTERCULTURAL
COMMUNICATION IN THE GLOBAL WORLD**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The paper discusses the need to develop new approaches to the problems of intercultural communication under modern conditions. Old theories were formulated in the middle of the 20th century under specific historic conditions and for certain purposes, today they are outdated. At the new times of globalization, a changing balance of powers in the world, increased mobility of ever growing masses of the world population, mainly in the field of tourism, education and labour migration, new approaches and theories are needed. Cultural globalization revived an increase in interest in national cultures, a desire to preserve national traditions, lifestyles, features of everyday life and even worldview. This process was stimulated by the confrontation of ever-increasing globalization with attempts to maintain national identity. Thus today for most peoples issues related to national identity are becoming especially delicate and important. This clash of two opposing vectors – cultural unification, on the one hand, and a kind of cultural nationalism, on the other, is leading to an increase in intercultural misunderstanding and conflicts. The sources used for studying the issues discussed in the paper were versatile and include the results of a survey of Russian and Chinese students studying at Moscow State University named after M.V. Lomonosov.

Key words: intercultural communication; globalization; adaptation; conflict of cultures; national identity; international education.

About the author: *Anna V. Pavlovskaya* – Dr. habil in History, Professor, Head of the Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: annapavl@mail.ru).

REFERENCES

1. Dawson Raymond S., ed. 1971. *The Legacy of China Oxford*. Oxford University Press.
2. Hall E.T., Hall M.R. 1990. *Understanding Cultural Differences*. Intercultural Press.
3. Hirsch E.D. 1987. *Cultural Literacy: What Every American Needs to Know*.
4. Hirsch E.D. 1988. *The Dictionary of Cultural Literacy*.
5. Maslov A. 2013. *Kitaj i kitajcy*. Moscow. (In Russ.)
6. McLuhan M. 1964. *Understanding Media*. N. Y., Gingko Press.
7. Molchanova G.G. 2019. Kognitivnye podhody k izmeneniju diskursa novogo pokolenija [Cognitive approaches to the new generation worldview]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 9–18. (In Russ.)
8. Ritzer G. 2011. *Makdonal'dizacija obshhestva*. Moscow. (In Russ.)
9. Shevljakova D.A. 2017. Predmetnye oblasti v izuchenii nacional'noj identichnosti (na primere Italii) [Subject areas in the study of national identity (on the example of Italy)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 101–110. (In Russ.)
10. Ter-Minasova S. 2017. Challenges of Intercultural Communication: A View from Russia. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 9–19. (In Russ.)
11. Wang Q.E. 2015. *Chopsticks. A Cultural and Culinary History*. Cambridge University Press.
12. Zagrzazkina T.Ju. 2019. Fenomen frankofonii: ot universalizma k kul'turnomu raznoobraziju [The Phenomenon of Francophonie: from Universalism to Cultural Diversity]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 9–23. (In Russ.)

ЯЗЫК. ПОЗНАНИЕ. КУЛЬТУРА

Т.Ю. Загрякина

КОНСТРУКТ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ТРУБАДУРОВ, ИЛИ «ДРУГАЯ ФРАНЦИЯ» СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена языку и культуре Прованса/Окситании периода конца XI – начала XIII в. Показывается, что выражение Ф. Броделя «вечно другая Франция» отсылает к коллективному представлению, конструкту. По мнению Ж.-К. Нарси-Комба, разграничивающего понятия «конструкт» и «концепт», концепт есть результат классификации естественных явлений и человеческих наблюдений, конструкт – действий и воли человека. Задача статьи показать, что провансальская/окситанская идентичность, восходящая к традиции трубадуров, выстраивалась осознанно на базе идентификаторов, формирующих особость региона в глазах «своих» и делающих его узнаваемым в глазах «чужих». Чувство принадлежности к Провансу/Окситании обладает чертами конструкта, в основе которого лежат особые – «сильные» слова, или «слова силы» (*mots-force*), «места силы» (*lieux de force*). Показывается, что трубадуры имели развитое чувство принадлежности к своей земле. Оно выражалось через систему сильных слов – идентификаторов: знаковых топонимов, очерчивающих регион, обозначений языка, названий известных дворов, имен меценатов и дам (в том числе зашифрованных), а также выстроенной системы слов-символов, отражающих идеал, игру, мечту и ценностные установки. Делается вывод, что язык трубадуров – это пример того, как слова формируют идентичность и создают конструкт, компоненты которого не утрачивают своего значения вплоть до настоящего времени.

Ключевые слова: Прованс; Окситания; «другая Франция»; идентичность; провансальский/окситанский язык; культура; конструкт; сильные слова; слова-ключи; слова-символы; идентификаторы; топонимы; трубадуры; Прекрасная Дама.

Обращаясь к теме идентичности Франции, Ф. Бродель писал: «На юге существовала, существует по сей день и будет существовать

Загрякина Татьяна Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, ведущая кафедрой французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tatiana_zagr@mail.ru).

“вечно другая Франция”» [Бродель, 1994: 65]. Данная статья посвящена «другой» Франции – Провансу/Окситании¹ периода расцвета региона, когда была заложена основа его идентичности как особого конструкта.

По мнению Ж.-К. Нарси-Комба, разграничивающего понятия «конструкт» и «концепт», концепт есть результат классификации естественных явлений и человеческих наблюдений, конструкт – действий и воли человека [Narcy-Combes, 2010: 117]. Мы полагаем, что чувство принадлежности к Провансу/Окситании на всех этапах развития региона обладает чертами конструкта, в основе которого лежат особые – «сильные» слова, или «слова силы» (*mots-force*), «места силы» (*lieux de force*). По мнению А. Мейе, а вслед за ним Л. Февра и Р.А. Будагова, «сильные слова» отличаются от обычных «слов-знаков» своей эмоциональной насыщенностью [Загрязкина, 2018: 17–18, 21]. А. Рей полагает, что потенциально «местом силы» может стать любое слово языка, в котором однажды проявится «скрытая жизнь, дыхание, дух или, как раньше говорили, гений» [Dictionnaire culturel en langue française, 2005: XVI].

Используя эту метафору, можно сказать, что язык и культура Прованса/Окситании обладали своим «гением», ассоциированным в первую очередь с эпохой трубадуров (конец XI – начало XIII в.). Эту мысль, в частности, высказал Стендаль: «Все, что до нас сохранилось от этой своеобразной цивилизации, сводится к стихам»². Задачей статьи будет показать, что провансальская идентичность, сформированная в период Средневековья, выстраивалась осознанно на базе сильных слов – идентификаторов, формирующих особость региона в глазах «своих» и делающих его узнаваемым в глазах «чужих».

Идентификаторы пространства

Идентификатором биполярности языкового и культурного пространства Франции является слово, и оно было выбрано Данте. Это частица «да», на основании которой Данте провел классификацию трех языков в трактате *De vulgari eloquentia* (1303–1305): *lingua oc* (провансальский язык)³, *lingua oïl* (французский язык), *lingua si*

¹ Название «Прованс» в широком смысле слова обозначает регион Юга Франции (Окситанию) в целом, в узком смысле слова – историческую провинцию Прованс, расположенную в устье Роны.

² Стендаль. О любви // Стендаль. Собр. соч.: В 15 т. Т. 4. М., 1959. С. 516.

³ Термины «провансальский» и «окситанский» мы используем синонимично, однако провансальский в большей степени относится к прошлому, окситанский – к настоящему языку и культуре Юга Франции.

(итальянский язык). Со временем обозначение *lingua si* стало малоупотребительным, и триада Данте превратилась в диаду *oïl-oc*, сохранившуюся до настоящего времени как противопоставление Севера (*oïl*) – Юга (*oc*) Франции. Ф. Бродель полагал, что оно имеет цивилизационный характер: «территория, где говорят “да” по-северному, и территория, где говорят “да” по-южному, – это две почти во всем различные цивилизации» [Бродель, 1994: 65].

Цивилизация Юга уже в XII в. имела обработанный деловой и литературный язык. Деловой письменный язык Прованса обладал столь большим единством, что нелегко определить, в какой именно области написан тот или иной документ. Язык художественной литературы – язык трубадуров – стал первым обработанным литературным языком новой Европы и противопоставлялся французскому языку точно так же, как южанин противопоставлялся жителям северной Франции, ср. строчки из «Песни ни о чем» трубадура Гильома IX Аквитанского, графа Пуатье: «Я не в упадке: Бегут нормандец и француз во все лопатки» (перевод А. Наймана)⁴. При этом Юг Франции никогда не имел общего управления: им управляли три короля и один император [Брюнель-Лабрюшон, Дюамель-Амадо, 2003: 26]. Общность региона, таким образом, была основана на единстве языка и культуры.

Маркерами этой общности являются идентификаторы, локализирующие регион в пространстве. В лирике трубадуров засвидетельствовано немало географических названий. Среди них отдельные упоминания о северных (собственно французских) территориях, которые чаще всего даны в ряду названий других регионов и их жителей. Ср. северофранцузские топонимы Руан, Мен, Анжу, Турень у Бертрана де Борна:

Ирландец, норманн, Гиенна, Руан ⁵ , И Мена предел Скорбят; горожан И жителей сел	Разносятся пени В Анжу и Турени; И плач англичан Летит сквозь туман, И в скорби поник алеман.
---	---

(Перевод А. Наймана)⁶

⁴ Хрестоматия по литературе Средневековья: В 2 т. Т. I. СПб., 2003. С. 39. Здесь и далее при наличии художественных переводов указывается имя переводчика. Если художественный перевод отсутствует или не является точным, приводится наш буквальный перевод без ссылки на переводчика.

⁵ Здесь и дальше выделено нами. – Т.З.

⁶ Прекрасная Дама: Из средневековой лирики. М., 1984. С. 91.

Однако большая часть пространственных идентификаторов у трубадуров относится к южнофранцузским землям и городам. Поэты очерчивают, объединяют, творят «свое» пространство, как бы набрасывая на него опорную сеть. Некоторые топонимы связаны с историческими событиями. Так, строки Пейре Видаля напоминают о местах боев между Альфонсом Арагонским и Ричардом Львиное сердце:

Я б усмирил *Прованс* и *Монпелье*,
И те, что еле держатся в седле
В *Кро* не посмели б учинить разбой.

(Перевод А. Наймана)⁷

Другие связаны с творческой жизнью поэтов: у разных авторов это Лимузен/Пуату, Тулузский край, Прованс и др. Пейре Видаля считал своей творческой родиной не Тулузу, где он родился, а провинцию Прованс – как он уточнил сам, «землю от *Роны* да *Ванса*, от моря до *Дюранс*». Он писал, что своим вдохновением обязан именно этой земле: «Ab l'alen tir vas me l'aire. qu'ieu sen venir de *Proensa*. tot quant es de lai m'agensa» (Когда я дышу, в меня проникает воздух, который, я чувствую, приходит из *Прованса*. Все, что оттуда, меня радует). И дальше: «когда я слышу, что о *Провансе* рассказывают что-то хорошее, я слушаю, улыбаясь, и прошу сто раз повторить, так я люблю слушать, как о *Провансе* рассказывают что-то хорошее. Нет более милой земли <...>. Если я умею что-либо говорить [*творить*] и делать – это ее заслуга»⁸.

В лирике труверов – северофранцузских поэтов, напротив, упоминаются преимущественно северные земли. Ср. топонимы *Бретань*, *Шампань* у Гаса Брюле:

Я слышу птиц родных краев
На берегах *Бретани*.
Я помню, как звучал их зов
В любезной мне *Шампани*.

(Перевод А. Парина)⁹

Все это позволяет говорить о разделении пространства Франции в представлениях средневековых поэтов и о закреплении этого водораздела в поэтических текстах.

⁷ Там же. С. 120.

⁸ *Roubaud J. Les troubadours: Anthologie bilingue. P., 1971. P. 219.*

⁹ Прекрасная Дама: Из средневековой лирики. С. 145.

Топонимы Юга отражают статику и динамику пространства. Они рассказывают о военных походах и странствиях, но также и о пребывании трубадуров в замках своих покровителей. Названия языка также служили идентификаторами региона.

Кроме названия *proensal*¹⁰ (провансальский), трубадуры использовали и название *lemosi* (лимузенский). Как пишет Ж. Мадоль, некоторые знаменитые трубадуры «были лимузенцами в широком смысле слова» [Мадоль, 2000: 26], как, например, Бертран де Борн – выходец из Перигора (провинция Аквитания). В Средние века с Лимузеном была тесно связана провинция Пуату: обе составляли владения трубадура Гильома IX Аквитанского, графа Пуатье, и его внуки Альеноры Аквитанской. В стихотворении «Покаянная песня» Гильом IX обращается именно к этой земле: «Про то стихи сейчас сложу, Про то спою, о чем тужу; Любви я больше не служу – Знай, Пуату и Лимузен» (перевод А. Наймана)¹¹. Засвидетельствовано еще одно название региона и самого языка – *mondin*, сокращение от *raimondin*, букв. «подданный семьи Раймонов (*Raimon*)», графов Тулузских. Могущественная семья владела огромной территорией, и город Тулуза был третьим по величине западноевропейским городом после Венеции и Рима.

Идентификаторы культуры

П. Бек назвал старопровансальский язык «языком культуры», «искусственным» и эзотерическим, понятным только замкнутому кругу искусственных и просвещенных людей [Вес, 1986: 66]. За небольшим исключением это был язык одного литературного жанра – лирической поэзии, за которым стояла определенная система взглядов, отраженная/сформированная лексической системой языка.

Язык трубадуров имел особую знаковость, выраженную, как пишет М.Б. Мейлах, в «комплексе терминов», «ключевых словах», «словах-темах», «понятиях-формулах», которые «характеризуются высокой семантической насыщенностью» [Мейлах, 1975: 89, 90, 109, 110]. Список близких терминов можно продолжить: форс-слова (*mots-force*), места силы (*lieu de force*), слова-ключи (*mots-clé*), слова-«чемоданчики» (*mots-valise*, термин Ш. Кампу), слова-идентификаторы. С их помощью язык трубадуров формировал куртуазный универсум и воздействовал на модели сознания. При этом, по мнению Ж. Дюби, «мы имеем дело с источником, требующим весьма осторожного подхода. Не следует думать, что он прямо воспроиз-

¹⁰ Provence < Provincia- (Romana-).

¹¹ Хрестоматия по литературе Средневековья. С. 37.

водит жизненную реальность, т.е. нельзя принимать мысли и действия трубадуров и героев романов за прямое отражение мыслей и поступков тех, кто с удовольствием их слушал». Ж. Дюби, однако, признавал, что «творения поэтов имели определенную связь с образом жизни людей, составлявших их аудиторию» [Дюби, 1990].

Эта аудитория представляла собой культурную элиту, о чем есть прямые свидетельства самих трубадуров. У Пейре Карденаля:

... Сирвенты суть моей
Узнают лишь храбрец и книгочей;
Не пой ее мужлану, ибо он
И слыша не поймет, откуда звон.
(Перевод А. Наймана)¹²

По одной из версий, слово «трубадур» восходит к глаголу *trobar* (находить) и изначально содержит сему сознательного поиска и обработки языка. У Арнаута Даниэля:

Слова же мной <i>огранены</i> ,	<i>Не мог найти излома;</i>
До белизны	Прям их <i>ранжур</i> ,
Их <i>мыл и тер</i> ,	Он командир.
Чтоб сам <i>Амор</i>	Я в роли мажордома.

(Перевод А. Наймана)¹³

«Ограниченные слова» трубадуров составляют сеть биполярных оппозиций: *fin'amors* (тонкая любовь) – *fals amors* (несдержанная, земная любовь); радость/игра (*joi*) – страдание (*sofrirs*), мера (*mezura*) – отсутствие меры (*desmezura*); служение/сеньору, даме (*servir/seignor-dona*), милосердие, пощада (*merce*) – лишение милости (*desmerce*) и др. Каждое слово, пара слов и они все вместе обладали эмоциональной силой и ассоциативными связями, создающими мир, который позднее получил название куртуазной культуры (*cortezia*) как антипода низкой культуры (*vilania*).

Fin'amors (тонкая любовь)

Главным из этих слов является, конечно, *amors* (любовь). По мнению Ж. Рубо, трубадуры очень удивились бы, узнав, что именно они открыли любовь в мире поэзии: с их точки зрения, любовь есть основа жизни, это всеобщий господин, но это также и повластная дама: в старопровансальском слово *amors* было женского

¹² Прекрасная Дама: Из средневековой лирики. С. 130.

¹³ Там же. С. 71, 76.

рода. Для трубадуров любовь – это аксиома, данность, очевидность, и именно поэтому «они не говорили, что такое любовь, а [просто] говорили, что она есть» [Roubaud, 1971: 1, 11]. В отличие от эпической поэзии, воспевавшей военные подвиги, и клерикальной литературы, прославлявшей Бога, трубадуры воспевали Даму, обозначая свои чувства специальным термином *fin'amors* – тонкая любовь (у земной любви к простолюдинке был свой термин – *fals amors*).

Идеальным объектом тонкой любви была замужняя женщина, часто – жена сюзерена, и этот статус в мире воображаемого делал ее недостижимой. На пути любящих вставали многие преграды: далекие походы, битвы, паломничества, а также козни клеветников (*lauzengiers*) – своего рода представителей общественного мнения, следившего за выполнением правил игры. Тонкая любовь – это любовь «дальняя», т.е. более мечта о любви, чем реальность, и осознание того, что мечта труднодостижима или вовсе недостижима. Строки Джауфре Рюделя:

Нет, Даму мне <i>не улаждать</i> ,	Та, что <i>не в силах награждать</i>
Любвных мне <i>не ждать затей</i> .	И нежной речью угождать,
Увы, я мил <i>не стану ей</i> .	<i>Моих не осчастливит дней.</i>

(Перевод А. Парина)¹⁴

В творчестве Джауфре Рюделя преграды между любящими непреодолимы, и идея «дальней» любви доведена до конца: «Меж нами тысячи лежат Шагов, дорог, земель, преград...» (Перевод А. Наймана)¹⁵.

Joï (Радость/игра)

«Любовь вместе с весельем, празднествами и удовольствиями царил в замках счастливого Прованса», – писал Стендаль в своем трактате «О любви»¹⁶. При этом куртуазная любовь вызывала двойное чувство: не только радости (*joï*), но и печали, страдания (*sofrirs*). Ср. у Джауфре Рюделя: «Печаль и радость тех бесед храню в разлуке с Дамой дальней» (перевод А. Наймана)¹⁷.

Мотивы печали и радости были унаследованы трубадурами из народной романской поэзии. Первый связан с жанром альбы (расставание влюбленных на заре), второй – с «майскими песнями». В майских песнях и обрядах царил веселье как общее состояние

¹⁴ Прекрасная Дама: Из средневековой лирики. С. 37.

¹⁵ Там же. С. 34.

¹⁶ Стендаль. О любви // Стендаль. Указ. соч. С. 520.

¹⁷ Прекрасная Дама: Из средневековой лирики. С. 34.

человека и весенней природы [История французской литературы, 1946: 87]. У трубадуров радость также обозначала состояние гармонии, экстаза, внутреннего совершенства, в котором находится любящий, при этом она могла разливаться на природу и весь окружающий мир. У Гильома Аквитанского: «Вся радость мира – наша повелительница, если мы любим друг друга»¹⁸. «Joi» могло обозначать и черту характера Дамы, которая передавала радость рыцарю, как бы отдавая ее в дар. У Пейре Овернского:

В ней с *весельем* совмещена
Сладость куртуазных затей;
Радостью сверходарена ...

(Перевод А. Наймана)¹⁹

Вслед за Ш. Камру, Ж. Рубо назвал это слово «чемоданчиком» (*mot-valise*) с большим «содержимым»: слово имеет не только значение радости (< gaudiu-), но и значение игры (< jocu-) [Roubaud, 1971: 17]. Сочетание двух смыслов отражено в переводе строк Бернарта де Вентадорна, выполненным В. Дынник: «*Играющий*, веселый свет Любви и *радости* живой»²⁰. Дух эксперимента, игры, авантюрного поиска пронизывал всю поэзию трубадуров и, как считает А.Г. Найман, во многом был ее главным смыслом [Найман, 1979: 9]. По мнению Ж. Мадоль, эта поэзия была и этикой, и наукой, и даже фокусом [Мадоль, 2000: 49]. Сами трубадуры считали свое творчество «веселой наукой», «веселым знанием» (*gai saber*), подчеркивая чувственное и рациональное начало. Эти мотивы отметил А.С. Пушкин в статье «О поэзии классической и романтической»: «Трубадуры играли рифмою, изобретали для нее все возможные изменения стихов, придумывали самые затруднительные формы: явились <...> баллада, рондо, сонет»²¹.

Mezura (Мера)

Тонкая любовь – удел людей благородных, стремящихся к равновесию, гармонии, мере (*mezura*). Трубадур Маркабрюн называл радости этой любви «выстраданными и размеренными» (*jois sofris e mesura*) [Roubaud, 1971: 18]. Напротив, любовь к простолюдинке

¹⁸ Roubaud J. Les troubadours: Anthologie bilingue. P.: Seghers, 1971. P. 16.

¹⁹ Прекрасная Дама: Из средневековой лирики. С. 54.

²⁰ Там же. С. 47.

²¹ Пушкин А.С. О поэзии классической и романтической // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в одном томе. М., 1949. С. 1288–1289.

связана с насилием, чрезмерными, необузданными страстями – отсутствием меры (*desmezura*).

С точки зрения Ж. Рубо, трубадуры выработали концепт *меры* для того, чтобы преодолеть напряжение, возникающее между чувствами радости и страдания, надеждой и безнадежностью, страхом и отвагой. Любящий любит и страдает, он и смел, и робок одновременно. С одной стороны, он открывает свою любовь, с другой – оберегает ее и скрывает даму под вымышленным именем – знаком, сигналом (*senhal*) [там же].

Кроме того, слово *mezura* обозначало хорошие манеры и умение властвовать собой. Дама должна обладать этим качеством и прививать его рыцарю: «бешеного обуздать и неучтивца воспитать», – как писал Гильом Аквитанский²². Принцип «золотой середины» Маркабрюн вложил в уста пастушки, которая ведет себя сдержанно, как знатная дама:

Золотую серединой
Курс держать, борясь с судьбиной, –
Вот суть жизненного плана.

(Перевод А. Наймана)²³

В своем трактате «О любви» Стендаль отметил интерес к форме, который проявляли трубадуры, и подчеркнул, что для того времени она имела «всю свежесть и пикантность новизны»²⁴. У трубадуrows *mezura* смягчает язык так же, как она смягчает чувства, и фактор *меры* характеризует виртуозное искусство поэзии, технику стихосложения, оттачивание языка и стиля.

Формируя традицию, поэты следовали канонам и воспроизводили штампы (пение соловья, сад, цветник любви и т.д.). Играя со словом, они создавали новые формы, неожиданные и яркие образы. Все это могло сочетаться в одном стихотворении и даже четверостишии. Ср. у Гираута де Борнеля яркий образ (*заболевший зуб*) – штамп (*цветник*):

Все время хочет мой язык
Потрогать *заболевший зуб*,
А сердце просится в *цветник*.

(Перевод А. Наймана)²⁵

²² Прекрасная Дама: Из средневековой лирики. С. 22.

²³ Там же. С. 26.

²⁴ Стендаль. О любви // Стендаль. Указ. соч. С. 518.

²⁵ Прекрасная Дама: Из средневековой лирики. С. 66.

Поэты жили не только в Южной Франции, но и в Париже, Шампани, Италии, Лондоне, в частности, при дворах Элеоноры Аквитанской, ее дочерей Марии Французской (Шампанской) и Аэлис, графини Блуаской. Провансальский язык превращался в международный язык Европы, и понятие *меры* получило значение *правила*, в том числе грамматического. Сами трубадуры писали трактаты – поэтики/грамматики, имевшие двойную, языковую и поэтическую, направленность. Среди них *Las Razos de trobar* Раймона Видаля (XII в.), *Donat proensal* Юка Файдита (XIII в.), более поздний трактат *Leys d'Amor* («Правила поэзии о любви», XIV в.).

Servir/seignor-dona
(служение, служить/сеньору-даме)

«Сильное слово» *servir* имело двойную референцию как служение господину и Даме. См. у Бернарта де Вентадорна:

Пошел я, Донна, с давних дней
За вами в сладостный полон,
Вы – *мой сеньор*, вы – *мой барон*.
Я дал вам верности обет.

(Перевод В. Дынный)²⁶

До сих пор идут споры о том, как объяснить старопровансальское обращение к даме *midons* в форме мужского рода (букв. «*моя сеньор*»). Возможно, оно объясняется двойной направленностью глагола *servir*. У Раймбаута Оранского: “*de midons fatz dompn'e seignor*” («к моей *сеньору* (муж. р. в значении жен. р.) [отношусь] как к даме и как к господину») [Roubaud, 1971: 20].

В трактате «О любви» Стендаль не прошел мимо старопровансальских слов мужского и женского рода, употреблявшихся для обозначения одного и того же лица, предмета или явления. Он назвал это явление неразгаданной загадкой, впрочем, не единственной. В лирике трубадуров сложилось два стиля – более ясный (*clar*) и более «темный» (*oscur*), при этом намеки и иносказания были свойственны обоим стилям. Стендаль объяснял «запутанность» языка трубадуров сложностью правил поведения, которые, в свою очередь, складывались под воздействием языка: «Общество, молодое еще, с увлечением предавалось разным формальностям и церемониям, которые в ту пору свидетельствовали о наличии цивилизации».

²⁶ Там же. С. 47.

Одной из таких церемоний, по мнению писателя, был «официальный способ объявлять себя влюбленным»²⁷.

Согласно версии (возможно, и ошибочной), которой придерживался и Стендаль, существовал официальный способ разрешить любовные казусы на «судах любви», проходящих под предводительством знатных дам – Альеноры Аквитанской, Марии Шампанской. Об этих судах сообщал Андрей Капеллан в латинском трактате «О любви», написанном в Париже в 1200 г.²⁸ До сих пор остается неясным, существовали ли эти «суды» как реальный факт, или они относились к миру воображаемого.

Так же, как были регламентированы отношения сеньора и вассала, были определены и отношения Дамы и рыцаря. В куртуазном мире они имели характер особого многоступенчатого ритуала, при этом для нас важно, что каждый этап обозначался сильным словом: 1) *fenhedor* – скрывающий свои чувства; 2) *precador* – молящий о благосклонности; 3) *entendedor* – признанный дамой и ее окружением влюбленный; 4) *dрут* – возлюбленный. На последней ступени рыцарь мог рассчитывать на улыбку дамы, ее ленту и даже поцелуй [История французской литературы, 1945: 85]. Поцелуй, как и дарение кольца, были символическими актами, сопоставимыми со знаками вручения лена (земельного владения, предоставляемого вассалу за выполнение службы). Ср. у Рамбаута де Вакейраса: «И в сердце щедром выделен мне *лен*...» (перевод А. Наймана)²⁹.

Идентификаторы личности *Paratge*

Все слова, которые мы приводили, характеризуют не только культуру, но и личность ее носителей. Рассмотрим в этом контексте и слово *paratge*, обозначающее качество Дамы (<лат. “*parere*”, «являться, появляться»), не входящее в состав бинарной оппозиции и не имеющее переводного эквивалента.

По мнению Ж. Дюби, куртуазная любовь была прежде всего знаком престижа в мужском обществе³⁰, и Дама должна быть не только красива, но обладать другими достоинствами, среди которых благородство происхождения, образованность, вкус, владение собой, хороший язык и умение вести беседу. Эти качества, включая речь, составляют содержание слова *paratge* как классификатора, отлича-

²⁷ Стендаль. Указ. соч. С. 516.

²⁸ Капеллан А. О любви // Жизнеописания трубадуров. М., 1993. С. 383–401.

²⁹ Прекрасная Дама: Из средневековой лирики. С. 84.

³⁰ Дюби Ж. Указ. соч.

ющего Даму от простолюдинки. Лучше всего об этом сказали сами трубадуры:

Бернарт де Вентадорн:
Не хватит жизни никакой
Воспеть и взор ее живой,
И прелесть тонкую бесед.

(Перевод В. Дынный)³¹

Бертран де Борн:
В госпоже Файдите слит
Блеск поступков с блеском фраз.
Бель-Мираль душой здорова,
Вкус изыскан, лик румян
От ее бесед я пьян.

(Перевод А. Наймана)³²

Ж. Мадоль полагает, что это слово было «почти непереводаемым» и не имело аналога в старофранцузском языке [Мадоль, 2000: 45]. Ж. Рубо видел в нем множество значений, впоследствии утраченных: «В слове *paratge* заложена идея внешнего облика (*appareance*), умения себя показать (*apparâitre*) и идея родства (*parenté*). Это одно из драгоценных, непереводаемых, незаменимых, блестящих, но забытых слов языка трубадуров» [Roubaud, 1971: 10]. Ф. Ньель рассматривает слово в еще более широком значении: «...честь, прямота, равенство, отрицание права сильного, уважение к человеческой личности» [Niel, 1990: 67].

Merce (Милосердие) – Desmerce (лишение милости)

Средневековью было свойственно конкретное представление идеи Бога, сформированное в период, несмотря на старания теологов разделить телесное и бестелесное [Ле Гофф, 1992: 144]. Синтез двух этих начал обнаруживается в форс-слове *merce* (милость). Так, Гаусельм Файдит просит Даму о пощаде и милосердии (*merce*) со сложенными, как для молитвы Деве Марии, руками³³. Рыцарь не может быть до конца уверенным, достоин ли он высшего милосердия, или опасается быть его лишенным (*desmerce*). Добываясь благосклонности, Джауфре Рюдель чувствует поистине адский огонь и доходит до полного изнеможения:

*Я рад в огне любви гореть.
Хоть жар пронзает до костей.
Плоть все худее, все слабей,
Не знал, что можно боль терпеть,
При этом от блаженства млеть.*

(Перевод А. Парина)³⁴

³¹ Прекрасная Дама: Из средневековой лирики. С. 47.

³² Там же. С. 93.

³³ Хрестоматия по литературе Средневековья. С. 23.

³⁴ Прекрасная Дама: Из средневековой лирики. С. 36.

У некоторых трубадуров со светом и чистотой сравнивается не божественная энергия, а любовь к Даме. У Бернарта де Вентадорна: «Ярче небесного света В сердце заря золотая» (перевод В. Дынник)³⁵; у Пейре Овернского: «Сама же любовь, как снег, чиста» (перевод А. Наймана)³⁶. У Гильома де Монтанаголя источником света становится сама Дама: «В замке Люнель сияет светлая луна, которая светит более ярким светом, чем весь другой свет...»³⁷

Как видно из приведенных примеров, любовь земная и духовная легко могли переходить одна в другую. Стендаль объяснял это тем, что южнофранцузский дворянин представлял собой тип «экзальтированного христианина», готового перейти «от цивилизации, исполненной радости, к фанатизму и тяготам лагеря крестоносцев»³⁸. Действительно, регион жил драматической духовной жизнью. Именно отсюда, из средиземноморских портов, крестоносцы отправлялись на Святую землю. Кроме того, на Юге проходили диспуты и кровопролитные войны между приверженцами католицизма и катаризма (одной из ересей Юга Франции), во время альбигойских войн³⁹ здесь горели костры инквизиции. Культ Девы Марии у катаров был по-особому напряженным: ее считали ангелом, а не земной женщиной [Мадоль, 2000: 83]. Особенности культа Мадонны, отмеченные у катаров, могли повлиять и на культ Прекрасной Дамы. Большинство трубадуров были католиками, однако, как писал исследователь катаризма Ф. Ньель, трудно поверить в то, что два мира – трубадуров и катаров – существовали параллельно и не соприкасались между собой. Слишком часто у них была одна и та же аудитория [Niel, 1990: 68].

Заключение

У трубадуров были предшественники на Востоке и Западе: отмечают влияния арабо-андалузской поэзии, расцветшей в Испании, средневековой латинской, классической персидской и народной романской традиций. Между тем ни одно из влияний в полной мере не объясняет феномена старопровансальской культуры и тех «загадок» [Найман, 1979: 3], которые она до сих пор ставит перед ис-

³⁵ Прекрасная Дама: Из средневековой лирики. С. 49.

³⁶ Там же. С. 54.

³⁷ *Roubaud*. Op. cit. P. 403.

³⁸ *Стендаль*. Указ. соч. С. 517.

³⁹ Альбигойские войны (les guerres albigeoises), 1208–1229/1244; по названию города Альби – одного из городов, охваченных катаризмом, – военный поход северных сеньоров против южан, во время которого была подавлена ересь катаров и разрушена старопровансальская культура.

следователем. Одна из «загадок» заключается в том, как могла условная и рассудочная поэзия быть поэзией личного чувства, глубокого и противоречивого, во многих случаях – трагически безысходного.

Среди других особенностей – двусторонняя направленность языка и культуры Прованса: внутрь региона и за его пределы. Сформировав для Европы куртуазный универсум и глобальный язык поэзии, трубадуры заложили идентичность Нового времени с его идеями чести, знания, воспитанности, любви как основы союза мужчины и женщины и др. Однако поэты создали и другой конструкт – собственно провансальскую/окситанскую идентичность. Они творили «свой» язык и пространство, «свой» земли, леса, замки, людей, живших в очарованном мире, сквозь который проступали и реальные черты.

Трубадуры имели развитое чувство принадлежности к своей земле. Оно дошло до нас сквозь века через провансальский язык с его системой сильных слов – идентификаторов: топонимов, очерчивающих регион, обозначений языка, названий известных дворов, через имена меценатов и дам (в том числе зашифрованные) и выстроенную систему слов-символов, формирующих идеал, игру, мечту и ценностные установки высокого образца.

В дальнейшем провансальский/окситанский язык практически выйдет из употребления. Многие слова сотрутся, потеряют силу и будут забыты, другие же сохранятся как опора «новой идентичности» региона, основанной на переосмыслении мест памяти, восходящих к традиции трубадуров. Трансляция этих установок через поколения, неугасимый дух постоянного возрождения и обновления – еще одна загадка языка и культуры «Другой Франции». Но это уже тема новой статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бродель Ф.* Что такое Франция?: В 2 т. Т. 1, ч. 1. М., 1994.
2. *Брюнель-Лабришон Ж., Дюамель-Амадо К.* Повседневная жизнь во времена трубадуров XII–XIII века. М., 2003.
3. *Дюби Ж.* Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции XII в. // *Одиссей. Человек в истории.* М., 1990. С. 90–96. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/zhorzh-dyubi-kurtuaznaya-lyubov.htm/> (дата обращения: 24.12.2019).
4. *Загряжская Т.Ю.* Франция и франкофония: язык, общество, культура. 2-е изд. М., 2018.
5. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

6. *Мадоль Ж.* Альбигойская драма и судьбы Франции. СПб., 2000.
7. *Мейлах М.Б.* Язык трубадуров. М., 1975.
8. *Найман А.Г.* О поэзии трубадуров // *Песни трубадуров.* М., 1979. С. 3–25.
9. *История французской литературы / Под ред. В.М. Жирмунского.* Ч. I. М.; Л., 1946.
10. *Вес Р.* La langue occitane. P., 1986.
11. *Dictionnaire culturel en langue française / Dir. A. Rey.* En 4 vol. V. 1. P., 2005.
12. *Narcy-Combes J.-P.* Illusion ontologique et pratique réflexive en didactique des langues // *Le français dans le monde – Recherches et applications.* 2010. № 48 (Juillet). P. 111–122.
13. *Niel F.* Albigeois et cathares. 12-me édition. P., 1990.
14. *Roubaud J.* Les troubadours: Anthologie bilingue. P., 1971.

Tat'yana Yu. Zagryazkina

**IDENTITY CONSTRUCT IN THE WORKS OF
TROUBADOURS OR “ANOTHER FRANCE”
THROUGH THE LANGUAGE LENS**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article is devoted to the language and culture of Provence/Occitania in the period of the late XI – early XIII centuries. It is shown in the article that the phrase of F. Brodel “forever another France” refers to a collective representations. According to Narcy-Combes J.-P who separated the terms “concept” and “construct”, the former is a result of a classification of natural phenomenon and people’s observation, while the latter is a result of people’s actions and will. The aim of this article is to show that the Provence/Occitanian identity, that goes back to the tradition of troubadours was created consciously on the base of identifiers. These identifiers formed on the one hand the uniqueness of the region in the eyes of its inhabitants and on the other hand they made it recognizable in the eyes of strangers. The feeling of belonging to Provence/Occitania has the features of a construct, which is based on special – “strong” words, or “words of power” (mots-force), “places of power” (lieux de force). The article shows that troubadours had a developed sense of belonging to their land. This sense of belonging was expressed through a system of strong words – identifiers such as iconic toponyms outlining the region, language designations, names of famous courtyards, names of patrons and ladies (including encrypted ones), as well as a built-in system of word-symbols reflecting the ideal, game, dream and values. In the article the conclusion is made about the troubadours’ language: it is an example of the way the words form an identity and the way they create a construct, which components don’t lose their meaning up to the present.

Key words: Provence; Occitania; “another France”; identity; Provençal/Occitanian language; culture; construct; strong words; key words; word symbols; identifiers; toponyms; troubadours; Beautiful Lady.

About the author: Tat'yana Yu. Zagryazkina – PhD in Philology, Professor, Head of the Department of French Language and Culture at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University (e-mail: tatiana_zagr@mail.ru).

REFERENCES

1. Brodel' F. 1994. *Chto takoe Frantsiya?* [What is France?] In 2 vol. Vol. 1. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovykh. (In Russ.)
2. Bryunel'-Labrishon Zh., Dyamel'-Amado K. 2003. *Povsednevnyaya zhizn' vo vremena trubadurov XII–XIII veka* [Everyday life during the troubadours of the 12th–13th centuries]. Moscow, Molodaya gvardiya. (In Russ.)
3. Dyubi Zh. 1990. Kurtuaznaya lyubov' i peremeny v polozhenii zhenshchin vo Frantsii XII v. [Courtyard love and changes in the status of women in France of the 12th century]. *Odissei. Chelovek v istorii* [Odyssey. The man in history]. Moscow, pp. 90–96. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/zhorzh-dyubi-kurtuaznaya-lyubov.htm/> (accessed: 24.12.19). (In Russ.)
4. Zagryazkina T.Yu. 2018. *Frantsiya i frankofoniya: yazyk, obshchestvo, kul'tura* [France and Francophonie: language, society, culture]. 2nd ed. Moscow, Izd-vo Mosk. Universiteta. (In Russ.)
5. Le Goff Zh. 1992. *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada* [Civilization of the medieval West]. Moscow, Progress. (In Russ.)
6. Madol' Zh. 2000. *Al'bigoiskaya drama i sud'by Frantsii*. [Albigian drama and the fate of France] Saint Petersburg, Evraziya. (In Russ.)
7. Meilakh M.B. 1975. *Yazyk trubadurov* [The language of the troubadours]. Moscow, Nauka. (In Russ.)
8. Naiman A.G. 1979. *Opoezii trubadurov* [On the poetry of the troubadours]. In *Pesni trubadurov* [Songs of the troubadours]. Moscow, Nauka, pp. 3–25. (In Russ.)
9. Zhirmunskiy V.M. (ed.) 1946. *Istoriya frantsuzskoi literatury* [History of French literature]. Ch. I. Moscow-Leningrad. (In Russ.)
10. Bec P. 1986. *La langue occitane* [The Occitan language.]. Paris, PUF. (In French)
11. Rey A. (ed.) 2005. *Dictionnaire culturel en langue française* [Cultural dictionary in French]. In 4 vol. Vol. 1. Paris. (In French)
12. Narcy-Combes J.-P. 2010. Illusion ontologique et pratique réflexive en didactique des langues [Ontological illusion and reflexive practice in language teaching]. *Le français dans le monde – Recherches et applications* [French in the world – Research and applications], no. 48 (Juillet), pp. 111–122. (In French)
13. Niel F. 1990. *Albigeois et cathares* [Albigeois and Cathars]. Paris, PUF. (In French)
14. Roubaud J. 1971. *Les troubadours: Anthologie bilingue* [Les troubadours: Bilingual anthology]. Paris. Seghers. (In French)

Nellie G. Avetisyan

**THE PROCESS OF DEMOCRATIZATION IN THE
CONTEMPORARY LANGUAGE OF MASS MEDIA**

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

The article deals with the problem of language development and the language of mass media in particular. The on-going process of globalization appears to affect all aspects of social life, including language development and the language of mass media above all. This influence results in the language of mass media becoming increasingly international.

The democratization of social and everyday life over the past few decades, radical changes in the field of public relations have greatly contributed to democratizing the language of mass media. Whatever its negative consequences might be, the democratization of the language of mass media is an objective reality, a reflection of the current state of affairs. But the point is not only grammar and vocabulary defects found in the language of mass media. It is a common worldwide problem. There is an objective reason. The genre demands that information should be passed on to the consumer as soon as possible. There is too little time to correct and edit texts (speeches), which leads to journalists' getting used to these standards and to lowering requirements for the precision and accuracy of their messages.

There are perhaps more advantages than disadvantages arising from the process of democratization, which can best be seen in the language of mass media. And it is probably the language of mass media that is crucial to language development.

Key words: globalization; the internationalization of language; language development; the language of mass media; the process of democratization.

There was, is and most probably will be a lot of disagreement about different aspects of language. This will be the case as long as it remains a means of communication. The disagreement is not only of a professional, but very often also of a political nature. Of course, linguists are primarily (but not exclusively) interested in language as a linguistic category. From that perspective, the on-going disputes about language seem to be brought about by the fact that it comes in several and, as it seems, hardly compatible categories, as well as in several types (spoken, written, scientific, professional, etc.).

Language is said to be a mirror of the society, an impartial witness of its level of development, the national character of its people, peculiarities

Nellie G. Avetisyan – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ic_culture@fl.msu.ru).

of its history, cultural traditions and many other things. So why is there so much controversy about what is supposed to be an indisputable objective reality?

On the one hand, language is quite a stable and conservative system. It could not be otherwise, since it is a means of communication, a link between generations, centuries, thousands of years. After 100, 200, 300 years people still read the written heritage of their predecessors. Even today the English can read Jeffrey Chaucer's works from the 14th century as well as William Shakespeare's masterpieces from the 16th – 17th centuries, in the same way that Italians can read Dante Alighieri, who started creating his masterpieces as far back as the 13th century.

On the other hand, however, language is a living being. It keeps developing all the time and cannot help doing so, because it is society as a whole and every single person in particular that is constantly developing. Each generation wants to (and indeed, it does) contribute to language development. But there would be no division into conservatives and reformers (modernizers) if the former did not try to preserve whatever is already familiar and easily recognizable, well-established, fully-fledged, and if the latter did not seek a constant renewal in different fields of life, including language. What seems an impermissible contamination, barbarization and even vulgarization of the language to some, is welcomed by the others as a natural process of language development and enrichment. Besides, there are both moderate modernizers and reforming conservatives in between these two extremes.

However, it is also within the language that tensions arise. Whereas vocabulary keeps growing and is actually going far ahead, drifting away from its original quality as a standard language, say Chaucer or Pushkin's language, grammar and spelling remain a lot more conservative. Vocabulary changes leave modifications in word or sentence structures and spelling far behind. English might be the most vivid example. If the vocabulary development has been really explosive in the past decades, English spelling still remains as notorious as it used to be, although there is also a certain reasoning behind it. Anyway, philosophically speaking, quantity will be transformed into quality in the long run. Revolutionary changes in the vocabulary may call for a grammar reform of the language.

But if language is a mirror of the society, the language of mass media is a diagnosis of the language situation as such, not to mention its importance as a tool of ideological, political and other types of campaigns. Almost all the problems related to language as a phenomenon are expressed most thoroughly and, perhaps, most acutely in the language of mass media, this is where they are also reflected. Nowhere else could you find such a close link between language and social life. The language of

mass media shows not only positive and negative aspects of language development, but also the contradictions of that development. As a matter of fact, language is a tool of communication, and as such it is supposed to be neutral to different people (belonging to various social and professional groups, parties, classes), just like a typewriter, computer, fax, e-mail, etc. At first sight, this does indeed seem to be the case. Irrespective of their education, profession, status and so on, people normally tend to speak and write in a way that they can be understood by others. Should they fail to get their message across, it is their personal problem caused by poor education, speech defects, etc. Even if, say, an English-speaking foreigner would sometimes have difficulty trying to understand a Scott, Irish or American from the Southern states, it is not a language problem but the problem of deviations from standard English in certain regions or English-speaking communities.

Nevertheless, given that language is just a tool of communication, why should there still be occasional controversy and fierce battles about it not only among linguists and literary critics, which would be understandable, but also among politicians? The influence of English within a country has often been condemned. For instance, in present-day France the language problem has turned into a national problem of almost crucial importance and is all about opposing the “Americanization” of French. In French-speaking Québec, English advertisements, shop names, and traffic signs have been changed in an effort to stop the advance of English in the province. There have been anti-English movements in several other countries, as well.

Obviously, language is not just a tool, like a typewriter or a computer, a dictaphone or a tape recorder. It is rather a collective product of a nation, of an infinite number of generations. It is a means of communication used by the people. As such, it has a social coloring, so to speak. In some cases, it is just slightly discernible, in some – clearly expressed. But nowhere does it show as explicitly as in England. What is meant is not only, and not really, cockney – a jargon, or rather, a special language spoken by the lower classes of East End in London. What is meant is the language itself. It is the pronunciation, oral speech as such – not the clothes, cars, etc. that indicated the social group – if not the social class – the person belonged to. Although democratization of almost all fields of life sweeping across the West, including England, has done a lot to level off the society, the language can still be used to identify the academic background of a person, – even though BBC did for a long time promote and popularize “classical” English among the British and has been quite a success in this sense.

But apart from the social function, language also performs a cultural one. As philosopher Martin Heidegger said, “Language is a home of

reality”¹. It is the native language that national culture, religion, etc. is related to. Metaphorically speaking, to deprive a nation of its language would mean taking its soul away. It might be the reason why the French have upgraded a campaign against an influx of foreign (English in particular) words into the French language, against bills, posters, signs in English, to an official policy. In fact, though, all their efforts are aimed against the Americanization of social and cultural life in France, rather than against the English language as such. According to Heidegger, “reality lives in the innermost part of culture – that is, in the language”².

But since language is also a battlefield for ideological, political rivals, etc., it sometimes gets so much ideologized and politicized that it ends up turning from a means of communication into a means of ideological campaigns. And supposing such a language crossed the borders of politics and became common in school and university textbooks and additional materials, supposing it were introduced in the system of education aimed at bringing up new generations, became part of their everyday lives and (at least, to some extent) a language of fiction, it would be etched on mass consciousness. In this case one could, of course, try and prove the opposite. There might be an argument, for instance, that language as such remains a tool of communication in all the above cases. But like any other tool, say a surgeon’s scalpel or a builder’s hammer, it can be misused to do harm to others. We can talk about various approaches to language – linguistic, philosophical, cultural, etc., thus shifting the focus of vision. But science benefits from having different schools, different approaches to the same problems, different solutions.

Speaking about the language of mass media as such, the discussion is still centred round the same old themes. The language of mass media – the subject of a relatively young branch of knowledge – Media Linguistics, which studies the functioning of language in the sphere of mass communication [Dobrosklonskaya, Edlichko, 2017: 187] – is claimed to be stylistically uneven and grammatically imperfect, with plenty of vulgarisms and explicitly obscene vocabulary, contaminated with foreign words and so on and so forth. Let’s assume it is true. But it is not the main point – either if we choose to speak about the language of mass media in general, or if we refer to the current situation, where the on-going process of globalization appears to affect all aspects of social life, including language development and the language of mass media above all. “Globalization today has involved all countries; it has invaded all spheres of life, and has now become an essential factor in the development of modern society” [Cherezova, Yakukhnova, 2019: 148]. This influence results in

¹ *Filosofskii ehntsiklopedicheskii slovar’*. 1983 [Encyclopedic Dictionary of Philosophy]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. P. 753. (In Russ.)

² *Ibid.*

the language of mass media becoming increasingly international. In fact, the ever-growing trends we are now witnessing in Russian are a mere reflection of global trends.

Every year we tend to find more and more common words in almost any European language. Accelerated scientific and technological process, radical changes in the field of public relations have brought about a great many new words and notions, which are mostly adopted by other national languages as calques from English. The simple reason is that more often than not, the notions expressed by those words emerge in English-speaking countries, especially in the USA which is leading the way in many aspects of progress. Since language is rational by nature, it cannot function in any other way, because it would take dozens of words instead of one to express many new notions in the native language. These are notions, like, for example, “Internet”, “cloning”, “PR”, “HR”, “fax”, “disc”, “CD”, “marketing”, etc.

Accelerated development of the world economy, ever-growing business activities of multinational corporations, the rapid spread of electronic media have all given rise to a sort of “new Esperanto” spoken by businessmen from different countries. The process of creating this language has been greatly assisted by extensive business contacts developed through the Internet. As a result, communication on the Internet has become almost impossible without knowledge of English, or rather that “new Esperanto” as its substitute. But the internationalization of the language of mass media is also reflected in the newly emerged trends common to the world community (or at least, the community of developed countries). The democratization of social and everyday life over the past few decades, revolutionary changes in relationships between and within sexes, changing attitudes to marriage, family, etc. have greatly contributed to democratizing the language of mass media and accepting words and expressions previously considered as obscene, rarely used and just unthinkable in the field of public relations.

Of course, there is still a certain split between serious, respectable mass media on the one hand and the mass media commonly referred to as “yellow” journalism, on the other hand. It is hardly possible, for instance, that *The Times*, *The Financial Times* or BBC would stuff their readers or viewers with vulgarisms or obscene words. The same is not only possible, but rather, highly probable when it comes to *The Sun* or other tabloids.

Yet, we should not generalize or take all the aforesaid to extremes. For example, in post-Soviet Russia, “language emancipation” is dominated by youth newspapers, such, for instance, as *the Moskovsky Komsomolets*. To say nothing of the language of advertising, the Internet, including that of mass editions distributed free of charge, which is inherently rude and

explicitly obscene. However, words and expressions produced by that “emancipation” ultimately make their way into rather conservative newspapers, as well. Moreover, “emancipated language” also comes into fiction. But the world has already seen the peak of “language emancipation” and is currently witnessing campaigns for purification and elimination of vulgarisms and the like (there can and should be no turning back to the former state, of course).

Whatever its negative consequences might be, the democratization of the language of mass media is an objective reality, a reflection of the current state of affairs. This process fits into the current period. But at the same time, it would be strange if the negative consequences of “language emancipation” did not cause any outcry among Russian philologists, literary critics, specialists in culture, etc.

We must admit that the standards of Russian in the Soviet mass media were higher than in post-Soviet Russia. The language quality requirements set forth by the chief editors of periodicals and the management of electronic media appear to be too low. It is not only the bad style or the use of vulgar words and expressions that is meant here. Many writers and speakers obviously have trouble with cases. There are examples given by some authors, such as “опасение возможной победы оппозиции” (“fear with the potential victory of the opposition”), “сожаление тем, что” (“regret with... ”)³ [Komissarov, 2001]. Many journalists and political scientists do not have – and do not even try to get – a feeling for good Russian.

But the point is not only the grammar and vocabulary defects found in the language of mass media. It is a common, worldwide problem. And there is an objective reason. The genre demands that information should be passed on to the consumer (reader, viewer, or listener) as soon as possible. It leaves too little time to correct and edit texts (speeches), so that journalists end up getting used to these standards and lowering requirements for the precision and accuracy of their messages.

Yet, the features we have been focusing upon so far are not essential to the modern language of mass media. There are going to be more advantages than disadvantages arising from the process of democratization, which can best be seen in the language of mass media.

It is probably the language of mass media that is crucial to language development. Why? First of all, the language of mass media is the first to respond to any innovations related to social progress, even though it has accelerated so much that the amount of knowledge doubles every ten years. Moreover, it is difficult to imagine that progress would be possible

³ *Komissarov S. My zaputalis' v padezhakh i oborotakh* [We are confusing cases and constructions] // *Nezavisimaya gazeta*, no. 14. 27.01.2001. (In Russ.)

at all if the mass media did not introduce any new phenomena, notions, names, etc.

Secondly, it is primarily the language of mass media that contributes to vocabulary enrichment.

Thirdly, vocabulary will sometimes increase by leaps and bounds, which, metaphorically speaking, could make it difficult for the grammar systems of some languages to cope with the pressure, resulting in a conflict between vocabulary and grammar. If this really happens to be the case, it should be treated as evidence that the language is badly in need of a reform, and indeed, it soon turns out to be high on the agenda.

Fourthly, democratization of a language (going hand in hand with the democratization of the society), accompanied with an influx of dubious and explicitly vulgar vocabulary, including jargons, special criminal language, etc., ultimately contributes to broadening the field of standard language. Both English slang and local jargons, as well as criminal language, are not mere products of a specific social environment. They can often be seen as a challenge to official (standard) language, if not the establishment as a whole; the attraction that vulgar vocabulary has for the youth is similar to that of a forbidden fruit and is all about copying “big guys”, etc. The contemporary language of mass media, especially youth media, meets the demands and caters for the needs of those dissatisfied with standard language.

But given the so-called “pendulum pattern” of development, the trend towards broadening the scope of language is bound to give way to – and is already giving way to – a campaign for language purity, – this, however, already based on new vocabulary and with some innovations in the grammar system of the language. We are now witnessing the emergence of simplified linguistic constructions – probably, under the influence of English among other things. For instance: “Он обратился к избирателям поддержать его на выборах” (“He called on his electorate to support him”). From the point of view of standard Russian, the words “с призывом” (“with an appeal (call)”) or “с просьбой” (“with a request”) are missing here. There are some authors strongly opposed to simplifications of this kind⁴. But these simplifications are consistent with the rational nature of the language. The English for it would be just that: “He called on his electorate to support him”. It is its amazing flexibility and rationality that proves to be the strong point of English (putting aside English spelling and pronunciation) and largely accounts for the worldwide increase in its popularity and its triumphant “conquest” of the Earth. It will easily adopt any number of new notions and words and can hardly be damaged by any borrowings. The linguistic contribution of American presidents would

⁴ Ibidem.

not be unwelcome in this connection. For instance, speeches, statements, etc. of one of the most popular US presidents Theodor Roosevelt who influenced the vocabulary of American English and enriched it with new words, expressions, and phraseological units [Shukunda, 2019: 62].

However hard language purists might try to eliminate some new vocabulary that does not sound elegant enough to their ears or to remove increasingly widespread deviations from the existing grammar rules, both should actually be seen as language development. Very controversial and far from being linear, of course. But development is always controversial. What seems to be a violation of the language laws today is likely to be treated as the norm tomorrow. Had each new period failed to leave its trace in the standard language, we would still speak the language of the age of Classicism today.

REFERENCES

1. Cherezova T.L., Yakukhnova E.G. 2019. Meditsinskie seriyal kak instrument globalizatsii [Medical series as a tool of globalization]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 148–155. (In Russ.)
2. Dobrosklonskaya T.G., Edlichko A.I. 2017. Pervaya Mezhdunarodnaya Konferentsiya “Yazyk v Koordinatakh Massmedia”: Nauchnyi Forum Medialingvistiki [First international conference “Language in the coordinates of mass media”: Academic forum of media linguistics]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 187–191. (In Russ.)
3. Shukunda S.Z. 2019. Teodor Ruzvel't i ego vliyanie na Amerikanskii variant angliiskogo yazyka [Theodore Roosevelt and his impact on the American language]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 53–62. (In Russ.)

Н.Г. Аветисян

ПРОЦЕСС ДЕМОКРАТИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКА СМИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматривается проблема развития языка и, в частности, языка СМИ. Язык – это довольно устойчивая и консервативная система. И только такой она и может быть как средство коммуникации, как связующее звено поколений, веков, тысячелетий. Но в то же время – это вечно живая материя. Он беспрестанно развивается и не может не развиваться, поскольку развивается само общество, отдельно взятый человек.

В настоящее время процесс глобализации оказывает огромное влияние на все стороны жизни общества, в том числе и на развитие языка, и в первую

очередь языка СМИ, ибо нигде нет такой тесной связи языка с жизнью общества, как в СМИ. Это воздействие проявляется в том, что язык СМИ все больше интернационализируется.

Резко ускорившийся научно-технический прогресс, радикальные изменения в сфере общественных отношений вызвали к жизни огромное множество новых слов и понятий, которые входят в национальные языки как кальки главным образом с английского языка. Интернационализация языка СМИ проявилась и в общих для мирового сообщества тенденциях.

Произошедшая в последнее время демократизация общественной и бытовой жизни, революционные изменения в отношениях между людьми, изменения точки зрения на многие устоявшиеся понятия, ценности, существующие институты и т.д. сильно содействовали демократизации языка СМИ, приходу в него слов и выражений, ранее редко употребляемых и просто невысказанных в сфере публичных отношений. Демократизация языка СМИ, какие бы она не имела негативные последствия, – это данность, отражение объективного хода вещей. Этот процесс адекватен нынешней эпохе. Скорее всего, больше плюсов, чем минусов в процессе демократизации языка, наиболее отчетливо проявляющемся в языке СМИ. И, возможно, именно язык СМИ играет решающую роль в развитии языка.

Ключевые слова: глобализация; интернационализация языка; развитие языка; язык СМИ; процесс демократизации.

Сведения об авторе: *Аветисян Нелли Гургеновна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ic_culture@ffl.msu.ru).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Черезова Т.Л., Якушнова Е.Г.* Медицинские сериалы как инструмент глобализации // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2019. № 2. С. 148–155.
2. *Добросклонская Т.Г., Едличко А.И.* Первая международная конференция «Язык в координатах Массмедиа»: научный форум медиалингвистики // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2017. № 1. С. 187–191.
3. *Шукунда С.З.* Теодор Рузвельт и его влияние на Американский вариант английского языка // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2019. № 2. С. 53–62.

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ

Л.В. Полубиченко, А.А. Фурсова

УЧЕБНЫЙ СЛОВАРЬ ЦИТАТ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматривается новая для учебной лексикографии разновидность словаря – учебный словарь цитат, двуединой задачей которого является оказание молодым специалистам разного профиля помощи как в восприятии англоязычной научной литературы, так и в создании собственных научных текстов на английском языке. Учебный словарь, являясь средством образования и просвещения, специально предназначен для оказания помощи в изучении языка и призван сосредоточить в себе необходимую учащимся информацию в сконцентрированном виде. На примере единственного известного авторам статьи словаря такого типа, составленного в МГУ в 2000 г. Л.В. Болдыревой и И.В. Гюббенет для студентов-филологов, показано, как проявляются и преломляются в данном типе словаря общие принципы минимизации объема и оптимизации содержания, макро- и микроструктуры словаря, характерные для учебной лексикографии в целом. В настоящее время частотность тех или иных цитат и популярность текстов-источников в разных подстилях и жанрах научного дискурса любой дисциплинарной направленности устанавливается значительно легче и точнее, чем еще 20–25 лет назад, благодаря появлению целого ряда репрезентативных электронных корпусов английского языка, а также вполне реальной возможности создания так называемых малых электронных корпусов под решение конкретных исследовательских либо учебных задач, что является важной предпосылкой для создания учебных словарей цитат, ориентированных на студентов разных специальностей. Как показывают предварительные наблюдения, нуждающиеся еще в верификации на корпусном материале, среди авторов популярных цитат, входящих в так называемый общекультурный интертекстуальный тезаурус современного ученого-естественника, особенно выделяются У. Шекспир, Р. Киплинг и Л. Кэрролл.

Полубиченко Лидия Валериановна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английского языка для естественных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: lpolubichenko@mail.ru).

Фурсова Александра Андреевна – старший преподаватель кафедры английского языка для естественных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: AAFoursova@gmail.com).

Ключевые слова: цитата; словарь цитат; учебный словарь; учебный словарь цитат; лексикография; корпус.

Возникнув в середине прошлого века, учебная лексикография особенно быстро и успешно развивается в последние десятилетия, что отражает общую направленность лексикографии сегодня на учет потребностей разных категорий пользователей и вписывается в антропоцентрическую парадигму современной лингвистики. Учебный словарь, являясь средством образования и просвещения, специально предназначен для оказания помощи в изучении языка (причем не только иностранного, но и родного) и призван сосредоточить в себе необходимую учащимся информацию в сконцентрированном виде. Основные типы учебных словарей и принципы их составления уже хорошо изучены и достаточно подробно представлены в научной литературе, учебных пособиях и лексикографических изданиях (например: [Погребенко, 2004; Дубичинский, 2008; Азимов, Щукин, 2009]). Согласно этим источникам, учебный характер словаря проявляется во всем: в минимизации состава словника, в размещении, способах подачи и интерпретации информации, объеме, наборе социокультурных сведений о словах и пр. [Азимов, Щукин, 2009: 336]. Большое значение придается «частотности употребления заголовочной единицы словаря в описываемых в учебном словаре времени и месте» [Дубичинский, 2008: 343]. При этом в разных исследованиях специально подчеркивается тот факт, что практически каждый тип лексикографических произведений может быть учебным – и толковые, и фразеологические, и орфографические, и словари сочетаемости, антонимов, синонимов, и переводные, и идеографические, и словообразовательные, и любые другие словари.

В этом контексте не может не вызывать удивления то обстоятельство, что, при всем интересе современной отечественной и зарубежной лингвистики к изучению интертекстуальности и при большой востребованности на книжном рынке разнообразных словарей цитат, учебных словарей среди них практически нет. Присмотримся к ситуации, сложившейся в этой сфере лексикографии в России и англоязычных странах, подробнее.

Как известно, англо-американская лексикографическая традиция чрезвычайно богата словарями цитат (см. подробнее [Полубиченко, 2016; Polubichenko, 2010]). Американским национальным словарем цитат по праву считается словарь Джона Бартлетта “Familiar Quotations”, первое издание которого увидело свет в 1855 г., тогда как для Великобритании эту функцию выполняет Oxford Dictionary of Quotations (далее – ODQ), созданный, однако, значительно позже – в 1941 г. В России национального словаря цитат пока не существует,

но большая серия разных по размеру, целям и задачам словарей цитат, созданных за последние 20 лет К.В. Душенко, по своему совокупному объему уже вплотную приближается к вышеупомянутым англоязычным образцам, включающим в разных изданиях от 20 до 25 тысяч авторских речений.

При безусловном богатстве трех национальных традиций в области лексикографической фиксации цитат, нам удалось обнаружить в них всего один учебный словарь. Он носит название «Учебный словарь цитат из англоязычных авторов» и был создан на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова Л.В. Болдыревой и И.В. Гюббенет в помощь студентам-филологам, традиционно испытывающим трудности с узнаванием и пониманием интертекстуализмов при чтении классической и современной художественной литературы и публицистики на английском языке. Дело в том, что нередко даже заметить в таких текстах цитату бывает очень сложно, так как она никак не выделяется, а иногда и вовсе приводится в нарочито измененном, деформированном виде. «Говорящие и пишущие играют с ними [цитатами] так же, как они делают это с идиомами, произвольно видоизменяя их, придавая им тот характер и звучание, которое в данный момент наиболее соответствует целям цитирующего» [Болдырева, Гюббенет, 2000: iii].

Макроструктура «Учебного словаря» воспроизводит построение ODQ: он состоит из предисловия, алфавитного списка авторов цитат с годами их жизни, списка цитат по авторам в алфавитном порядке, а в конце словаря для удобства поиска цитат приводится алфавитный индекс ключевых слов из них. Создатели словаря видят его учебную функцию не только в том, что словарь должен использоваться как источник сведений о цитатах, но и в том, что процитированные в нем авторы и их произведения в совокупности составляют список литературы, обязательный к прочтению для филологов.

Что касается микроструктуры учебного словаря, то она также схожа со структурой ODQ: для каждого автора произведения-источники цитат выстраиваются в алфавитном (а в случае с цитатами из дневников, переписки, речей и т.д. – в хронологическом) порядке, высказывания расположены в той последовательности, как они встречаются в тексте, из которого заимствованы. После цитаты указывается максимально точное место ее расположения в тексте-источнике (для поэзии – вплоть до номера строки), а если такого указания нет, то это означает, что цитата входит в тот же фрагмент текста, что и непосредственно предшествующее ей в словаре предложение, и необходимо обратиться к нему. Больше никакой информации об источнике цитаты, ее авторе или особенностях употребления из словарной статьи получить нельзя, и нам представляется, что даже

для филологов, специализирующихся на английском языке и англоязычной культуре, этого вряд ли достаточно, не говоря уже о студентах других специальностей, изучающих английский язык в ограниченном объеме.

Составители учебного словаря опирались на цитатный материал, содержащийся во втором (1953, переиздание 1972) и третьем (1979) изданиях ODQ и тринадцатом издании (1955) словаря Бартлетта, отобрав из них речения исключительно англоязычных авторов и сократив их количество до 1660 цитат, а число авторов – с нескольких тысяч до 70. Руководствуясь принципом минимизации материала, составители старались не перегружать свой словарь «информацией, не являющейся необходимой для современного читателя в его повседневных контактах с литературой и прессой» [Болдырева, Гюббенет, 2000: iv]. Такая задача представляется нам совершенно правильной, но, к сожалению, в принципе невыполнимой на основе тех источников, которые были приняты составителями учебного словаря за точку отсчета. Дело в том, что первые издания ODQ, на котором главным образом базировался «Учебный словарь», отличала ориентация на элитарных британских пользователей – образованных и начитанных гуманитариев, выпускников public либо grammar schools, получивших затем университетское образование, и только начиная с 4-го издания (1992) элитарность и литературоцентризм британского национального словаря цитат были осознаны и стали целенаправленно преодолеваются как не соответствующие современной стадии развития общества и культуры. С появлением же репрезентативных электронных корпусов английского языка (Британского национального, собственного корпуса Оксфордского издательства и др.) пришлось признать, что высокочастотными и широко распространенными в современных текстах нередко оказываются не столько литературные цитаты, сколько рекламные слоганы, фразы из фильмов, популярных песен, видеоигр и пр., не находившие ранее отражения в ODQ и, соответственно, не попавшие и в «Учебный словарь».

Сегодня критерий частотности единиц, включаемых в учебный словарь (в нашем случае – цитат), в реальных произведениях речи, с которыми в будущем предстоит иметь дело учащимся в их профессиональной деятельности, позволяют соблюсти открывшиеся с развитием технологий широкие возможности обращения к уже созданным колоссальным корпусам общенационального значения, а в случае необходимости даже создания собственных электронных корпусов, специализированных под решение конкретной учебно-методической или исследовательской задачи.

Опыт преподавания на разных факультетах МГУ показывает, что отнюдь не только филологи, а студенты любых специальностей регулярно сталкиваются в работе с цитатами, которых либо просто не замечают, либо оказываются не в состоянии понять смысл и задачи, выполняемые цитатой в тексте. Ясно, что речь идет не о научном цитировании в строгом смысле как дословном воспроизведении фрагментов из текстов ученых-предшественников с намерением опереться на их авторитет либо оспорить их доводы: с пониманием таких цитат трудностей обычно не возникает. Имеются в виду цитаты, входящие в так называемый общекультурный интертекстуальный тезаурус языковой личности [Соломина, 2008], определяемый прежде всего ее национальной и языковой принадлежностью, но испытывающий влияние и таких факторов, как возраст, род занятий, пол и пр.

Российские студенты в процессе изучения английского языка, а затем в ходе собственной научно-исследовательской работы на кафедрах, в зависимости от специальности (например, те же филологи по сравнению с математиками или биологами) имеют дело с совершенно разными текстами, причем далеко не обязательно создаваемыми в современных условиях глобализации мирового научного пространства естественными носителями английского языка. Это обстоятельство не может не оказывать влияния на общекультурный интертекстуальный тезаурус современных ученых, общающихся на английском языке как *lingua franca* сегодняшней науки, смещая акценты в его формировании с фактора национально-культурной принадлежности личности на ее профессиональную принадлежность. Соответственно, есть все основания полагать, что студентам разных групп специальностей необходимы разные учебные словари цитат, созданные на материале разных специализированных корпусов профессиональных текстов, причем под профессиональными текстами мы понимаем не только строго научные устные и письменные произведения в жанрах монографии, статьи, академической лекции или доклада на конференции, но и научно-популярные статьи и выступления ученых.

Как показывает наш опыт работы с текстами всех перечисленных видов из сферы, которую принято обозначать как «науки о жизни», цитаты общекультурного типа используются во всех из них, причем особенно часто – известными учеными. Среди авторов наиболее популярных цитат такие британские писатели-классики, как Шекспир, Киплинг, Кэрролл. Строки из шекспировского «Гамлета», например, за четыре с лишним века существования пьесы, как известно, полностью разобранного на цитаты, используются в работах медико-биологической направленности хотя и достаточно часто, но

далеко не все в равной степени, что важно для составителей учебного словаря. Подавляющее большинство цитат приходится на знаменитый монолог Гамлета из третьего акта пьесы:

To be, or not to be: that is the question:
Whether 'tis nobler in the mind to suffer
The slings and arrows of outrageous fortune,
Or to take arms against a sea of troubles,
And by opposing end them? To die: to sleep (William Shakespeare,
Hamlet, III, 1, 64–68)

Особенно популярно включение цитаты “To be, or not to be” в заглавие, часто в обыгранном виде, что сразу привлекает к материалу читательское внимание:

Humphreys, Glyn W., Riddoch, M. Jane. To see but not to see: a case study of visual agnosia, Taylor & Francis, 2017

Harding, Douglas Edison. To Be and Not To Be, That Is the Answer: Unique Experiments for Tapping Our Infinite Resources. London: Watkins, 2002.

Авторы научных статей в самых серьезных научных журналах, входящих в наукометрические базы данных Scopus и Web of Science, нередко цитируют монолог Гамлета, например:

In pathological conditions, the cell and its mitochondria are forced to make difficult decisions: whether to suffer in ignoble silence or commit bloody murder and suicide – to be or not to be. (Brown, Guy C. Mitochondria and Cell Death: Apoptosis and Necrosis // The Biochemist, 2005, vol. 27, No.3, pp. 15–18.)

Our genomes are subject to the slings and arrows of outrageous fortune. In each of us, cosmic radiation is inflicting a DNA double-stranded break (DSB) in 10 cells every second. (Bonner, W. M. Slings and arrows // Nature Cell Biology, Oct. 2002).

Особенно часто ученые-биологи прибегают к цитированию в научно-популярных жанрах, которые отличаются сегодня необыкновенным разнообразием и востребованностью, учитывая общемировую стратегическую важность пропаганды возможностей и достижений науки, научных знаний во всех слоях общества. В качестве примера можно привести широко известный просветительский ресурс TED (Technology, Entertainment, Design), где собраны короткие (не более 18 минут) научно-популярные лекции по всем областям науки и жизни. Стартовав в 1984 г. с конференции в Калифорнии, этот некоммерческий проект к настоящему времени стал заметным явлением в интеллектуальной жизни всего мира. Кроме глобальных ежегодных конференций, на которых лучшие умы планеты говорят о самых сложных и актуальных вещах понятным и доступным языком (среди выступавших были Билл Гейтс, Билл

Клинтон, Стив Джобс, Сергей Брин, Джимми Уэйлс, Стивен Хокинг, Джеймс Уотсон и многие другие), он включает в себя разветвленную систему региональных конференций (TEDx), проводимых в формате TED в различных городах мира (с 2009 г. и в России); профессиональные записи выступлений в открытом доступе на головном сайте ted.com и на YouTube; команду энтузиастов, переводящих выступления на разные языки и снабжающих их субтитрами; тематические серии книг, написанных на основе лучших лекций; образовательный ресурс для средней школы TED-Ed, содержащий короткие мультфильмы; премию TED, присуждаемую с 2005 года за «желание изменить мир», и многое другое.

Студенты естественно-научных специальностей хорошо знакомы с этим ресурсом, который к тому же широко используется на занятиях английским языком в магистратуре и аспирантуре. Лекторы TED цитируют часто, причем, несмотря на обязательную серьезную и многоступенчатую подготовку выступлений, отнюдь не всегда удачно, что оказывается особенно поучительным для наших целей. Так, например, известный новозеландский исследователь интеллекта Джеймс Флинн (автор не нашедшего пока объяснения «эффекта Флинна» – парадоксального статистического феномена, противоречащего бросающемуся в глаза массовому отупению населения и выражающегося в постепенном повышении показателей коэффициента интеллекта (IQ) с течением лет как в отдельных странах, так и в целом по миру) для эффектного завершения своей лекции *Why our IQ levels are higher than our grandparents'* (2013) решил использовать цитату:

“But I don’t want to end on a pessimistic note. The 20th century has shown enormous cognitive reserves in ordinary people that we have now realized, and the aristocracy was convinced that the average person couldn’t make it, that they could never share their mindset or their cognitive abilities. Lord Curzon once said he saw people bathing in the North Sea, and he said, “Why did no one tell me what white bodies the lower orders have?” As if they were a reptile. Well, Dickens was right and he was wrong. Dickens said, “The colonel’s lady and Judy O’Grady are sisters underneath the skin.”

Лектор удостоился заслуженных аплодисментов собравшихся, но есть какая-то горькая ирония в том, что знаменитый исследователь интеллекта забыл имя автора известных поэтических строк и перепутал Киплинга с прозаиком Диккенсом.

Лекции TED насчитывают десятки тысяч, а некоторые и миллионы просмотров, и цитаты из них, в свою очередь, становятся очень популярны в научном сообществе. Существует много сайтов, где собраны цитаты авторов TED, и этот ресурс также может оказаться

весьма полезным для составителей учебных словарей цитат для студентов разных специальностей, например:

Creativity is as important as literacy (Ken Robinson)

An innovator is one who does not know it cannot be done (R.A. Mashelkar)

The secret to happiness is low expectations (Barry Schwartz)

If you hire people just because they can do a job, they'll work for your money. But if you hire people who believe what you believe, they'll work for you with blood and sweat and tears (Simon Sinek)

Учебный словарь цитат не должен быть объемным: недаром учебную лексикографию, в отличие от академической, считают лексикографией малых форм. На первом месте стоит польза словаря для обучения, его нацеленность на освоение языка, на расширение спектра рецептивных и продуктивных навыков и умений студентов, углубление их фоновых знаний культуры изучаемого языка. Поэтому такое значение для учебного словаря цитат должна иметь включаемая в него информация экстралингвистического и лингвокультурологического характера, явно недостаточная в «Учебном словаре цитат из англоязычных авторов», сведения о которых ограничиваются лишь датами жизни, как это было в ODQ, служившем его составителям ориентиром. Заметим, что в последних изданиях ODQ эта информация была дополнена сведениями о роде деятельности авторов цитат. Это важно, но все еще недостаточно для учебного словаря, где хотелось бы также видеть толкование отдельных высказываний, указание на ситуацию общения, типичные случаи варьирования/обыгрывания цитаты в речи и, возможно, даже отсылки к более ранним или поздним произведениям, благодаря которым цитата стала популярной. Только такой подход будет в полной мере способствовать передаче молодому поколению заключенной в цитатах «мудрости мудрых и опыта веков»¹, как писал в 1791 г. Исаак Дизраэли, отец будущего премьер-министра Англии. На этом, видимо, следует закончить обсуждение вопроса о необходимости создания учебных словарей цитат, ибо что как не хорошая цитата может стать самым уместным завершением такого разговора?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009.
2. *Болдырева Л.В., Гюббенет И.В.* Учебный словарь цитат из англоязычных авторов. М., 2000.

¹ The wisdom of the wise and the experience of ages, may be preserved by quotations (Isaac Disraeli. *Curiosities of Literature*).

3. Дубичинский В.В. Лексикография русского языка: Учебное пособие. М., 2008.
4. Погребенко Ю.И. Культурологический аспект британских учебных одноязычных словарей (на материале Cambridge International Dictionary of English) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 1. С. 71–80.
5. Полубиченко Л.В. К вопросу о сфере фиксации цитат // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 1. С. 42–52.
6. Соломина Н.В. Интертекстуальный тезаурус современной языковой личности (на материале письменных текстов СМИ, КВН и интеллектуальных игр): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2008.
7. Polubichenko L.V. Dictionary of Quotations: A Mirror and Instrument of Culture // New Trends in Lexicography: Ways of Registrating and Describing Lexis. Cambridge Scholars Publishing, UK, 2010. P. 139–147.

Lydia V. Polubichenko, Alexandra A. Foursova

LEARNER'S DICTIONARY OF QUOTATIONS: BACKGROUND AND INITIAL RESULTS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article is devoted to a new type of learner's dictionary, namely a learner's dictionary of quotations, whose twofold task consists in assisting budding scientists in both understanding and producing English texts in their sphere of research. As a means of education and cultural enlightenment, a learner's dictionary is meant to help the student by concentrating the relevant information and presenting it in a readily accessible and easily understandable form. The first learner's dictionary of quotations compiled for students of languages and literatures by MSU associate professors Lilia Boldyreva and Irina Gubbenet in 2000, is used as an example to demonstrate how the general principles of learner's lexicography, those of minimization of the word list and optimization of the content, macro- and microstructure of the dictionary, could be realized and modified in the learner's dictionary of quotations. Present-day lexicography is greatly facilitated by the creation of electronic corpora of English of various sizes – from representative all-embracing national and mega web-based corpora to the so-called “small” computer corpora pertinent to specific research projects. A corpus-based approach to compiling learner's dictionaries of quotations will make determination of frequency of quotations and popularity of their sources in different styles, genres and disciplines of scientific discourse much easier and more reliable. According to preliminary observations that have to be verified by corpus-based methods, among the most frequently quoted authors in life sciences discourse are Shakespeare, Kipling and Carroll.

Key words: quotation; dictionary of quotations; learner's dictionary; learner's dictionary of quotations; lexicography; corpus.

About the authors: *Lydia V. Polubichenko* – Dr.habil in Philology, Professor, Head of English Department for Science Students, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: lpolubichenko@mail.ru); *Alexandra A. Foursova* – Instructor, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: AAFoursova@gmail.com).

REFERENCES

1. Azimov Je.G., Shhukin A. N. 2009. *Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponjatij (teorija i praktika obuchenija jazykam)* [New dictionary of methodical terms and definitions (theory and practice of language teaching)]. Moscow, IKAR. (In Russ.)
2. Boldyreva L.V., Gjubbenet I.V. 2000. *Uchebnyj slovar' citat iz anglojazychnyh avtorov* [Learner's dictionary of quotations of English speaking authors]. Moscow, MGU. (In Russ.)
3. Dubichinskij V.V. 2008. *Leksikografija russkogo jazyka: uceb. posobie* [Lexicography of Russian language: Textbook]. Moscow, Nauka: Flinta. (In Russ.)
4. Pogrebenko Ju.I. 2004. Kul'turologičeskij aspekt britanskih uchebnyh odnojazychnyh slovarej (na materiale Cambridge International Dictionary of English) [Culturological aspect of British learner's monolingual dictionaries (Based on Cambridge International Dictionary of English)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 71–80 (In Russ.)
5. Polubichenko L.V. 2016 K voprosu o sfere fiksacii citat [Concerning quotations and their fixation sphere]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 42–52 (In Russ.)
6. Solomina N.V. 2008. Intertekstual'nyj tezaurus sovremennoj jazykovej lichnosti (na materiale pis'mennyh tekstov SMI, KVN i intellektual'nyh igr) [Intellectual thesaurus of modern language personality (Based on written media texts, KVN and intellectual games)]. Avtoref. diss. kand. filol. nauk, Omsk. (In Russ.)
7. Polubichenko L.V. 2010. Dictionary of Quotations: A Mirror and Instrument of Culture. *New Trends in Lexicography: Ways of Registrating and Describing Lexis*, pp. 139–147.

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КУЛЬТУРЫ

В.Н. Калуцков

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ОНОМАСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Под концептуализацией географического пространства понимается системная культурная инновация, нацеленная на создание новой географической картины мира. Концептуализация пространства связана с осознанным стремлением к преобразованию пространства путем создания идеологически или статусно новых мест.

В XX в. Россия и страны Ближнего Зарубежья испытали две волны концептуализации пространства – советскую и постсоветскую. Разные страны отличает разная направленность и интенсивность современных процессов «перенастройки» пространства. Однако для всех характерна десоветизация (а в ряде случаев и дерусификация) пространства при его активном насыщении национальными и религиозными компонентами.

В качестве элементарной единицы концептуализации пространства выступает геоконцепт: он представляет собой новое – инновационное – «имя места», которое обладает коннотативными значениями, отражающими определенную идею или раскрывающими ассоциативный образ места.

Рассматриваются два ономастических механизма концептуализации пространства – переименование места и повышение общественного статуса места (при сохранении прежнего географического названия). В связи с этим такой механизм концептуализации пространства мы назвали статусной возгонкой топонима.

Выделяются четыре типа геоконцептов (сакральные, политико-идеологические, этноисторические, этнокультурные), каждый из которых формирует свое пространство и сетевую структуру.

Калуцков Владимир Николаевич – доктор географических наук, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: v.kalutskov@yandex.ru).

* Работа выполнена при поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (грантовый проект «Чтобы помнили...»: создание атласа-справочника утраченной русской топонимии Ближнего Зарубежья).

Ключевые слова: культурная география; концептуализация географического пространства; топоним; геоконцепт; механизм концептуализации пространства.

Постановка проблемы. Проблема концептуализации географического пространства лежит не только в культурно-географической, но и в идеологической, политической и культурно-языковой плоскостях. Вместе с тем данная проблематика имеет глубокие исторические корни. Одним из первых «концептуализаторов» пространства был Александр Македонский, который не только военными методами расширял свои владения, но пытался формировать единое культурно-географическое пространство, покрывая империю новыми городами с одинаковым названием – Александрия.

В современном динамичном мире в связи со сменой политических режимов и идеологий, созданием новых государств актуальность проблемы концептуализации географического пространства более, чем очевидна. В разных странах и регионах направленность и интенсивность рассматриваемых культурно-географических процессов разная. Так, в прибалтийских странах в новой постсоветской топонимии наряду с этнокультурными (нередко националистическими) ясно прочитываются и западнические настроения; один показательный пример: Комсомольская улица в Таллине в 1990-е годы «превратилась» в... Американскую.

В среднеазиатских республиках в качестве идеологических оснований переосмысления пространства выступают этноисторические и исламские мотивы. В России процессы «перенастройки» культурного пространства наиболее активно протекают в национальных республиках. В то время как целый ряд регионов России представляет собой топонимический заповедник, в котором по названиям улиц можно исследовать систему советской топонимии и весь советский «пантеон».

В ряде случаев внутренние процессы культурного замещения усиливаются внешне инициированными процессами культурного подавления, напоминая нам, что холодная война никогда не закончится. Одним из ярких примеров такого рода является ситуация со стремлением заменить исторические русские топонимы в Антарктиде на западные. Этот случай вызвал даже ответную реакцию Кремля. Как отметил В.В. Путин, «сегодня мы сталкиваемся с ситуацией, когда русские названия, которые давали еще в прошлые века и десятилетия наши исследователи и путешественники, постепенно вытесняются с карты мира». При этом «примеры замеще-

ния названий – не только в далекой Антарктиде, есть примеры и тут поближе...»¹

Под концептуализацией географического пространства понимается его переосмысление в рамках новой – становящейся – географической картины мира.

Механизмы концептуализации пространства. Можно выделить два основных ономастических механизма концептуализации геокультурного пространства – с помощью замены топонима, или переименования места, и статусной возгонки топонима.

Важнейший ономастический механизм геоконцептуализации – переименование пространственных локусов, больших территорий или малых мест. Он нацелен на создание **нового пространственного смысла или образа** в контексте новой концепции пространства данного человеческого сообщества и связанной с ней формирующейся картины мира.

В концептуализацию могут вовлекаться как отдельные значимые локусы географического пространства (вспомним о трех знаковых – идеологически концептуальных – переименованиях Петербурга в XX в.: Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград – Санкт-Петербург), так и целые пространственные массивы.

Концептуальные переименования могут происходить, как «сверху», так и «снизу» в результате общественной инициативы. Цели переименований могут быть разные – от демонстрации новых идеалов до создания новой версии национальной истории. В качестве примеров современных массовых переименований можно привести города Украины или города в южных штатах США, где меняются названия улиц, носящих имя генералов-южан.

Переименования «сверху» связаны со сменой государственной идеологии и политики, со стремлением топонимически закрепить спорные пограничные территории или по другим причинам. Главной задачей концептуализации географического пространства является создание сети новых геоконцептов, которые и формируют новое геокультурное пространство. Задача-максимум адептов-идеологов нового пространства – новая общественная картина мира.

Интересно, что в истории России были случаи, когда переименование выступало в качестве общественного наказания. Таким образом за участие в пугачевском мятеже были наказаны яицкие казаки: город Яик переименовали в Уральск, река Яик – в Урал, а сами казаки стали уральскими.

¹ Заседание попечительского совета РГО. 27.04.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57377> (дата обращения: 12.04.2019).

Второй механизм концептуализации географического пространства – статусная возгонка топонима, иначе повышение общественного статуса места путем переосмысления локально-ранее широко неизвестного топонима в геоконцепт высокого (национального или регионального) уровня [Калуцков, 2016]. При этом, в отличие от первого механизма, прежний топоним сохраняется. Данный механизм работает таким образом: старому топониму передается новый, ранее неизвестный смысл, в результате чего место получает новый образ. Как правило, это действие выражает стремление общества к мемориализации данного места, сохранению исторической памяти или памяти о «гении места». Действие данного механизма поясним на известном примере, относящемся к Ясной поляне: в российском обществе образ Ясной Поляны уже столетие прочно связан с жизнью и творчеством великого писателя. В дотолстовское время об этом месте и о первичном значении топонима Ясная Поляна (поляна, расположившаяся среди лесов Большой за-черной черты) знали только местные жители.

Геоконцепт и топоним. **Не всякое переименование концептуально:** часто изменение топонима происходит естественным образом и связано с изменением географической ситуации – характера ландшафта, изменением социального, этнического или профессионального состава сообщества, сменой географического положения. **Концептуализация же пространства всегда имеет целевую направленность и связана с осознанным стремлением к преобразованию пространства путем создания идеологически или статусно новых мест.**

В качестве единицы концептуализации пространства выступает **геоконцепт [Калуцков, 2012].** Он представляет собой **продукт концептуализации географического пространства.**

В чем принципиальное отличие геоконцепта от топонима? Как справедливо полагает В.П. Сомов, «подавляющее число топонимов, функционирующих в языке, лишено коннотативных значений. Они являются лишь названиями географического места и не служат словесными метками его образа» [Сомов, 2015: 11–12].

В отличие от большинства топонимов геоконцепты содержат коннотации, связанные с историей места, раскрывающей идею или образ места. Если в топониме для нас важно «имя места», точнее его семантическое значение (что, например, значит Москва в финно-угорских или балтийских языках), то в геоконцепте важна идея или ассоциативный образ места («Москва – Третий Рим» или «Москва – какой огромный странноприимный дом...»). В связи с этим топонимы с их семантическими значениями исследует топонимика и этно-

лингвистика, а геоконцепты с их идеологическими и культурными смыслами – культурная география.

Иначе, геоконцепт представляет собой инновационное «имя места», которое обладает коннотативными значениями, отражающими определенную идею или раскрывающими ассоциативный образ места.

В отличие от связанного с местной культурной традицией топонима геоконцепт нередко представляет собой «придуманый» идеологический топоним (наиболее яркие примеры такого типа связаны с революционной топонимией, диссонирующей с историческим ландшафтом российского города). Со временем, когда общество привыкает к такой культурной инновации, геоконцепт превращается в топоним-ориентир (геоконцепт-память), простую метку городского пространства.

О неравномерности концептуализации географического пространства. Географическое пространство неоднородно. И в этом заключается причина неравномерной его концептуализации. В любой стране существуют пространственные зоны, которые «обречены» быть в состоянии постоянной геоконцептуализации. Во-первых, к ним относятся города, во-вторых, новые страны и регионы, и, в-третьих, территории культурных пограничий.

Город, и особенно столичный город, будучи центром любых культурных инноваций, представляет собой место постоянной концептуализации пространства в соответствии со сменой идеологий, важными историческими и культурными событиями. Особый интерес в исследованиях изменений геокультурного пространства представляют столицы как центры любых культурных инноваций.

Один из самых ярких случаев такого рода – концептуальные изменения названия центральной улицы в хорватском городе Вуковар: в XX в. она носила пять (!) названий, каждый раз меняя свое имя в соответствии с новыми культурно-политическими реалиями [Šakaja, Stanić, 2011: 511]. В начале века это была улица императора Австро-Венгрии Франца-Иосифа, затем после распада империи ее переименовали в честь югославских королей Петра и Александра. Новый политический режим хорватских усташей назвал ее по имени своего лидера Павелича. Пришедшее ему на смену социалистическое государство поменяло название на улицу Тито, президента Югославии. Но и оно не удержалось в постсоциалистической Хорватии: улицу снова переименовали в честь первого президента Хорватии Туджмана. Как справедливо указывают авторы статьи, несмотря на частые переименования, сохранялся важный культурно-пространственный код места – главная улица города всегда называлась в честь главного лица государства [Šakaja, Stanić, 2011].

Но все всякого сомнения лидерами по концептуализации пространства выступают исторические центры столичных городов, включая их главные улицы. Именно центры столиц представляют собой лицо страны, поэтому новые идеологии реализуются в первую очередь в центральной части столичного города. На постсоциалистическом пространстве, похоже, первенство в данном вопросе держит восточный Берлин, который в течение прошлого века испытал три (!) волны концептуализации пространства – нацистскую, социалистическую и демократическую.

Геоконцептуализации подвержены и *пограничные территории*, особенно в ситуации пограничных споров. Для закрепления политических результатов Великой Отечественной войны в пограничных районах СССР (южная часть Дальнего Востока и Калининградская область) произошло массовое переименование китайских, корейских и немецких названий.

В разных географических картинах мира один и тот же географический объект может называться по-разному, что может быть связано не только с языковыми, но и с культурно-историческими причинами. В связи с этим именно на *культурных границах* обостряются культурные смыслы.

Рисунок. Балтийское море в разных картинах мира

Хорошим примером подобной ситуации является геоконцепт Балтийского моря, расположенного на культурных границах северно-европейских стран. Новгородцы называли море *Варяжским*, позже, вплоть до XIX в. на российских картах оно называлось *Остзейским морем* (свидетельство большой роли немцев в развитии российской науки, включая картографию). Ныне в странах, расположенных на восточных берегах моря, в русском, польском, литовском и латышском языках его называют *Балтийским* (рисунк). Однако в германских языках (немецком, датском, шведском, норвежском) оно называется *Восточным* (нем. — *Ostsee*), что отражает его местоположение к востоку относительно основного массива германских земель. Любопытный культурно-географический парадокс отмечается для финского языка и финской картины мира, где это море называется *Itämeri*, что означает *Восточное море*, хотя относительно Финляндии оно расположено к западу и югу. Очевидно, что парадокс представляет собой результат длительного воздействия шведской культуры и языка. В эстонском языке, в отличие от финского, «компасные» реалии отражаются точно: у эстонцев Балтийское море названо *Западным* (*Läänemeri*).

Данный пример убедительно показывает, почему на культурных границах, на разности культурных и языковых потенциалов создаются условия для межкультурной коммуникации.

Стабильность, политическая и культурная, и удаленность от Центра как источника культурных инноваций способствуют сохранению топонимических систем. По этой причине Русский Север исследователями-гуманитариями традиционно рассматривается как культурный (и топонимический) заповедник [Березович, 2000]. В связи с этим идеальной площадкой для классических топонимических исследований является историческая деревня в удаленном от крупных городов регионе.

Типы геоконцептов и механизмы их формирования. Выделяются следующие типы геоконцептов: сакральные, политико-идеологические, этноисторические, этнокультурные. В основании первого типа лежат религиозные идеи, второго – государственно-идеологические. В условиях религиозного государства сакральные и идеологические геоконцепты могут быть объединены в один тип. В обоих случаях «работает» первый механизм геоконцептуализации – переименование пространственных локусов.

При формировании этноисторических и особенно этнокультурных геоконцептов важен второй механизм геоконцептуализации – статусная возгонка, т.е. переосмысление локального, ранее неизвестного в обществе топонима, в геоконцепт национального или регионального уровня. Вспомним, как благодаря огромному поли-

тическому давлению «сверху» всей стране стала известна Малая земля, место, связанное с деятельностью Л.И. Брежнева во время Великой Отечественной войны (сейчас об этом месте помнят лишь некоторые представители старшего поколения).

Сакральные геоконцепты в традиционной картине мира связаны со святыми местами. В основе сакральных геоконцептов лежат мощные религиозные идеи; вероятно, по этой причине они так устойчивы.

Радонеж с Троице-Сергиевой Лаврой, Оптиная пустынь, Саров, Кизи, Соловки и другие русские православные геоконцепты в своей совокупности образуют сеть национального уровня. В этой сфере существует своя иерархия; наряду с национальным выделяются также региональный и локальный уровни, связанные с регионально и локально значимыми святыми местами. На этих же уровнях существовали и существуют ныне соответствующие сети паломничества, формирующиеся при перемещении паломников одного святого места к другому. Подобные сети сакральных мест Т.Б. Щепанская называет кризисными сетями [Щепанская, 1995]. Именно они поддерживают в пространстве сакральные сетевые структуры.

Политико-идеологические геоконцепты отражают государственную идеологию, светскую или религиозную. В отличие от других типов, которые формируются постепенно, политико-идеологические геоконцепты в ситуации смены государственной идеологии создаются в пространстве, как правило, массово; это продукт массовых переименований.

Иногда привычные географические названия несут на себе важную идеологическую нагрузку, т.е. являются геоконцептами. Например, таковыми являются ныне общепринятые географические названия – *Европейская Россия* и *Азиатская Россия*. В течение XIX–XX вв. эти геоконцепты были предметом жарких споров между западниками и славянофилами. Предложены они были в середине XVIII в. В.Н. Татищевым в ситуации обоснования границы между Европой и Азией по Уралу. Западный геополитический вектор развития России требовал, чтобы огромная страна стала похожей на другие европейские страны, включая европейскую организацию пространства (характерно известное выражение Екатерины Великой “*La Russie est une puissance européenne*”). Иначе, в качестве «европейской державы» страна должна разделяться на собственно европейскую центральную часть и удаленную «колониально-заморскую» окраину.

Разработку Татищева поддержал П.С. Паллас, обладавший огромным авторитетом в научном мире; она была принята в Европе и

России, а с помощью системы образования довольно быстро закреплена в русском обществе: «*Уральский хребет*, повторяем мы, *отделяет Азию от Европы*. Мы так привыкли (! – В.К.) к этим выражениям, что не предполагаем возможности и не чувствуем надобности выражаться как-нибудь иначе, точнее» [Ключевский, 1987: 63]. В результате Россия получала все атрибуты европейской империи – метрополию в качестве европейской России и колониальный «придаток» в виде азиатской России, или Сибири [Bassin, 1991].

Одним из первых мысль о несостоятельности разделения единой России на Европейскую и Азиатскую части высказал Н.Я. Данилевский, который рассматривал *Восточно-Европейскую равнину* и *Западно-Сибирскую низменность* как целостный естественно-географический регион, именуя Россию цивилизацией Великой равнины [Данилевский, 2008]. Наиболее последовательным критиком дефрагментации единого культурного пространства страны выступил географ-евразиец П.Н. Савицкий. По его мнению, идею исторической и природной целостности России-Евразии лучше всего отражают геоконцепты *Предуральская Россия* и *Зауральская Россия*, поскольку они указывают на положение исторической колыбели русского народа и объединительного центра страны. «Скажут: изменение терминологии – пустое занятие. Нет не пустое: сохранение названий России «Европейской» и «Азиатской» не согласуется с пониманием России (вместе с прилегающими к ней странами) как особого и целостного географического мира» [Савицкий, 1997: 279].

Как видим, казалось бы, нейтральные и привычные географические названия в свое время способствовали концептуализации географического пространства страны.

Этноисторические геоконцепты в своей совокупности отражают пространственную историю определенного человеческого сообщества, они обладают ясным историческим образом и во многом на их основе формируется национальная идентичность. Новгород, Киев, Куликово поле, Бородино, Ленинград, Сибирь... Все эти исторические геоконцепты прочно занимают место в русской историко-географической картине мира. Выпадение каждого из них воспринимается в обществе очень болезненно (вспомним случай Косово для сербов).

Не нужно забывать, что на разных этапах развития общества в связи с новыми концепциями истории государства формируются разные системы геоконцептов. Вспомним, что еще недавно история СССР-России «начиналась с 1917 года», поэтому среди русских исторических геоконцептов революционные и советские занимали прочное место. Ныне в связи десоветизацией российской истории они отошли на второй план.

Интересно, что некоторые исторические события настолько «срослись» в памяти народа с вполне определенным геоконцептом, что даже при его смене (при переименовании города) сохраняется предшествующее название. В связи с этим блокада города на Неве может быть только Ленинградской блокадой, а переломное в Великой Отечественной войне сражение – только Сталинградской битвой.

Этнокультурные геоконцепты – важная составляющая национального культурного пространства. Они состоят из мест рождения, жизни и творчества знаковых деятелей национальной культуры. Холмогоры, Михайловское, Болдино, Ясная Поляна, Плес, Арбат, Переделкино, Сростки представляют собой места поклонения и почитания национальных гениев, выдающихся писателей, музыкантов, живописцев.

Среди этнокультурных геоконцептов самой разветвленной сетью обладают литературные места; сеть охватывает не только мемориальные, связанные с жизнью литераторов места, но и ассоциативные литературные места, которые возникли в результате локализации литературных образов, например, Бежин луг, дом Лариных или «нехорошая квартира».

Этнокультурные геоконцепты, как правило, представляют собой не геоконцепты-переименования, а геоконцепты-переосмысления топонима. Напомним, что в данном случае действует такой механизм концептуализации географического пространства, как статусная возгонка топонима. Ярким примером переименования «снизу» в результате народного переосмысления стала Липовая аллея в Михайловском, по которой по преданию поэт гулял с Анной Петровной Керн; уже в середине 1930-х годов ее стали называть Аллей Керн, а в 1960-е годы устный («народный») топоним закреплен в изданиях².

Как правило, этнокультурные геоконцепты обладают сильным ассоциативным образом. Сеть этнокультурных геоконцептов подвержена изменениям в соответствии с веяниями времени.

Вместо заключения. К перспективным направлениям исследований концептуализации географического пространства относятся:

- границы картин мира и сопоставление геоконцептов в разных картинах мира как основы для межкультурной коммуникации;
- геополитические аспекты концептуализации пространства, включая «геоконцептуальные войны» разных картин мира и вопросы «геоконцептуального захвата» территорий;
- «перенастройка» культурного пространства в новых странах, в частности на постсоветском пространстве;

² Пушкинская энциклопедия «Михайловское»: В 3 т. Т. 1. М., 2003.

- современные разработки по концептуализации пространства стран и регионов, включая Россию;
- роль литературы в концептуализации географического пространства;
- Интернет и концептуализация географического пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Березович Е.Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.
2. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 2008.
3. *Калуцков В.Н.* Геоконцепты в географии // Культурная и гуманитарная география. Т. 1. 2012. № 1. С. 27–36.
4. *Калуцков В.Н.* «Имя» в географии: от топонима к геоконцепту // Известия РАН. Серия географическая. 2016. № 2. С. 100–107.
5. *Калуцков В.Н.* Grattez le Russe et vous trouverez le Tartare, или О судьбе одной мифологической страны // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 1. С. 93–105.
6. *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 т. Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1. М., 1987.
7. *Павловский И.В.* Время и пространство в европейской и русской картине мира // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 119–133.
8. *Савицкий П.Н.* Географический обзор России – Евразии // Континент Евразия. М., 1997. С. 279–294.
9. *Сомов В.П.* Поэтическая география: Историческая, мифологическая, библейская и литературно-сказочная. Культурологический словарь. М., 2015.
10. *Щепанская Т.Б.* Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север. К проблеме локальных групп. СПб, 1995. С. 110–178.
11. *Bassin M.* Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographic Space // Slavic Review. 1991. Vol. 50. № 1. P. 1–17.
12. *Šakaja L., Stanić S.* Other(ing), self(portraying), negotiating: the spatial codification of values in Zagreb's city-text // Cultural Geographies. 2011. №18(4). P. 495–516.

Vladimir N. Kalutskov

THEORETICAL ASPECTS OF THE CONCEPTUALIZATION OF GEOGRAPHICAL SPACE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The conceptualization of the geographical space is a systematic cultural innovation aimed at creating a new geographical picture of the world. Conceptualization is associated with a conscious desire to transform space by creating by creating ideologically and / or status-new places.

In the twentieth century, Russia and the countries of the Near Abroad experienced two waves of conceptualization of space – Soviet and post-Soviet. Different countries

are distinguished by a different orientation and intensity of modern processes of “reconfiguration” of space. However, desovetisation (and in some cases, de-Russification) of space, with its active saturation with national and religious components, is characteristic of all.

The basic element of the conceptualization of space is a geoconcept: it represents a new, innovative, “name of a place”, which has connotative meanings that reflect a certain idea or reveal an associative image of a place.

There are two main mechanisms for conceptualizing space – renaming a place and raising the social status of a place (while maintaining the same geographical name). Therefore, we called this mechanism of conceptualization of space status sublimation of a toponym.

The types of geoconcepts (sacral, political-ideological, ethno-historical, ethno-cultural) are considered, each of which forms its own space and its network structure.

Key words: cultural geography; conceptualization of geographical space; toponym; geoconcept; mechanism of conceptualization of space.

About the author: *Vladimir N. Kalutskov* – Dr.habil in Geographical Sciences, Professor of the Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies; Lomonosov Moscow State University (e-mail: v.kalutskov@yandex.ru).

REFERENCES

1. Berezovich Ye.L. 2000. *Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte* [Russian toponymy in the ethnolinguistic aspect]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural'skogo un-ta. (In Russ.)
2. Danilevskiy N.YA. 2008. *Rossiya i Yevropa* [Russia and Europe]. M., In-t russkoy tsivilizatsii. (In Russ.)
3. Kalutskov V.N. 2012. Geokontsepty v geografii [Geoconcepts in Geography]. *Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya*, t. 1, no.1, pp. 27–36. (In Russ.)
4. Kalutskov V.N. 2016. “Imya” v geografii: ot toponima k geokontseptu [“Name” in geography: from toponym to geoconcept]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*, no. 2, pp. 100–107. (In Russ.)
5. Kalutskov V.N. 2018. Grattez le Russe et vous trouverez le Tartare, ili O sud'be odnoy mifologicheskoy strany [Grattez le Russe et vous trouverez le Tartare or the fate of one mythological country]. *Vestn. Mosc. un-ty. Ser. 19. Linguistics and intercultural communication*, no. 1, pp. 93–105. (In Russ.)
6. Klyuchevskiy V.O. 1987. *Sochineniya: v 9 tomakh. Tom 1: Kurs russkoy istorii. Chast' I* [Works: in 9 volumes. Volume 1: The course of Russian history. Part 1]. M., Mysl'. (In Russ.)
7. Pavlovskiy I.V. 2013. *Vremya i prostranstvo v yevropeyskoy i russkoy kartine mira* [Time and space in the European and Russian picture of the world]. *Vestn. Mosc. un-ty. Ser. 19. Linguistics and intercultural communication*, no. 2, pp. 119–133. (In Russ.)
8. Savitsky P.N. 1997. Geograficheskiy obzor Rossii–Yevrazii [Geographical survey of Russia – Eurasia]. *Kontinent Yevraziya*. Moscow, “Agraf” Moscow, pp. 279–294. (In Russ.)
9. Somov V.P. 2015. Poeticheskaya geografiya: Istoricheskaya, mifologicheskaya, bibleyskaya i literaturno-skazochnaya [Poetic geography: Historical, mythological,

biblical and literary fabulous]. *Kul'turologicheskiy slovar'*. Moscow, B.S.G.-Press. (In Russ.)

10. Shchepanskaya T.B. 1995. Krizisnaya set' (traditsii dukhovnogo osvoyeniya prostranstva) [Crisis network (traditions of spiritual mastering of space)]. *Russkiy Sever. K probleme lokal'nykh grupp*. SPb, Indrik, pp. 110–178. (In Russ.)
11. Bassin M. 1991. Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographic Space. *Slavic Review*, vol. 50, no. 1, pp. 1–17.
12. Šakaja L., Stanić S. 2011. Other(ing), self(portraying), negotiating: the spatial codification of values in Zagreb's city-text. *Cultural Geographies*, no. 18(4), pp. 495–516.

И.И. Руцинская

**ОТ «ЖИТИЯ» К «ИКОНЕ»:
ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ЖИВОПИСНОЙ
СТАЛИНИАНЫ***

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Ни одно живописное произведение 1930–1950-х годов, посвященное событиям из жизни Сталина, не могло возникнуть как итог самостоятельного замысла художника. Живописная сталиниана существовала исключительно как форма толкования и иллюстрирования канонического текста – биографии вождя, им самим проверенной и утвержденной. В связи с этим представляется почти невероятным тот факт, что данный текст в своем «классическом», законченном виде оформился только к 1939 г.

В статье рассматриваются препятствия, стоявшие на пути создания главного биографического нарратива эпохи, его близость к традиционному жанру жития, а также те отношения между текстом и изображением, которые сложились в условиях сакрализации власти правителя и формирования особого – «религиоподобного» – общественного сознания.

Советские творцы сталинианы выступали в качестве наследников сразу двух традиций. С одной стороны, декларативно провозглашалось следование заветам русской реалистической живописи XIX столетия, что понималось как возвращение к мимесису, к художественному воплощению жизни в формах самой жизни. С другой стороны, возрождались иконописные методы работы над образом и отношение к тексту сталинской биографии как к канонизированному «житию», требующему безоговорочной веры и не допускающему отступлений и искажений.

В итоге советская сталиниана демонстрировала уникальные образцы искусства, реалистичного по форме и сакрального по содержанию.

Ключевые слова: биография; житие; иконопись; Сталин; социалистический реализм; сталиниана; сакрализация.

О мифологических и религиозных основах советской культуры 1930–1950-х годов в последние десятилетия написано немало. Паль-

Руцинская Ирина Ильинична – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: irinaru2110@gmail.com).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00540.

ма первенства, бесспорно, принадлежит филологам. Можно назвать целый ряд работ отечественных и зарубежных авторов, в которых актуализирована проблематика архетипа, мифа, сакрального, религиозного и квази-религиозного сознания применительно к произведениям соцреалистической литературы [Глотов, 1995; Гюнтер, 2010; Добренко, 1993; Есаулов, 1992; Кларк, 2002; Раевская, 2019; Шатин, 1996; и др.]. Изобразительное искусство сталинской эпохи в подобном ключе исследуется редко [Голомшток, 2012; Ерохина, 1917; Тумаркин, 1997; Bonnell, 1997]. Между тем данный подход к изучению советской живописи и в особенности той ее тематической группы, которая посвящена непосредственно вождям, представляется обоснованным и продуктивным. Сакрализация власти, проявившая себя в СССР в столь последовательных формах, создавала особый социокультурный контекст, особые условия, ожидания и требования по отношению к «зримому образу» вождя, которые неизбежно приводили к возрождению методов и форм работы, традиционных для религиозного сознания. Нет, художник не осознавал себя иконописцем, пишущим образ святого. Но неосознанно для него «культ» правителя и «религиоподобное» (по выражению Ленина¹) массовое сознание приводили к «религиоподобному» же типу художественной деятельности. Ни один автор, создающий изображения вождя, не мог избежать таких влияний, независимо от того, был ли он искренним почитателем Сталина, или же пришел на данную ниву, дающую не только почет, признания и звания, но и ощутимые финансовые выгоды, с сугубо прагматическими намерениями.

Во-первых, это проявлялось в особых отношениях с текстом.

Автобиографии, речи, статьи творцов сталинианы содержат многочисленные описания того, как при работе над образом вождя, художник обращался к письменным источникам. А.М. Герасимов: «Я старался отобрать материалы, рассказывающие о его [И.В. Сталина. – *И.Р.*] замечательной жизни и работе, все, что так или иначе позволило бы мне основательно представить его облик»²; Д.А. Налбандян: «Внимательно изучал историю ВКП(б), “Коммунистический манифест”, работы Ленина и Сталина. Все это давало мне возможность глубже понять образ Иосифа Виссарионовича Сталина»³; И.А. Серебряный: «В 1945 году в связи с занятиями в Институте марксизма-ленинизма, я, подробно изучая книгу В.И. Ленина “Ма-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Т. 17. 5-е изд. М., 1969. С. 422–423.

² А.М. Герасимов // Мастера советского изобразительного искусства. Произведения и автобиографические очерки. М., 1951. С. 16.

³ Д.А. Налбандян // Там же. С. 349.

териализм и эмпириокритицизм”, по-новому для себя увидел картину Лондонского съезда и пришел к выводу кардинально изменить композицию и пропорцию холста»⁴.

Приведенные цитаты принадлежат известным художникам, которые удостоены всевозможных наград и званий. Но только один из них – И.А. Серебряный упомянул о профессиональных проблемах: о композиции и пропорциях. Остальные авторы оперировали исключительно клишированными фразами: о возможности посредством изучения набора текстов «представить облик», «глубже понять образ». На первый взгляд, в подобном подходе нет ничего необычного, он воспринимается (и явно воспринимался их авторами) как следование традициям. Эпоха реализма второй половины XIX столетия, прямым наследником которой был объявлен реализм социалистический, привнесла жесткие правила в работу над тематическим полотном. Исповедование принципа исторической правдивости – в отображении событий, героев, обстановки, антуража и т.д. – было обязательным для художника-реалиста. В связи с этим, обращаясь к исторической тематике, авторы изучали эпоху, знакомились с письменными и визуальными источниками, читали научные исследования, литературные и научно-популярные издания.

Отличие советских подходов к работе с текстами очевидно. Во-первых, отныне предполагалось не движение от художественного замысла к письменным материалам, помогавшим этот замысел реализовывать, а, напротив, от текста к замыслу. Как указывает К. Кларк, «после 1932 года (наконец-то) сталинский писатель перестал быть создателем оригинальных текстов, а превратился в рассказчика историй, уже бытовавших в виде партийных преданий» [Кларк, 2003: 114]. Эти слова в полной мере относятся и к сталинским художникам.

Во-вторых, набор текстов, к которым обращались творцы сталинианы, не определялся их личным выбором. Такого выбора не было и не могло быть. На протяжении 1930-х годов «партийные предания» были оформлены в «писание»: одни тексты канонизированы, другие объявлены «еретическими», третьи переведены в разряд «апокрифов». «Правдивость» и «глубину» создаваемого живописного произведения могло гарантировать только следование канону – набору отобранных и утвержденных текстов.

Однако подобным же образом понималась правдивость и в иконописи. По словам выдающегося исследователя иконы, богослова Л.А. Успенского «иконописное предание Церкви строго хранит верность историческим данным. Только следование конкретному исто-

⁴ И.А. Серебряный // Там же. С. 510.

рическому факту может во всякой иконе дать нам возможность личного общения с изображенным лицом и благодати Святого Духа» [Успенский, 1997]. Далее ученый ссылается на цитату из высказываний патриарха Тарасия, призванную разъяснить сущность иконописной правды: «...иконы пишутся исторически верно, согласно евангельскому повествованию» [Успенский, 1997]. Таким образом, верность жизненной правде для иконописца – это верность библейскому тексту.

Очевидно, что советский создатель образа вождя существовал в такой же парадигме. Точнее, он должен был сочетать две «правды»: следовать тексту «писания» (в наборе сюжетов, персонажей, в их трактовке и т.д.) и одновременно соответствовать нормам и требованиям реалистической исторической живописи (в характере изображения, в деталях, костюмах, предметах и т.д.). В строгом соответствии с этими «двумя правдами» художник использовал два метода работы. Чтобы изобразить на холсте вождя – обращался к «писанию», «преданию», а также к «лицевым подлинникам» (утвержденным, «канонизированным», прошедшим цензуру фотографий). В то же время свято хранил верность заветам передвижнической живописи, добиваясь максимальной реалистичности обстановки, предметного содержания.

В условиях «культы» Сталина при чрезвычайно высоком пропагандистском запросе на простые и доступные тексты, посвященные жизни вождя, остается удивительным тот факт, что «канон» сформировался достаточно поздно. Его основу, как известно, составляли два текста – «Краткий курс истории ВКП(б)» и «Краткая биография» Сталина. Первая книга вышла из печати только в 1938 г., вторая – в 1939-м. На протяжении почти десяти лет «культы» существовал единственный официальный биографический текст о Сталине – статья И.П. Товстухи, написанная для энциклопедии «Гранат»⁵. Ее, конечно же, распространяли, размещая на страницах периодической печати, публикуя в виде отдельной брошюры, но этого было явно недостаточно. К тому же статья несла на себе отпечаток 1920-х, когда представление о месте и роли Сталина в революции и жизни народа были иными.

Можно указать на несколько причин, предопределивших столь позднее создание «жития» вождя.

Прежде всего, как показал в своем исследовании Д. Бранденбергер, на протяжении 1920-х годов не поощрялся и даже считался буржуазным, небольшевистским «интерес к отдельным личностям»

⁵ *Товстуха И.* Сталин // Энциклопедический словарь Гранат. Т. 41. Отд. 3. М.: Русский биографический институт Гранат, 1927. С. 107–110.

[Бранденбергер, 2017: 63]. Объектом истории выступали классы и, соответственно, писать следовало о них. Изменение во взглядах на этот вопрос происходило параллельно с укреплением культа Сталина и в начале 1930-х годов было отчетливо артикулировано самим вождем, заявившим: «Марксизм никогда не отрицал роли героев»⁶.

Другим препятствием, отодвинувшим создание биографического нарратива еще на несколько лет, стали репрессии 1930-х годов. Уничтожая своих бывших соратников, Сталин не только менял актуальное политическое пространство в стране, но и конструировал свою биографию: выпрямлял и упрощал логику исторического развития, убирал «лишнее» и «лишних», концентрировал на себе как главном герое все сколько-нибудь значимые события недавнего прошлого. И до тех пор, пока продолжалось и принимало непредсказуемые формы это активное, опрокинутое в прошлое «жизнетворчество», закрепить биографию на бумаге не было никакой возможности. Самый показательный пример фиаско, постигшего автора при попытке подобного рода, продемонстрировала книга известного французского писателя Анри Барбюса «Сталин»⁷. Восторженная и эмоциональная, безудержно прославляющая Сталина, она была издана в СССР в 1936-м. Но уже через несколько месяцев практически изъята из обращения, поскольку пестрела именами, отныне предаваемыми забвению.

Одно из главных отличий «жития» Сталина от традиционных текстов данного жанра состояло в том, что «святой» был живым и здравствующим, лично принимал участие в конструировании и редактировании собственного агиографического нарратива. В православном дискурсе подобная ситуация вообще невозможна, прежде всего в силу причин морально-этического плана, а также в силу существования определенной процедуры канонизации святого, обязательной частью которой было создание жития. Нам же важно подчеркнуть еще один аспект различий. Для создателей православных текстов, как правило, был чрезвычайно значим фактор временной дистанции. За несколько десятилетий, а иногда и веков, пролежавших между смертью героя и написанием жития, его имя обрастало легендами, в устных преданиях о нем проходил отбор биографических событий: одни со временем предавались забвению как незначимые, другие, напротив, закреплялись и выходили на первый план в качестве важнейших. Герой как бы «дорастал» до книжной святости.

⁶ *Сталин И.В.* Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г. // *Сталин И.В. Сочинения.* Т. 13. М., 1951. С. 104–123.

⁷ *Барбюсс А.* Сталин. М., 1936.

У Сталина этого времени не было, поэтому он спрессовывал и утрамбовывал его, брал на себя его функции, закрепляя или предавая забвению лица, события, факты по собственному усмотрению. Как только эта деятельность была (в основных чертах) завершена, настало время писать «житие».

Так что Сталина можно назвать полноправным создателем своей официальной биографии.

Создателями также были сохранившие жизнь ближайшие соратники вождя, высокопоставленные государственные и партийные деятели. На фоне усиливающихся репрессий 1930-х годов они поспешно создавали, шлифовали, дорабатывали содержание и стилистику своих рассказов о вожде, подбирали и оттачивали правильные формулировки. Чутко улавливая знаки сталинского «биографического творчества», буквально по следам очередных расстрелов, доводили свои тексты до состояния, в котором «осанна» не просто угадывалась, но звучала всесокрушающим гимном.

Список этих текстов хорошо известен. Позволим себе перечислить основные, поскольку они дают наглядное представление об участниках бурного, часто предполагающего «бег наперегонки», действия по переводу «агиографического творчества» Сталина на язык восторженного панегирика. Быстрее всех оказался Л. Берия. В 1936 г. он выступил на собрании Тбилисского партийного актива с докладом «К вопросу об истории большевистских организаций Закавказья», а следом издал книгу с тем же названием⁸. Не отставал и К. Ворошилов. Еще в 1929 г. к 50-летию Сталина нарком написал статью «Сталин и Красная Армия». Впоследствии она вышла отдельной книгой⁹. Кроме того, «сталиниана от функционеров» включала множество статей, докладов и выступлений. Большинство было собрано в очередном юбилейном (теперь уже к 60-летию вождя) сборнике¹⁰, включавшем более трех десятков имен. Все соратники вождя были вовлечены в дело конструирования его «жития».

В большинстве случаев тексты не охватывали всей биографии Сталина. Их писали «по цеховому принципу»: первый секретарь ЦК КП(б) Грузии Л. Берия – о деятельности вождя в Закавказье, нарком обороны К. Ворошилов – о Сталине как полководце, заведующий отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б) Г. Маленков – о Сталине и партийных кадрах, первый секретарь ВЦСПС Н. Шверник – про сталинскую заботу о человеке и т.д. В итоге «соревнова-

⁸ Берия Л. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. Доклад на собрании Тифлисского партактива 21–22 июля 1935 г. Л., 1936.

⁹ Ворошилов К.Е. Сталин и Красная армия. М., 1939.

¹⁰ И.В. Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения: Сборник статей «Правды». М., 1940.

ние» по созданию самого восторженного панегирика приводило к формированию образа правителя, равно великого во всех сферах и областях деятельности. Оставалось суммировать оценки, провозглашенные и «отшлифованные» этими «компетентными» высокопоставленными специалистами.

Итак, в последние дни 1939 г., наконец, из печати вышла книга под названием «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография». Это был плод коллективных усилий нескольких авторов.

Не приходится сомневаться, что и сама биография Сталина, и многочисленные методички, призывающие к ней обращаться, были хорошо известны советским художникам. Например, в отчете секции живописи Ленинградского отделения Союза художников за 1949 г. указывалось: «Все члены живописной секции охвачены политучебой. Основная масса занимается в группах по изучению истории партии. В данное время на двух семестрах занимается 86 человек. Окончили университет марксизма-ленинизма 5 человек. Занимаются в университете марксизма-ленинизма – 8 человек»¹¹. Так что художники не просто слышали или просматривали текст сталинской биографии, но и детально его изучали.

Для литературы и изобразительного искусства новые акценты и новые нюансы, внесенные в исходный текст, оказались чрезвычайно важными. Мимо них нельзя было пройти. На них необходимо было откликнуться: процитировать, прокомментировать, проиллюстрировать. Причем, проиллюстрировать не только новые сюжеты, связанные с добавлением к каноническому тексту восьми лет, но и сюжеты исправленные и по-новому трактованные.

Наглядный пример того, как, казалось бы, незначительное дополнение в тексте «жития» влечет за собой снежный ком откорректированных, трансформированных описаний и изображений, дает сюжет «И.В. Сталин у В.И. Ленина в Разливе». Биография 1939-го г. не содержала ни единого упоминания о подобных визитах, но в издании 1947-го г., было заявлено: «Сталин два раза посещает Ленина в Разливе»¹². Почти мгновенно в мемуары и художественные произведения была вставлена эта фраза, а художники засели за картины, где рядом с Лениным сидел/стоял/шел его «верный ученик и соратник». На всесоюзной художественной выставке 1950 г. экспонировалось уже два полотна данной тематики: Я.С. Николаев «И.В. Сталин у В.И. Ленина в Разливе», П.И. Розин «В.И. Ленин и И.В. Сталин в Разливе»¹³. Количество иконографических сюжетов находилось в

¹¹ ЦГАЛИ СПб. Ф.78, оп.1, д.172, л.15.

¹² Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М., 1947. С. 27.

¹³ Художественная выставка. 1950 г. Живопись. Скульптура. Графика. Каталог. М., 1950.

прямой зависимости от объема и содержания агиографического текста.

Таким образом, в условиях существования культа правителя его изображения существенно отличались от изображений исторических персонажей (даже выдающихся и всеми почитаемых). Если различия между иконой и картиной ярко выражены, много раз становились предметом описания как богословов, так и искусствоведов, то различия между изображением боготворимого вождя и почитаемого политического деятеля менее очевидны (и до сих пор не анализируются специалистами), поскольку создавались в единой художественной системе, оперировали общими принципами. Однако за видимой реалистичностью формы стояли глубокие смысловые различия.

Сталиниана в том виде, в каком она была создана в 1930–1950-х годах, возможна только в определенном религиозно-коммуникативном поле. Само существование данного типа изображений предполагает наличие массового религиозного/квазирелигиозного общественного сознания. Без него картины не выполняют свои семиотические функции, их адекватное понимание становится невозможным. Важнейшим условием коммуникации становится знание канонических текстов, «писания» (как художником, так и его зрителями). Внедренный в массовое сознание текст настраивал восприятие, задавал установки, подстраивал оптику. Об этом говорили советские критики, браня самые бездарные образцы сталинианы: «Надо быть благодарным советскому зрителю, который, не получив зарядки, побуждения мыслить, переживать, все же ассоциациями, догадками восполняет недостающее, то есть самое существенное»¹⁴. «Ассоциации и догадки», а точнее систему ожиданий, задавал исходный текст «жития», толкователем и иллюстратором которого выступала картина.

Художник оказывался вписанным в систему, диктовавшую обращение к традиционным, архаичным методам и формам художественного творчества. Как писал М. Маклюэн, «русские не проявили в своей пропаганде никакой изобретательности и работы воображения. Они просто делали то, чему их учили религиозные и культурные традиции, а именно – строили образы» [Маклюэн, 2003: 394].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Брандербергер Д.* Кризис сталинского агитпропа: пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М., 2017.
2. *Глотов А.Л.* Русская литература XX века в контексте культового сознания. Зелена Гура, 1995.

¹⁴ ЦГАЛИ СПб., ф. 78, оп. 1, д. 133, л. 17.

3. *Голомиток И.* Язык искусства при тоталитаризме // *Континент.* 2012. № 151. С. 590–623.
4. *Гюнтер Х.* Соцреализм и утопическое мышление // *Соцреалистический канон: Сборник статей.* СПб., 2000. С. 41–49.
5. *Добренко Е.* Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Munchen, 1993.
6. *Ерохина А.Б.* Коммуникативная стратегия интерпретации в критическом искусствоведческом дискурсе // *Вестн. Моск. унта. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2017. № 4. С. 72–78.
7. *Есаулов И.* Тоталитарность и соборность: два лика русской культуры // *Вопросы литературы.* 1992. Вып. 1. С. 148–170.
8. *Живов В.М.* Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994.
9. *Кларк К.* Советский роман: история как ритуал / Пер. с англ. М.А. Литовской. Екатеринбург, 2002.
10. *Маклюэн Г.М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В.Г. Николаева. М., 2003.
11. *Раевская М.М.* Языковая идеология как ментальная модель и исследовательская парадигма // *Вестн. Моск. унта. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2019. № 2. С. 24–35.
12. *Тумаркин Н.* Ленин жив! Культ Ленина в Советской России / Пер. с англ. С.Л. Сухарева. СПб., 1997.
13. *Успенский Л.А.* Богословие иконы православной церкви. М., 1997. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Leonid_Uspenskij/bogoslovie-ikony-pravoslavnoj-tserkvi (дата обращения: 12.08.2019).
14. *Шатин Ю.В.* Эстетика агиографического дискурса в поэме В.В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» // *Дискурс.* 1996. № 2. С. 24–30.
15. *Bonnell V.E.* *Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin.* Berkeley, CA: University of California Press, 1997.

Irina I. Rutsinskaya

**FROM “HAGIOGRAPHY” TO “ICON”:
WRITTEN SOURCES OF STALIN’S IMAGERY**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Not a single work of art of 1930–1950s dedicated to the events of Stalin’s life could appear as a result of artist’s personal intention. The imagery of Stalin existed only as a form of interpretation and illustration of the canonical text – the biography of the leader, verified and approved by Stalin himself. In this regard, it seems almost unbelievable that this text in its “classic” form was shaped only by 1939.

This article explores the obstacles that stood in the way of creating the main biographical narrative of the epoch, its proximity to the traditional genre of hagiography, as well as those relations between the text and the image that have developed under the conditions of sacralization of the leader’s power and the formation of a special “religion-like” public consciousness.

Soviet creators of Stalin’s imagery acted as heirs to two traditions at once. On the one hand, adherence to the precepts of Russian realistic painting of the 19th

century was proclaimed, which was understood as a return to mimesis, to artistic embodiment of life in the forms of life itself. On the other hand, icon-painting methods of working on the Stalin's image and an attitude to the text of his biography as to hagiography, requiring unconditional faith and not allowing deviations and distortions were revived.

As a result, this demonstrated unique examples of art, realistic in form and sacred in content.

Key words: biography; hagiography; iconography; Stalin; Stalin's imagery; socialist realism; sacralization.

About the author: *Irina I. Rutsinskaya* – Dr.habil in Cultural Studies, Professor at the Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: irinaru2110@gmail.com).

REFERENCES

1. Branderberger D. 2017. *Krizis stalinskogo agitpropa: propaganda, politprosveshchenie i terror v SSSR, 1927–1941*. [The crisis of the Stalinist agitprop: propaganda, political education and terror in the USSR, 1927–1941] Moscow, Politicheskaya ehntsiklopediya. (In Russ.)
2. Glotov A.L. 1995. *Russkaya literatura XX veka v kontekste kul'tovogo soznaniya* [Russian literature of the twentieth century in the context of cult consciousness]. Zelena Gura. (In Russ.)
3. Golomshtok I. 2012. Yazyk iskusstva pri totalitarizme. [The language of art under totalitarianism] *Kontinent*, no. 151, pp. 590–623. (In Russ.)
4. Gyunter KH. 2000. Sotsrealizm i utopicheskoe myshlenie [Socialist Realism and Utopian Thinking]. *Sotsrealisticheskii kanon*. Sbornik Statei. St. Petersburg, Akademicheskii proekt, pp. 41–49. (In Russ.)
5. Dobrenko E. 1993. *Metafora vlasti: Literatura stalinskoï ehpokhi v istoricheskom osveshchenii*. [Metaphor of power: Literature of the Stalin era in historical coverage] Munchen: Verlag Otta Sagner. (In Russ.)
6. Erokhina A.B. 2017. Kommunikativnaya strategiya interpretatsii v kriticheskom iskusstvovedcheskom diskurse [Communicative strategy of interpretation in art criticism discourse]. *Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 72–78. (In Russ.)
7. Esaulov I. 1992. Totalitarnost' i sobornost': dva lika russkoi kul'tury [Totalitarianism and collegiality: two faces of Russian culture]. *Voprosy literatury*. Vyp.1, pp. 148–170. (In Russ.)
8. Zhivov V.M. 1994. *Svyatost'. Kratkii slovar' agiograficheskikh terminov* [Holiness. Concise Dictionary of Hagiographic Terms]. Moscow, "Gnozis".
9. Klark K. 2002. *Sovetskii roman: istoriya kak ritual* [Soviet novel: history as a ritual]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta. (In Russ.)
10. Maklyuehn G.M. 2003. *Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: Human External Extensions]. Moscow, Zhukovskii: KANONpress-Ts-Kuchkovo pole. (In Russ.)
11. Raevskaya M.M. 2019. Yazykovaya ideologiya kak mental'naya model' i issledovatel'skaya paradigma [Language Ideology as a Mental Model and Research Paradigm]. *Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 24–35. (In Russ.)

12. Tumarkin N. 1997 *Lenin zhiv! Kul't Lenina v Sovetskoj Rossii* [Lenin is alive! The cult of Lenin in Soviet Russia]. St. Petersburg, Gum. agentstvo "Akadem, proekt". (In Russ.)
13. Uspenskii L.A. 1997. Bogoslovie ikony pravoslavnoi tserkvi. [Theology of the icon of the Orthodox Church]. Moscow, Izdatel'stvo bratstva vo imya svyatogo knyazya Aleksandra Nevskogo. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Leonid_Uspenskij/bogoslovie-ikony-pravoslavnoj-tserkvi (accessed: 12.08.2019). (In Russ.)
14. Shatin Yu.V. 1996. Ehstetika agiograficheskogo diskursa v poehme V.V. Mayakovskogo "Vladimir Il'ich Lenin" [Aesthetics of hagiographic discourse in the poem of V.V. Mayakovsky "Vladimir Ilyich Lenin"]. *Diskurs*, no. 2, pp. 24–30. (In Russ.)
15. Bonnell V.E. 1997. *Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*. Berkeley, CA, University of California Press.

Ю.О. Соловьева

**ГЕРОЙ ИЛИ ЗЛОДЕЙ:
ОБРАЗ АДВОКАТА В СОВРЕМЕННОЙ
АМЕРИКАНСКОЙ ПОПУЛЯРНОЙ КУЛЬТУРЕ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы 1*

В статье анализируются причины резкого падения общественного мнения в отношении представителей юридической профессии, в частности, судебных адвокатов, которых американцы упрекают в нарушении норм профессиональной этики и низких моральных качествах. Отрицательное отношение к юристам складывалось исторически, обосновано объективными факторами и нашло отражение в литературе и кинематографе. В связи с этим в статье затрагивается вопрос о кумулятивном воздействии телевидения на зрителя (эффекте «культивации»), чье представление о реальности складывается в соответствии с транслируемым образом. По мнению автора статьи, отрицательная репрезентация юристов в продуктах популярной культуры способствует дальнейшему формированию негативного отношения общественности. Автор подкрепляет свои выводы примерами из произведений современного американского кинематографа и литературы. В то же время в американском обществе ощущается необходимость в изменении сложившегося восприятия представителей юридической профессии, отражающаяся в создании преимущественно положительных образов юристов в сериалах и шоу соответствующей тематики. Так как эффект культивации у шоу выше, чем у кинематографа, он может со временем поглотить эффект культивации от художественных фильмов, в которых адвокат играет роль злодея.

Ключевые слова: положительная/отрицательная репрезентация; продукты популярной культуры; нормы профессиональной этики; бинарная шкала «хороший-плохой»; эффект «культивации»; транслируемый образ.

Регулярно проводимые в США опросы общественного мнения наглядно демонстрируют, что отношение рядовых американцев к представителям юридической профессии изменилось к худшему за последние десятилетия. Так, по данным опроса 1973 г., только 13% респондентов допускали, что юристы могут пойти на нарушение

Соловьева Юлия Олеговна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: solovieva-julia2009@yandex.ru).

закона или норм профессиональной этики, чтобы помочь своим клиентам, а 57% считали такое поведение невозможным.

В опросе 2012 г. (Gallup Poll on Honesty/Ethics in Professions) участников попросили дать оценку честности представителей разных профессий и соблюдению ими норм профессиональной этики. На этот раз только 19% опрошенных американцев высоко оценили нравственную культуру юристов. Соответствующее исследование, проведенное среди студентов юридических факультетов шести стран, включая США, показало, что будущие юристы не доверяли представителям выбранной профессии в той же мере, что и рядовые граждане.

Справедливости ради следует отметить, что профессия юриста никогда не пользовалась общественным доверием и признанием. Отрицательное отношение к юристам уходит корнями в историю и нашло отражение в литературе. Чарльз Диккенс, например, ненавидел юристов, а его роман «Холодный дом» (Bleak House), неоднократно экранизированный, по праву может считаться «антиюридическим» произведением всех времен.

Одной из причин общественной антипатии к представителям юридической профессии является защита ими преступников в уголовных делах (хотя в действительности подобной деятельностью занимается лишь небольшая часть юристов). Помимо этого люди, как правило, сталкиваются с юристами и их деятельностью не в лучшие периоды своей жизни, проходя через болезненный развод, банкротство и ликвидацию компании, различные судебные разбирательства. Вполне естественно, люди склонны винить юристов в этом неприятном и дорогостоящем опыте (как правило, юристов противной стороны, но иногда и своих собственных адвокатов). Факт остается фактом, неприязнь к юристам зародилась давно, и отношение к ним в обществе по-прежнему остается весьма негативным.

Так как популярная культура выступает лидером общественного мнения, его изменение отражается во все более негативной репрезентации юристов в современном американском кинематографе и литературе. При этом создание фильмов о «плохих» юристах является как одним из ключевых факторов формирования отрицательного отношения, так и подкрепляет то негативное восприятие, которое уже сложилось у публики по отношению к представителям юридической профессии.

Популярная культура в узком смысле имеет тенденцию отражать популярную культуру в широком смысле. Произведения популярной культуры, создающиеся с учетом ее современных тенденций, имеют больше шансов получить одобрение и завоевать симпатии зрителей/читателей, чем те, которые идут вразрез с общественным мнением.

Если большинство зрителей не любит юристов и не доверяет им, то режиссеры будут создавать в своих фильмах образы циничных и нечестных адвокатов.

Впервые вопрос о воздействии телевидения на зрителя был затронут в исследованиях Джорджа Гербнера и Ларри Гросса, которые назвали данное кумулятивное воздействие эффектом «культивации». Их гипотеза была основана на том, что чем больше времени люди проводят в «мире телевидения», тем скорее их образ реальности будет соответствовать транслируемому образу (гипотеза культивации).

Упомянутый эффект «культивации» подтверждается результатами опроса поклонников американского юридического сериала *L.A. Law* (1986–1994). В отличие от тех, кто не смотрел шоу, его постоянные зрители (в том числе юристы) полагали, что адвокаты всегда имеют привлекательную внешность, коммуникабельны и наделены практически неограниченными полномочиями. Еще одно исследование (Podlas 2001), проведенное среди присяжных заседателей, доказало гипотезу культивации на примере телевизионного шоу «Судья Джуди». Те присяжные, которые регулярно смотрели шоу, полагали, что судья обязан задавать подсудимому вопросы во время слушания, и вести себя жестко, даже агрессивно по отношению к сторонам.

Изображение юристов в американском кинематографе было достаточно позитивным с 1930 г. до середины 1970-х годов, когда оно резко поменялось в обратную сторону. Проведенный М. Асимоу и Ш. Мейдер анализ выборки, состоявшей из более 300 художественных фильмов о юристах, показывает, что в последние четыре десятилетия их образы в произведениях популярной культуры почти всегда отрицательные. Деление всех юристов на «плохих» и «хороших» проводится по нескольким критериям. Во-первых, учитываются личностные качества: честность, порядочность, способность к состраданию. Во-вторых, оценивается непосредственно профессионализм: богатый опыт, соблюдение профессиональной этики, лояльность по отношению к клиенту. Таким образом, «хороший» юрист сочетает прекрасные человеческие качества с высоким профессионализмом. Если даже один из перечисленных критериев «выпадает», общество относит юриста к категории «плохих». Таким образом, многочисленные фильмы о «плохих» юристах наряду с другими факторами способствовали резкому падению общественного мнения о представителях данной профессии за последние годы.

Похожая тенденция наблюдается и в произведениях современной американской литературы, персонажами которых выступают юристы. Так, автор многочисленных юридических бестселлеров и юрист по образованию Д. Гришэм в своем романе «Противники» (*The*

Litigators, 2011) иронически описывает персонажей-адвокатов, владельцев юридической фирмы:

“The law firm of Finley & Figg referred to itself as a boutique firm. When used properly, it implied that Finley & Figg was something above your average two-bit operation. Boutique, as in small, gifted, and expert in one specialized area. Boutique, as in pretty cool and chic, right down to the Frenchness of the word itself. Boutique, as in thoroughly happy to be small, selective, and prosperous. Except for its size, it was none of these things” [Grisham, 2011: 1].

Автор относит главных героев к адвокатам «низшей лиги», намекая как на не самое привлекательное местоположение фирмы, так и на сомнительное качество предоставляемых ею услуг:

“Even its location suggested a monotonous life out in the bush leagues. With a Vietnamese massage parlor to its left and a lawn mower repair shop to its right, it was clear at a casual glance that Finley and Figg was not prospering” [Grisham, 2011: 2].

В разговорном американском языке выражение ‘bush league’ означает организацию дилетантов, непрофессионалов, кем, безусловно, и являются владельцы «фирмы-бутика», партнеры Оскар Финли и Уолли Фигг. Вдобавок к недостатку образования и профессионального опыта один из партнеров, Уолли много лет страдает от алкогольной зависимости, которая неоднократно грозила ему лишением лицензии на адвокатскую деятельность. Он с гордостью делится своими «достижениями» с новой знакомой:

“I’ve been sober for sixty-one days now” [Grisham, 2011: 73].

Интересен тот факт, что герои нашумевшего фильма «Вердикт» (1982), адвокаты Ф. Гэлвин и Э. Конкеннон также имели алкогольную и даже наркотическую зависимость. Таким образом, даже спустя десятилетия персонажи-адвокаты в литературе и кинематографе по-прежнему представлены в самом неприглядном свете, а их пагубные пристрастия наносят вред клиентам, которых они призваны защищать.

У читателей и зрителей вызывают однозначное отвращение те способы, при помощи которых адвокаты ищут своих клиентов. Герои упомянутого романа «Противники» начинают свой рабочий день с просмотра некрологов в газетах и методично обходят похоронные бюро, больницы, пожарные части, полицейские участки в поисках новых клиентов. Так, владелец похоронного бюро в романе описывает «бурную» деятельность адвокатов по несчастным случаям:

“I can’t keep up with you people. We had a service last week for an illegal Mexican, got himself pinned under a bulldozer, used the chapel there”, he said, nodding at the chapel door. “We had more lawyers here than family members. Poor guy’s never been so loved” [Grisham, 2011: 34].

В следующем отрывке уже известный нам Уолли Фигг прохаживается по похоронному бюро в поисках потенциальных клиентов:

“He stepped into the second, a dimly lit room, twenty feet by twenty, with a casket along one wall and cheap chairs lining the others. Chester was sealed up, which pleased Wally. He put his hand on the casket as if fighting back tears. Just he and Chester, sharing one last moment together” [Grisham, 2011: 35].

Герой фильма «Вердикт», снятого по одноименному роману Барри Рида, адвокат Гэлвин также раздает свои визитные карточки пришедшим на похороны, притворяясь знакомым покойного. С точки зрения морали подобное поведение заслуживает порицания и укрепляет зрителей и читателей в их отрицательном мнении о представителях адвокатской профессии.

Интересно посмотреть, как правовые и этические нормы, касающиеся рекламирования юристами своих услуг, кардинально изменились за последние четыре десятилетия. Изначально, любая форма рекламы своих профессиональных услуг была запрещена адвокатам. Однако в 1977 г. в своем решении по делу *Bates v. State Bar of Arizona* Верховный суд США постановил, что наложение запрета на добросовестную рекламу услуг нарушает право юристов на свободу слова. Это историческое решение привело к тому, что реклама юридических услуг буквально наводнила телевидение, радио и прессу. Теперь ее можно увидеть в самых неожиданных местах и даже на автобусных остановках. Затраты на телевизионную рекламу адвокатских услуг оцениваются примерно в полмиллиарда долларов, не считая стоимости остальной рекламы, в том числе в интернете. Единственным ограничением для юристов является необходимость предоставлять достоверную информацию. Однако данное требование долгое время не распространялось на практику, получившую название *ambulance chasing*, которая, к слову сказать, составляла львиную долю небольшой прибыли фирмы-бутика в романе «Противники».

“What the address lacked in prestige it sort of made up for in location. Two doors away was the intersection of Preston, Beech, and Thirty-eighth, a chaotic convergence of asphalt and traffic that guaranteed at least one good car wreck a week, and often more. F&F’s annual overhead was covered by collisions that happened less than one hundred yards away. Other law firms, boutique and otherwise, were often prowling in the area in hopes of finding an available, cheap bungalow from which their hungry lawyers could hear the actual squeal of tires and crunching of metal” [Grisham, 2011: 2].

Юристы, специализировавшиеся на несчастных случаях – так называемые *ambulance chasers*, – пытались навязать свои услуги

либо самому потерпевшему, либо его родственникам. В конечном итоге многочисленные жалобы заставили Верховный суд США запретить прямой доступ посторонним адвокатам к пострадавшим в больнице. В действующих на данный момент правилах профессионального поведения, разработанных Американской ассоциацией юристов говорится: “A lawyer shall not in-person or live telephone contact solicit professional employment from a prospective client with whom the lawyer has no family or prior professional relationship when a significant motive for the lawyer’s doing so is the lawyer’s pecuniary gain” (ABA 2003).

Приведенные примеры однозначно доказывают, что мнение общества о представителях юридической профессии обоснованно негативно. С другой стороны, наблюдается тенденция к формированию положительного образа юриста/адвоката, в частности, отражающаяся в произведениях современной американской литературы. Все тот же Гришэм часто описывает своих персонажей-юристов как людей исключительно порядочных и профессиональных, готовых к самопожертвованию ради своих клиентов. В романе «Апелляция» (The Appeal, 2008) супружеская пара адвокатов представляет интересы беззащитной клиентки, потерявшей мужа и ребенка, в деле против огромной корпорации. Адвокат Мэри-Грейс предстает перед читателями как самая обычная женщина, которая пытается помочь несчастной клиентке, преодолевая невероятную усталость и стресс:

“She was tired of everything – the exhaustion, the stress, the sleepless nights, the scrutiny, the time away from her children, their run-down apartment, the mountain of unpaid bills, the neglected clients, the cold Chinese food at midnight, the challenge of doing her face and hair every morning so she could be somewhat attractive in front of the jury. It was expected of her” [Grisham, 2008: 10].

На плечи молодой супружеской пары адвокатов Пейтонов свалилась непосильная ноша длительного и тяжелого судебного разбирательства, из-за которого семья защитников оказалась в долгах:

“What had begun innocently enough with a simple \$ 90,000 second-mortgage loan against their lovely suburban home had progressed into a gaping hellhole of red ink and foolish spending... the nice home was gone, as was he nice downtown office, and the imported cars, and everything else. The Paytons were risking it all...” [Grisham, 2008: 11].

Еще один пример положительной репрезентации представителей юридической профессии мы находим в упомянутом ранее романе «Противники». В нем молодой юрист Дэвид помогает семье иммигрантов, чей сын Туя стал инвалидом из-за отравления свинцом, который входил в состав краски его детской игрушки. Дэвид и его

жена прикладывают все усилия для установления доверительных отношений с семьей пострадавшего, а также проводят расследование и лабораторные анализы за свой счет, ввиду отсутствия денег у подзащитных.

“It had been difficult to convince the Khaing family that they sincerely wanted to help, but after a few weeks of Big Mac dinners a high level of trust developed” [Grisham, 2011: 25].

“After dinner David and Helen walked Thuya out of the apartment, down the short sidewalk, and, with the entire family watching, strapped him into rear seat of their car and drove away...The had taken him to parks, carnivals, malls, ball games, and street parties. The Wednesday night excursions were important to him, and the only break during the week for his family” [Grisham, 2011: 258–259].

Также необходимо отметить, что если образы юристов в кинофильмах в большинстве своем отрицательные, то на телевидении дело обстоит иначе. Подавляющее большинство «телевизионных» юристов предстают перед зрителями как порядочные люди и высокие профессионалы. В то же время крупные юридические фирмы как в кино, так и на телевидении пользуются дурной репутацией и не остановятся ни перед чем, чтобы получить прибыль (Boston Legal, Suits, The Good Wife).

Героев кинофильмов нелегко классифицировать по бинарной шкале «хороший-плохой». Как правило, в разных ситуациях они могут проявить себя с самой неожиданной стороны. Подобная вариативность диктуется законами жанра, когда многогранность характера персонажа поддерживает интерес зрителя. Что касается героев телевизионных драм, то они преимущественно положительные. Харизматичные герои-адвокаты привлекают зрителя, который следит за тем, что происходит в их жизни, снова и снова возвращаясь к экрану для просмотра любимого сериала или шоу (в отличие от полутора-двух часов просмотра художественного фильма).

Подводя некоторые итоги статьи, можно прийти к выводу, что авторы современных произведений популярной культуры пытаются вернуть положительный образ или даже образ героя своим персонажам-юристам. Общество ощущает необходимость в данном изменении. Людям хотелось бы верить, что в тяжелую минуту их судьба окажется в надежных руках профессионала, сочувствующего их проблемам и бескорыстно пытающегося помочь, а не бездушного вымогателя денег и афериста. В конечном итоге можно надеяться, что эффект культивации, который у шоу, в частности, выше, чем у кинематографа, улучшит представление общества о юристах, а может в итоге даже поглотит эффект культивации от художественных фильмов, в которых адвокат играет роль злодея.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтуева Е.С.* Оценка качества интерсемиотического перевода литературного произведения на язык кино // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 130–136.
2. *Киселева Я.В.* Концепт «мораль» и его модальное отражение в романе Чарльза Диккенса «Оливер Твист» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 1. С. 47–52.
3. *Asimov M., Mader S.* Law and popular culture. New York, Peter Lang Publishing, 2013.
4. *Grisham J.* The Appeal. London, Arrow books, 2008.
5. *Grisham J.* The Litigators. New York, Dell, 2011.

Yuliya O. Solovyeva

A HERO OR A VILLAIN: THE IMAGE OF A LAWYER IN CONTEMPORARY AMERICAN POP CULTURE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Public opinion polls conducted in the USA during the last several decades show that lawyers have plummeted in public esteem. The author of the article draws attention to the reasons of such a sharp decline emphasizing the so-called “cultivation effect” from the films about “bad” lawyers. Contemporary American filmmakers and writers believe that most Americans dislike lawyers, so they make movies and write books about dishonest lawyers because they are more likely to resonate with viewers/readers. Popular culture “teaches” people to construct a view of reality by means of information derived from its works. The numerous “bad” lawyer movies along with some other factors have contributed to the decline of the public image of lawyers. The article provides examples from different popular movies and books where representatives of the legal profession are portrayed as people who lack honesty, mercy, loyalty to clients and their harmful habits often interfere with their professional life. Movie and book characters are difficult to classify on the binary bad-good scale because it’s their nuanced characterizations that keep viewers interested. TV lawyers are more positively represented because they need to make people feel empathy with them and watch such shows each week. It might happen that the cultivation effect caused by the positive TV lawyers portrayals swamps the cultivation effect of negative lawyer movies.

Key words: works of pop culture; public attitude; cultivation effect; “bad” lawyer movie; TV lawyers; heroes/villains; binary bad-good scale; positive/negative representation.

About the author: *Yuliya O. Solovyeva* – PhD, Associate Professor, Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: solovieva-julia2009@yandex.ru).

REFERENCES

1. Bakhtueva E.S. 2017. Otsenka kachestva intersemioticheskogo perevoda literaturnogo proizvedeniya na yazyk kino. [Assessing the quality of film adaptation of literary works] *Moscow State University Bulletin. Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 130–136. (In Russ.)
2. Kiseleva Y.V. 2018. Kontsept ‘moral’ i ego modal’noye otrazheniye v romane Charlza Dikkensa ‘Oliver Twist’. [The concept of moral in the novel “Oliver Twist” by Charles Dickens] *Moscow State University Bulletin. Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 47–52. (In Russ.)
3. Asimow M., Mader S. 2013. *Law and popular culture*. New York, Peter Lang Publishing.
4. Grisham J. 2008. *The Appeal*. London, Arrow books.
5. Grisham J. 2011. *The Litigators*. New York, Dell.

Д.А. Зинчук

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ГЕРМАНИИ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Советская военная администрация в Германии была создана в 1945 г. Ее целью было поддержание порядка и восстановление уровня жизни на Советской оккупационной зоне. Для проведения эффективной политики на территории необходимым было создание положительного имиджа Советского Союза. В данной статье рассматриваются особенности реализации социокультурной политики Советской военной администрации в Германии с методологической точки зрения. В ходе данного исследования определяются основные механизмы работы в социокультурной сфере (насаждение и приспособление), дается их характеристика и оценивается их роль при анализе социокультурной деятельности Советской военной администрации в Германии. Поставленный автором вопрос впервые рассматривается в контексте взаимодействия культур. Делается вывод об эффективности выявленных механизмов и обоснованности выбора того или иного механизма. Выявляются главные факторы, определяющие специфику этих механизмов, а также приводятся примеры внедрения этих механизмов на практике. Оба механизма можно признать эффективными и соответствующими целям СВАГ.

Ключевые слова: СВАГ; социокультурная деятельность; взаимодействие культур; социокультурная политика СВАГ; Советская оккупационная зона; механизмы адаптации.

Указом Совета народных комиссаров от 6 июня 1945 г. на территории Советской оккупационной зоны была основана Советская военная администрация в Германии (СВАГ). Ее задачи были определены следующим образом – соблюдение условий безоговорочной капитуляции Германии, управление советской оккупационной зоной и реализация решений¹ по Германии, принятых Союзническим Контрольным советом¹. Исходя из поставленных задач, СВАГ должна

Зинчук Дарья Александровна – аспирант, преподаватель, методист факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: zinchuk.dar@gmail.com).

¹ Политика СВАГ в области культуры, науки и образования: цели, методы, результаты, 1945–1949: Сб. док. / Росархив, ГА РФ; отв. ред. и отв. сост.: Н.П. Тимо-

была обеспечивать минимальный достойный уровень жизни немецкого населения, восстановить экономику и организовать управление территорией.

Для того чтобы проводить эффективную политику в Германии, Советская военная администрация должна была учитывать специфику своей деятельности, поскольку методы, подходы, реализуемые на немецкой территории, должны были претерпеть существенные изменения, чтобы давать результаты в Германии.

Исследования, фокусирующиеся на культурной политике СВАГ [см., например, Болдырев, 2010; Галдобина, 2002; Мудров, 2010; Магдебурга, 2005; Тимофеева, 1996], анализируют роль социокультурной деятельности в формировании определенного, выгодного имиджа СВАГ на территории Советской оккупационной зоны. Однако за пределами внимания остаются способы адаптации СВАГ своих социокультурных инструментов под специфику немецкой культуры. Для выявления основных особенностей деятельности СВАГ в социокультурной политике необходимо выработать механизмы адаптации культурной политики в сложившихся политических условиях, а также определить главные факторы, на которые ориентировалась Советская военная администрация при выборе того или иного механизма социокультурного влияния.

Говоря о мерах, осуществляемых Советской военной администрации в Германии, в социокультурном аспекте, необходимо понимать их место в контексте взаимодействия культур, в частности, понимать особенности восприятия представителями одной культуры специфики другой. В современных культурологических исследованиях выделяют четыре типа восприятия норм и ценностей другой культуры – ассимиляция (принятие новых культурных норм и полный отказ от своих), интеграция (принятие основных ценностей и образцов новой культуры со стремлением сохранить основные, присущие собственной культуре, характеристики), сепарация (процесс изолирования от господствующей культуры) и маргинализация (выпадение из собственной культуры, но отсутствие идентификации с новой культурной системой) [Культурология, 2014]. В контексте взаимодействия культур немецкая культура выступает как культура-реципиент, а советская культура – в качестве культуры-донора, из чего следует, что Советская военная администрация стояла перед необходимостью выбора определенных стратегий, которые бы привели к эффективному взаимодействию, а именно интеграции советских норм и ценностей в культуру Восточной Германии.

феева, Я. Фойтцик; при участии: Ю.М. Коршунов, К. Кюнцель, Д.Н. Нохотович, Ю.Г. Орлова, Е. Рош. М., 2006. С. 12.

В ходе исследования был рассмотрен комплекс распорядительных и отчетных документов Советской военной администрации в Германии, в результате чего были выявлены два основных механизма адаптации социокультурной политики к специфике немецкой культуры: насаждение; приспособление.

Под насаждением как механизмом адаптации социокультурной деятельности понимается трансляция определенных социокультурных норм и ценностей без какой-либо предварительной корректировки под специфику немецкой культуры. Так, например, репертуар немецких театров оценивался как «безыдейный и рассчитанный на кассовый успех», поэтому ставилась задача о создании современного советского репертуара, стремились к ориентации на постановление ЦК ВКП (б) от 26 августа 1946 г. «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению»², согласно которому театр был призван воспитывать молодежь «бодрой, жизнерадостной и преданной Родине»³.

Повсеместно реализовывалась идея о внедрении советской модели в обучении людей творческих профессий, таких, как актеров, режиссеров, операторов.

Отдельно стоит сказать о таком формате общения с немецкой аудиторией, как лекции. Специально для реализации разного рода мероприятий, в том числе и лекционного формата, создается Дом культуры Советского Союза в 1946 г. в Берлине, а затем и в других городах. Как подчеркивалось, «дома культуры имеют своей задачей ознакомить широкие слои населения с культурой нашей Родины, с особенностями нашего государственного строя, историей нашей партии, жизнью и моральным обликом советского человека, достижениями науки, техники и искусства в СССР»⁴. Создавалась определенная идеальная формула, которой, предполагалось, немцы должны следовать в реализации подобных задач. Регулярно на этих площадках реализовывались различные лекции, посвященные деятелям культуры, известным ученым в СССР. Особняком в этом ряду стоят лекции о партии и партийных работниках – регулярно, проводя оценивание собственной социокультурной политики, дается отсылка к тому, что нужно больше устраивать мероприятий, по-

² Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Под ред. А.Н. Яковлева; сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. М., 1999.

³ Политика СВАГ в области культуры, науки и образования: цели, методы, результаты, 1945–1949: Сб. док. / Росархив, ГА РФ; отв. ред.: Н.П. Тимофеева, Я. Фойтцик. М., 2006. С. 682.

⁴ Там же. С. 669.

священных партийной тематике не только в домах культуры, но и в университетах, школах и театрах.

Активно реализовывался этот механизм через массовую печать – это касалось как многочисленных переизданий фотовыставок, таких, как «Дружба народов СССР», «Урал – арсенал Красной Армии», «Москва – столица СССР», «Воспитание и образование в СССР», так и на уровне типографской продукции. Очень показателен в этом плане случай с изданием календаря с изображением И.В. Сталина, но поскольку сроки по изданию затянулись, то календарь выпустили лишь в марте, когда спрос на него был невелик. И руководство управления пропаганды (информации) СВАГ осудило такое «неосмотрительное действие»⁵. Организовывались такие выставки, как «Жизнь советского студенчества», «Московский метрополитен», «Культурная жизнь в бывшей царской колонии (контрасты на примере одной национальной республики)»⁶.

Иным механизмом адаптации политики СВАГ к специфике немецкой культуры стал механизм приспособления. Под этим понятием понимается трансляция тех ценностей, норм и моделей с учетом культурных особенностей другой страны. В первую очередь стоит сказать об особом акценте при организации культурно-просветительских мероприятий, который ставился на немецком творческом наследии. Так, призывали публиковать статьи музыковедов, историков и теоретиков музыки о творчестве в особенности немецких композиторов, таких, как Бетховен, Бах, Моцарт, Шуман, Шуберт и др., издавать статьи ведущих советских искусствоведов о творчестве западноевропейских, в частности, немецких мастеров изобразительного искусства (Дюррер, Кранах и др.)⁷.

При реализации данного механизма также были обозначены два основных фактора, которые определяли выбор художественной литературы, театральных постановок и выставок. В первую очередь этот тот образ немецкого населения, который мог быть создан читателем или зрителем в ходе знакомства с произведением. По такому принципу, например, была отклонена повесть Ванды Василевской «Радуга», повествующая о зверствах фашистов на украинской территории, был сделан вывод о том, что эта повесть может лишь оскорбить национальное чувство немецкого читателя и вместо того, чтобы способствовать росту политических симпатий к нам, будет способствовать росту враждебности по отношению к Советскому

⁵ Там же. С. 673.

⁶ Политика СВАГ в области культуры, науки и образования: цели, методы, результаты, 1945–1949. С. 689.

⁷ Там же.

Союзу», по этому же принципу была отклонена книга Б. Горбатова «Непокоренные»⁸.

Второй важный аспект, задействованный в механизме приспособления, – это уровень знаний немецкого населения об особенностях культуры советского народа. Так, например, была отклонена пьеса А. Корнейчука «В степях Украины», поскольку пьеса, «при нынешнем ничтожно малом знании Советского Союза и особенно быта колхозного крестьянства //...// не может иметь успеха и не может вызвать желательную нам политическую реакцию немецкого зрителя»⁹.

Оба механизма были весьма эффективны, исходя из анализа отчетных и распорядительных документов¹⁰. Однако, говоря о приспособлении как механизме, стоит отдельно отметить, что к этому механизму обращались не столько с целью смягчить свое влияние на немецкое население, сколько с целью сформировать позитивный образ Советской администрации, что являлось важным аспектом выстраивания отношений между СВАГ и немецким населением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Болдырев Р.Ю.* Деятельность детских и молодежных организаций в советской оккупационной зоне Германии, 1945–1949 // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 2.
2. *Галдобина С.В.* Молодежная политика Советской военной администрации в Германии в 1945–1949 гг. Историческое исследование: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2002.
3. *Калинин А.М.* Советская военная администрация в Германии и ее роль в демилитаризации Советской зоны оккупации в 1945–1949 (современная историография проблемы) // Власть. 2011. № 6.
4. *Культурология: Учебник / Быстрова Т.Ю. [и др.]; под общ. ред. О.И. Ган.* Екатеринбург, 2014.
5. *Мудров С.Н.* Деятельность Управления пропаганды Советской военной администрации в Германии в 1945–1947 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2010.
6. *Магдебурга В.В.* Деятельность Советской военной администрации в Германии в области культуры (1945–1949 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005.
7. *Павловский И.В.* Регионоведение сегодня // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 145–156.
8. *Политика СВАГ в области культуры, науки и образования: цели, методы, результаты, 1945–1949; Сб. док. / Росархив, ГА РФ; отв. ред. и отв. сост.: Н.П. Тимофеева, Я. Фойтчик.* М., 2006.
9. *Тимофеева Н.П.* Немецкая интеллигенция и политика реформ Система образования в Восточной Германии 1945–1949 гг. Воронеж, 1996.

⁸ Там же. С. 664.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 690, 698, 711 и т.д.

10. Чумакова А.А. Культурологические особенности реализации информационно-имиджевой политики государства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 1. С. 108–116.
11. Эльшеев Д.А., Тургаев А.С. Советская военная администрация и книжное дело в Восточной Германии в 1945–1949 годах: издательство “SWA-Verlag” // Вестник СПбГУКИ. 2017. № 2 (31).
12. Scherstjanoi E. Noch einmal “ueber die Russen und ueber uns”/ Gedanken zu einer “Diskussion ueber ein brennendes Thema” aus dem Jahr 1948 // Zusammenbruch – Befreiung – Befragung. Rueckfragen an die NS-Zeit und Ausblick auf die Entwicklung bis 1948, zusammengestellt von Andreas Herbst, Dr Rimma Maximowa, Evelyn Rink, Dr. Hilde Schramm. Potsdam, 1994.

Dar’ya A. Zinchuk

**SPECIFIC METHODOLOGICAL ASPECTS OF STUDYING
THE SOCIOCULTURAL POLICY OF THE SOVIET
MILITARY ADMINISTRATION IN GERMANY**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The Soviet military administration was created in 1945. Its aim was to control the order on the territory of the Soviet occupation zone and to provide a decent standard of living at the territory. In order to carry out its policy efficiently, the Soviet military administration in Germany was interested in creating a positive image of the Soviet Union, so the social and cultural policy as a means of making an image was also of the utmost importance. The article focuses on the specific methodological aspects of the sociocultural policy of the Soviet military administration in Germany. The research deals with the main mechanisms of adaptation of the policy to the specifics of German culture in the sociocultural sphere. Special attention is given to the efficiency of these methods. This issue is regarded as a subject of intercultural interactions. It is concluded that there are two main mechanisms: inculcation and adjustment. The research reveals the main factors that influence the specifics of the sociocultural policy and provides the examples of implementation of these mechanisms. It is deduced that both mechanisms are efficient and proven to meet the goals of the Soviet military administration in Germany which were established at the beginning of its activity.

Key words: the Soviet military administration in Germany; sociocultural policy; intercultural communication; Soviet occupation zone.

About the author: *Dar’ya Aleksandrovna Zinchuk* – postgraduate student, Instructor, Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: zinchuk.dar@gmail.com).

REFERENCES

1. Boldyrev R.Yu. 2010. Deyatel’nost’ detskikh i molodezhnykh organizatsii v sovetskoj okkupatsionnoi zone Germanii, 1945–1949. [Activity of Children’s and Youth Organizations in the Soviet Occupation Zone of Germany, 1945–1949] *Vestnik*

- Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, no. 2. (In Russ.)
2. Galdobina C.B. 2002. *Molodezhnaya politika Sovetskoj voennoj administratsii v Germanii v 1945–1949 gg.* [Youth policy of the Soviet military administration in Germany, 1945–1949] *Istoricheskoe issledovanie: Diss. ... kand. ist. nauk.* Moscow. (In Russ.)
 3. Kalinin A.M. 2011. *Sovetskaya voennaya administratsiya v Germanii i ee demilitarizatsii Sovetskoj zony okkupatsii v 1945–1949 (sovremennaya istoriografiya problemy).* [The Soviet military administration in Germany and the process of demilitarization of the Soviet occupation zone, 1945–1949 (the historiography of the issue)] *Vlast'*, no. 6. (In Russ.)
 4. Kul'turologiya: uchebnik / T.Yu. Bystrova [idr.]; pod obshch. red. kand. ist. nauk, dots. O.I. Gan. Ekaterinburg, Izd. Ural. un-ta. (In Russ.)
 5. Mudrov S.N. 2010. *Deyatel'nost' Upravleniya propagandy Sovetskoj voennoj administratsii v Germanii v 1945–1947 gg.* [The actions of the department of propaganda of the Soviet military administration 1945–1947] *Diss.kand.ist.nauk. Ya.* (In Russ.)
 6. Magdebura V.V. 2005. *Deyatel'nost' Sovetskoj voennoj administratsii v Germanii v oblasti kul'tury (1945–1949 gg.)* [The activity of the Soviet military administration in the sphere of culture (1945–1949)]: *Diss. ... kand. ist. nauk.* Moscow. (In Russ.)
 7. Pavlovskii I.V. 2005. *Regionovedenie segodnya* [Regional Studies nowadays]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 145–156. (In Russ.)
 8. Timofeeva N.P. 1996. *Nemetskaya intelligentsiya i politika reform Sistema obrazovaniya v Vostochnoi Germanii 1945–1949 gg.* [German intellectuals and policy of reforms. The system of education in Eastern Germany] *Voronezh.* (In Russ.)
 9. El'yashevich D.A., Turgaev A.S. 2017. *Sovetskaya voennaya administratsiya i knizhnoe delo v Vostochnoj Germanii v 1945–1949 godah: izdatel'stvo "SWA-Verlag"* [The Soviet military administration and book industry in Eastern Germany 1945–1949: Publishing house SWA-Verlag]. *Vestnik SPbGUKI*, no. 2 (31), Saint-Petersburg (In Russ.)
 10. Chumakova A.A. 2007. *Kul'turologicheskie osobennosti realizatsii informatsionno-imidzhevoi politiki gosudarstva* [Information and Image Politics of the State. Cultural Peculiarities]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 108–116. (In Russ.)
 11. El'yashevich D.A., Turgaev A.S. 2017. *Sovetskaya voennaya administratsiya i knizhnoe delo v Vostochnoj Germanii v 1945–1949 godah: izdatel'stvo "SWA-Verlag"*. *Vestnik SPbGUKI*. № 2 (31).
 12. Scherstjanoi E. 1994. *Noch einmal "ueber die Russen und ueber uns" / Gedanken zu einer "Diskussion ueber ein brennendes Thema" aus dem Jahr 1948. Zusammenbruch – Befreiung – Befragung. Rueckfragen an die NS-Zeit und Ausblick auf die Entwicklung bis 1948, zusammengestellt von Andreas Herbst, Dr Rimma Maximowa, Evelyn Rink, Dr. Hilde Schramm.* Potsdam, 1994.

М.В. Выродова

**РОЛЬ СЕМЬИ В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
ЖЕНСКИХ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ ВО ФРАНЦИИ
СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»*

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Настоящая статья посвящена изучению роли семьи в процессе трансформации женских жизненных стратегий во Франции середины XIX – начала XX в. Исследование было проведено на основе мемуаров представительниц творческой интеллигенции, а также выходцев из аристократической и буржуазной среды, несших в себе основные ценности и нравы эпохи. Среди них Жюдит Готье, Луиза Мишель, Сара Бернар и Кора Перль. Французская традиционная семья с середины XIX в. претерпевает ряд изменений, вызванных экономическими, социальными и культурными факторами. Если еще в начале XIX в. жена была полностью подчинена мужу, должна была исполнять его волю и не обладала в обществе почти никакими правами, то с середины века женщина становится свободнее, в обществе получают развитие новые идеалы, что прививается уже следующему поколению. Женщины становятся более интегрированными в общество. Они стремятся к независимости, самостоятельно формируя свою собственную жизненную стратегию. Желание семьи дать дочерям образование, профессию, обеспечив их тем самым собственными средствами, противоречит существовавшему ранее образу женщины как исключительно хранительницы очага, полностью подчиненной воле мужа.

Ключевые слова: семья; стратегия жизни; трансформация; Франция; культурология; психология; социология; женщины; XIX в.

Стратегия жизни – понятие междисциплинарное, охватывающее такие отрасли науки, как социология, психология и культурология. Данный охват позволяет сделать анализ более точным, детальным, а также найти истоки феномена и объяснить его причину.

Наиболее полное определение понятия «стратегия жизни», по нашему мнению, дала психолог К.А. Абульханова-Славская, полагавшая, что это «способность личности к соединению своей индивидуальности с условиями ее жизни, к ее воспроизводству и развитию» [Абульханова-Славская, 1991]. Ш.И. Алиев, также психолог,

Выродова Мария Вадимовна – аспирант факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова (e-mail: Rbbt1612@yandex.ru).

рассматривал «стратегию жизни» как перспективу, на которую направлен весь потенциал человека [Алиев, 2012]. В социологии наиболее авторитетными являются исследования Т.Е. Резник и Ю.М. Резник, которые определяли «стратегию жизни» как «идеальные образования, реализующиеся в поведении человека, его ориентиры и приоритеты» [Резник, Резник, 2002].

При изучении формирования стратегии жизни любого индивидуума исследователь должен не только фокусировать внимание на самой личности. Каждый человек – продукт прошлого, а именно семьи и той атмосферы, в которой он родился, воспитывался, познавал мир. Е.И. Исакович в статье «Изменение словарного значения статуса семьи и ребенка за последние 150 лет» обобщил наиболее распространенные определения термина «семья» и сделал вывод о том, что семья для человека – общественно-историческая, материальная и духовная основа [Исакович, 2009].

Первым психологом, стоявшим у истоков изучения стратегии жизни, стала Шарлотта Бюлер [Абульханова-Славская, 1991], которая в 1930-х годах ввела в обиход термин «жизненный путь личности». Она полагала, что благополучная семья с большей вероятностью сможет воспитать достойного ребенка, а сам ребенок – зеркало семьи. Зигмунд Фрейд, как и Ш. Бюлер, полагал, детские переживания и неврозы зачастую становятся определяющими факторами в процессе развития личности. Почти параллельно с З. Фрейдом работал его ученик Карл Юнг, который также обращался к детству индивида. Он полагал, что прежде всего личность ребенка становится продуктом нереализованного потенциала его родителей, которые пытаются наделить его тем, чего сами были лишены [Юнг, 2006].

В 1960-е годы американский психолог и психиатр Эрик Леннард Берн ввел в научный обиход представление о феномене, который он назвал «жизненный сценарий». Инновационность подхода Э. Берна заключалась в том, что он предлагал начинать анализ жизни человека с родителей и ближайших предков, которые задают своим детям установки согласно собственным идеалам¹.

Помимо психологических факторов, следует принимать во внимание историко-культурологические факторы, которые на разных этапах развития культуры функционировали по-разному. Для их изучения были рассмотрены мемуары представительниц творческой интеллигенции, а также выходцев из аристократической и буржуазной среды: Жюдит Готье [Gautier, 2016], писательницы, поэтессы;

¹ Берн Э. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/erik-bern> (дата обращения: 18.03.2018).

Сары Бернар [Бернар, 2006] – великой актрисы; Кору Перль [Pearl, 1886]; представительницы французского полусвета, ставшей известной парижской содержанкой, войдя в историю как один из символов середины – конца XIX в., который отражал основные ценности и нравы эпохи; Луизы Мишель [Michel, 2015] – учительницы, писательницы, революционерки. Такой отбор источников обусловлен стремлением охватить максимально возможное количество социальных групп и слоев для того, чтобы приблизиться к пониманию того, каким образом новые стандарты воспитания и восприятия женщины повлияли на формирование ее стратегии жизни.

Стоит отметить, что семья во Франции той эпохи была не только психологической основой формирования стратегии жизни, но и культурологической, связанной с начавшейся трансформацией традиционной семьи. Филипп Арье [Aries, 1975], занимавшийся историей семьи, утверждал, что вплоть до середины XX в. традиционная французская семья имела четкую иерархию и распределение обязанностей. Женщина воспринималась исключительно как жена и мать. Основным источником выступает Гражданский кодекс Наполеона, в котором фиксировались права и обязанности супругов. Из его пунктов складывается образ женщины, как второстепенного члена семьи, который полностью находится под властью мужа, не распоряжается имуществом, обязан следовать за ним, повинуется его решениям, не имеет права выступать в суде без его разрешения.

Но в середине XIX в. происходит постепенное уравнивание власти отца и матери, что приводит к трансформации подхода к воспитанию нового поколения женщин, которые росли уже не только как хранительницы очага, но как полноправные члены общества, имеющие право получать образование и строить карьеру по своему собственному желанию. Данная тенденция берет свое начало в эпоху просвещения, когда впервые зародилась идея о всеобщем женском образовании и стали появляться женские клубы, объединения и общества, в которых поднимались вопросы о допуске женщин к голосованию и образованию. Претерпела ряд изменений и женская пресса. «Курье де ла Нувоте» и ряд женских изданий, создающих образ идеальной жены и женщины-домохозяйки, были потеснены «газетным феминизмом», поднимающим вопросы «участия в общественной жизни, возможности и необходимости реформирования законодательства, и изменение общественного мнения» [Королева, 2005].

Уже в середине XIX в. появилась тенденция, что женщина стремится к независимости, к желанию быть свободной и иметь свои собственные сбережения. В детских воспоминаниях Жюдит Готье

и Сара Бернар описывают своих отцов и матерей, и последние зачастую живут своей собственной жизнью и не погружаются полностью в быт. Помимо того, что Жюдит Готье была дочерью известного писателя и критика Теофиля Готье, мать ее, Эрнестина Гризи, – актрисой итальянской труппы, родственницей балерины Гризи. Об отце Сары Бернар известно мало. Ее мать, Юдифь Бернар, после смерти мужа сделалась содержанкой, однако данную тему Сара Бернар в своих воспоминаниях не раскрывает. Положение в обществе, свобода нравов, получившая свое развитие при императоре Наполеоне III, возможность женщины иметь профессию и не быть прикованной к семейному очагу повлияло на взаимоотношение отцов, матерей и детей и на становление их характеров. Редкое общение с матерями, что относится и к Бернар, и к Готье, наложило на будущих знаменитостей сильный отпечаток, сформировав в них крутой нрав, активность, умение постоять за себя, но при этом, в стремлении сохранить свою свободу, они так и не смогли создать крепкий брак [Gautier, 2016; Бернар, 2006].

Мемуары Кору Перль рассказывают меньше всего о детстве, которого по сути и не было. Она родилась в 1842 г. в Плимуте. Ее отец был композитором, мать – певицей. В семье было шесть детей. Когда Перль исполнилось пять лет, ее отправили в Париж для прохождения длительного обучения, где она была предоставлена сама себе. Отсутствие внимания к ребенку со стороны родителей, полное равнодушие к его судьбе привели к несчастному случаю, который разрушил ее психику и открыл путь к жизни содержанки в Париже [Pearl, 1886].

В любую эпоху образ жизни человека во многом определяется его образованием. Еще в начале XIX в. образование для женщины являлось необязательным элементом существования. Однако с развитием экономики и индустрии, с изменением нравов и феминистским движением для женщин открылись профессии, которые ранее воспринимались исключительно как «мужские». Профессионализм и эрудированность требовались и в привычных профессиях, что было обусловлено растущей конкуренцией.

В семье Жюдит Готье образованием детей занимался глава семейства – Теофиль Готье. Он поощрял интерес дочери к книгам, развивал в ней навыки письма и чтения, преподавал астрономию и математику. Саре Бернар была найдена учительница мадемуазель де Брабанде, воспитавшая великую герцогиню в России [Gautier, 2016; Бернар, 2006].

У Луизы Мишель мать была простой крестьянкой, поэтому воспитанием и образованием целиком и полностью занимались ее бабушка и бабушка. Следует отметить, что семья Демаи в воспоминаниях

ниях Мишель предстает весьма образованной. Развитием девочки рано начали заниматься, прививали любовь к чтению. Луиза Мишель вспоминала уютные вечера, когда вся семья собиралась за чтением книг, рассказы, которые бабушка и дедушка сочиняли к каждому семейному празднику. Еще ребенком она начала писать «Всеобщую историю», смастерила своими руками люльку и «обращалась к Виктору Гюго с высокопарными стихами». Гюго, Ламартин, Корнель были настольными книгами у Мишель и ее подруг [Michel, 2015]. Шарль Демаи, дедушка Луизы Мишель, разделял идеи и воззрения Вольтера, Жан-Жака Руссо, что прививал и внучке.

Помимо образования, большое значение в формировании жизненной стратегии женщины имеет сохраняющееся право отца или матери влиять на будущую судьбу ребенка, включая выбор его профессии. В судьбе Жюдит Готье немалую роль сыграл ее отец Теофиль Готье, который смог подметить в ней писательский талант и критическое мышление. Под псевдонимом Жюдит Вольтер в журнале «Монитор» она опубликовала свою первую статью об «Эврике» Эдгара Алана По, а в скором времени в журнале «Антракт» появился анализ Готье картины Антуана Огюста Эрнста Эбера «Каменная скамья» [Gautier, 2016]. На судьбу Сары Бернар повлияла ее мать, желавшая сделать свою дочь независимой от кого-либо, какой она была и сама [Бернар, 2006].

Таким образом, подводя итог исследованию, можно сделать вывод о том, что французская традиционная семья в XIX в. претерпела ряд изменений, которые в большей степени выразились в положении женщин. Они стали более интегрированы в общество, стремясь к независимости как в материальном плане, так и в ментальном, получили профессии, связи, что противоречило существовавшему ранее образу женщины, полностью подчиненной воле мужа. Формирование женской жизненной стратегии стало рациональным и самостоятельным выбором каждой женщины. Описанная трансформация повлияла на воспитание женщины нового поколения, которая своим примером и новыми представлениями о жизни заложила вектор развития, нацеленный на обязательное получение образования, профессии, на возможность распоряжаться своей собственной жизнью по собственной воле, что ранее было невозможно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М., 1991.
2. *Алиев Ш.И.* Понятие и типы жизненных стратегий // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2012. №1. С. 94–100.
3. *Бернар С.* Моя двойная жизнь. М., 2006.

4. *Исакович Е.И.* Изменение словарного значения статуса семьи и ребенка за последние 150 лет // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 3.
5. *Комков О.А.* К вопросу о концептуальных основаниях теории культуры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19/ Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. С. 136–145.
6. *Королева Т.В.* Высшее женское образование и женское движение во Франции в XIX– начале XX в. // Женщина в российском обществе. 2005. № 3–4. С. 39–59.
7. *Резник Т.Е., Резник Ю.М.* Жизненные стратегии личности. М., 2002.
8. *Федорова Т.Ю.* Автобиография как источник культурологического исследования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 136–142.
9. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. СПб., 2003.
10. *Шолохова Я.И.* Культурно-историческое измерение практик самоописания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19 Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. С. 175–181.
11. *Юнг К.* Психология бессознательного. М., 2006.
12. *Aries P.* L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime. Paris, 1975.
13. *Gautier J.* Le Collier des jours. Souvenirs de ma vie. Paris, 2016.
14. *Michel L.* Mémoires de Louise Michel, écrits par elle-même. Kindle Edition, 2015.
15. *Pearl C.* Mémoires de Cora Pearl. Paris, 1886.

Maria V. Vyrodova

THE ROLE OF FAMILY IN THE PROCESS OF WOMEN LIFE STRATEGIES TRANSFORMATION IN FRANCE FROM THE MIDDLE OF THE 19TH CENTURY UP TO THE BEGINNING OF THE 20th

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The present article deals with the issue of how family members, education and instruction they provided influenced the transformation of life strategies of women in France from the middle of the nineteenth century up to the beginning of the twentieth. The research draws upon the primary sources including memoirs of Judith Gautier, Louisa Michele, Cora Pearl and Sara Bernard. In the middle of the 19th century the French traditional family underwent several changes caused by the social, culture and economic factors. Even at the beginning of the nineteenth century a woman was considered to be a family keeper, who was always under the control of her husband. She did not have any social rights and a chance to decide her own fate. However, in the middle of the century the situation started changing. A woman became more integrated into society. Family members were trying to educate their daughters, give them necessary skills, financial autonomy. As a result, women became more independent, were able to choose their own life strategy. They started working, could manage property. They had husbands, lovers and children, but the new attitude to life made them free.

Key words: culture; life strategy; Belle Époque; family; nineteenth century; transformation; France; memoirs.

About the author: *Maria V. Vyrodova* – postgraduate student, Faculty of Foreign languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: Rbbt1612@yandex.ru).

REFERENCES

1. Abul'khanova-Slavskaya K.A. 1991. Strategiya zhizni [The life strategies]. *Nauchnoe psikhologicheskoe obshchestvo im. S. L. Rubinshteina* [The Rubinstein scientific psychological society]. Moscow. (In Russ.)
2. Aliev Sh. I. 2012. Ponyatie i tipy zhiznennykh strategii [The definition and types of life strategies]. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*, no.1, pp. 94–100 (In Russ.)
3. Bernar S. 2006. *Moya dvoynaya zhizn'* [My double life]. Moscow, Friflay (In Russ.)
4. Isakovich E.I. 2009. Izmenenie slovarnogo znacheniya statusa sem'i i rebenka za poslednie 150 let [Alteration of lexical meaning of family and child status in the last 150 years]. *Knowledge. Comprehension. Ability*, no. 3 (In Russ.)
5. Komkov O.A. 2017. K voprosu o kontseptual'nykh osnovaniyakh teorii kul'tury [The conceptual issues of cultural theory]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and International Communication*, no. 3, pp. 136–145. (In Russ.)
6. Koroleva T.V. 2005. Vysshee zhenskoe obrazovanie i zhenskoe dvizhenie vo Frantsii v XIX– nachale XX v. [The women higher education and women's movement in France in 19th and beginning of the 20th centuries]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [A woman in Russian society] N 3–4, pp. 39–59. (In Russ.)
7. Reznik T.E., Reznik Yu.M. *Zhiznennye strategii lichnosti* [Person's life strategies]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/381/829/1219/001_Reznik_100-105.pdf (accessed: 20.07.2018). (In Russ.)
8. Fedorova T.Yu. 2018. Avtobiografiya kak istochnik kul'turologicheskogo issledovaniya [Autobiography as a source for cultural research]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and International Communication*, no. 2, pp. 136–142. (In Russ.)
9. Freid Z. 2003. *Vvedenie v psichoanaliz* [Introduction to psychoanalysis], St. Petersburg, Piter. (In Russ.)
10. Sholokhova Ya.I. 2017. Kul'turno-istoricheskoe izmerenie praktik samoopisaniya [Historical and cultural estimation of self-description]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and International Communication*, no. 3, pp. 175–181. (In Russ.)
11. Yung K. 2006. *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the unconscious]. Moscow, Flinta (In Russ.)
12. Aries P. 1975. *L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime*. Paris, Seuil. (In French)
13. Gautier J. 2016. *Le Collier des jours. Souvenirs de ma vie*. Paris, Juven. (In French)
14. Michel L. 2015. *Mémoires de Louise Michel, écrits par elle-même*. Kindle Edition. (In French)
15. Pearl C. 1886. *Mémoires de Cora Pearl*. Paris, Levy. (In French)

Н.Л. Гринчук

ТРАДИЦИИ КАТОЛИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОСТРОЕНИИ ЦЕННОСТНОЙ СИСТЕМЫ ИТАЛЬЯНСКОГО ФАШИЗМА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Идеологию фашизма принято ассоциировать с коренным изменением системы ценностей, однако результаты, полученные по итогам анализа ценностной динамики итальянского общества, демонстрируют, что основные усилия идеологов итальянского фашизма были направлены не на тотальное изменение системы ценностей итальянского народа, но на воздействие на содержательное наполнение уже существовавших доминантных ценностей национальной культуры, сложившихся естественным образом в процессе исторического развития. В данной статье рассматривается феномен инкорпорации ценностей итальянского фашизма в традиционные католические ценности с целью наиболее успешного их внедрения в массовое национальное сознание, выявляются аспекты католической религии, представлявшие особо эффективными для экстраполяции приоритетных ценностей фашизма, определяется функциональная ценность католической религии для фашистского режима. Разбирается также явление трансформации ценности в норму, рассматриваются изменения, происходившие в самой ценности под воздействием ее перехода из аксиологической сферы желаемого в нормативную сферу долженствования. В связи с полученными выводами сопоставляются взгляды на ценность с точки зрения конструктивистской и примордиалистской парадигм исследований национальной идентичности и поднимается вопрос о жизнеспособности искусственного ценностного конструкта.

Ключевые слова: Италия; ценности; нормы; система ценностей итальянского общества; ценностная матрица; инкорпорация ценностей; религиозные ценности; фашистские ценности; культурная политика.

Изучение итальянского фашизма остается актуальным прежде всего потому, что он представлял собой сознательный эксперимент по конструированию предельного образа нации на основе определенной системы ценностей. Всестороннее понимание особенностей характера любой нации немислимо без изучения динамики ее ценностной матрицы.

Гринчук Наталья Леонидовна – аспирант (направление «Культурология») факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: gorbacheva_msu@mail.ru).

Предполагается, что усилия идеологов итальянского фашизма были направлены не на изменение традиционной системы ценностей итальянцев в ее целостности, но на переработку содержательного наполнения отдельных доминантных ценностей национальной культуры. Однако может ли быть возможным целенаправленное конструирование ценности, как это заявляется в конструктивистской парадигме исследования национальной идентичности, и будут ли такие ценности жизнеспособными? Или же ценности могут формироваться только естественным, стихийным образом в процессе исторического развития, как это подразумевается в примордиалистской парадигме? Целью данной статьи, таким образом, становится рассмотрение феномена присоединения ценностей фашизма к уже существующей традиционной католической системе ценностей. Первая задача – выявить аспекты католической религии, воспринимавшиеся режимом как наиболее продуктивные для экстраполяции ценностей фашистской идеологии, вторая задача – определить, какие процессы происходили во время фашистского двадцатилетия с самой ценностью.

Центральными в данной статье считаются понятия ценности и нормы. Под «ценностью» подразумевается все то, что обладает для человека значимостью и предпочтительно на мыслительном и деятельном уровне; то, что определяется им как «ценностное» и является внутренней детерминантой его как осознанного, так и неосознанного поведения [Грибакин и др., 2002: 367]. Под «нормой» же понимается «предписание, разрешение или запрещение действовать определенным образом» [Философия, 2004]. Ценность открывает личности бесконечный горизонт, к которому она может стремиться, в то время как норма очерчивает «средний оптимум, за пределами которого либо подвиг, либо нарушение» [Мороз, 2011: 18, 21].

31 октября 1922 г. состоялся «поход на Рим», в результате которого фактическая власть в Италии была в буквальном смысле захвачена фашистами. Смыслы, которые необходимо было дать народным массам, а также коллективные представления, неразрывно связанные с ценностями сообщества [Шевлякова, 2017: 104], еще только предстояло сконструировать: неслучайно в трудах исследователей начинают возникать метафоры строительной площадки [Biondi, 1967: 286, 318] и гигантской лаборатории [Ортега-и-Гассет, 1930: 23]. Разрабатывалась так называемая моральная реформа [Carocci, 2003: 54], заключавшаяся в создании нового типа итальянцев посредством радикального воздействия на их привычный образ жизни. Тем не менее, несмотря на повсеместность внедрения, выгодные правительственному аппарату ценности не прижились,

что создавало необходимость прибегнуть к плодотворной почве традиции.

Б. Муссолини, изначально позиционировавший себя антиклерикалом, быстро осознал важность католицизма для традиционного итальянского менталитета, в связи с чем церковь в его политике приобрела стратегическую роль. Ее иерархия предоставляла возможность насаждать идеологически выгодные истины в формате проповедей. Так, школа превращается в хранилище культа, учеников заставляют учить наизусть фашистский «Символ веры», в котором создание Б. Муссолини фашистской Италии стилистически уподобляется Сотворению Богом мира. Черты агиографического стиля прослеживаются и в биографиях вождя, его уподобляют святому Франциску, Моисею и даже Христу, ему приписывается бессмертие. Смещение фашистских и религиозных ценностей достигает своего пика после заключения Латеранских соглашений 1929 г. Портрет Дуче помещается слева от Распятия во всех общественных местах, к нему люди припадают в моменты отчаяния, восклицая: «Муссолини, дай мне силы!» [Ciarlantini, 1933: 21]. В рассуждениях о фашизме свободно используется религиозная терминология: «обращение еретиков» [Ciarlantini, 1935: 114], «храм высочайшей веры народа» [Biondi, 1967: 255]), в места Дуче совершаются «паломничества», дворец Дуче видится «алтарем». Институт фашизма называется «фашистской церковью» [Biondi, 1967: 234]. Предписывается обязательное ношение отличительного знака фашистской партии на груди (подобно кресту) [Gambetti, 1967: 179]. Истребление местного населения в Эфиопии представляется «расчищением пути для евангельской проповеди» [Biondi, 1967: 280, 288]. Учреждение «фашистских суббот» напоминает обычай выделять специальный день на служение богу.

Таким образом, становится очевидным, что идеологами фашизма осуществлялось отнюдь не создание новых ценностей, но вынужденная интенсивная опора на традиционную культуру с изменением содержательного наполнения ценности уже существующей. Подобные меры были направлены на достижение главных целей: конструирование предельного образа «новых» итальянцев и наделение Дуче «богоизбранностью», идти против которой означало бы бросать вызов Создателю.

В ходе работы над первой задачей статьи удалось выделить следующие аспекты итальянской жизни, представлявшиеся идеологам фашизма наиболее продуктивными для экстраполяции собственных ценностей: 1) система верований, включавшая сам принцип объединения людей вокруг фигуры культа; 2) культовые действия и обряды (фашистские субботы, фашистское приветствие, коленопре-

клонение, обязательное ношение символики, воззвания к «чудодейственным» изображениям Дуче); 3) жанры (проповеди, жития святых, молитвы) и стили католической религии.

В ходе работы над второй задачей статьи было выявлено, что интенсивность культурной политики итальянского фашизма наделила ценность императивным вектором и спровоцировала, таким образом, смену модальности самой ценности, перешедшей из аксиологического поля в нормативно-правовое. Ценность при этом, во-первых, утрачивает принципиально важное для нее право выбора: в случае с нормой его отсутствие является главенствующим, нацеленным на недопущение произвола. Во-вторых, ценность теряет осмысленность: она может оставаться ценностью только будучи отрефлексированной субъектом, нормам же следует подчиняться даже если их смысл неясен. В-третьих, ценность утрачивает связь с человеческой индивидуальностью: норма обезличена и одинакова для всех, в ней не принимаются в расчет частные интересы. Осознанное «жизненное прочувствование» [Алабова и др., 2017: 148] бытия сменяется соблюдением ритуалов. В-четвертых, ценность, становясь подконтрольной, приобретает предусмотренную систему наказаний, что характерно для нормы. В-пятых, императив в ценности превращается из внутреннего во внешний, так как норма являет собой достижение сознательно поставленных целей. В-шестых, характер ценности из побуждающего становится подавляющим, как это свойственно норме [Шевлякова, 2018: 87–88]. И, наконец, в-седьмых, ценность утрачивает свою гибкость и лишается возможности предметного воплощения (объективации в произведениях искусства).

Из всего сказанного следует, что на ценность может быть оказано воздействие по изменению ее содержательного наполнения, вследствие чего происходит смена ее модальности, а именно – превращение ценности в норму. История в очередной раз продемонстрировала, что сконструировать ту или иную ценность с помощью развитой системы пропаганды, опирающейся на полностью подконтрольные масс-медиа и идеологизированную систему образования, возможно, но лишь на ограниченный период времени; для большей жизнеспособности она нуждается в постоянной подпитке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алабова М.А., Ильенко О.В., Ларионова Е.Г. Нормы и ценности как компоненты культуры // Гуманитарный научный журнал. 2017. № 1. С. 145–148.
2. Грибакин А.В., Еришов Ю.Г., Кемеров В.Е. и др. Ценностный мир человека и его судьба (Лекция 20) // Двадцать лекций по философии: Учеб. пособие. 2-е изд. Екатеринбург, 2002.

3. Мороз Е.Н. Правовые нормы и ценности как элементы правовой системы // Сибирский юридический вестник. 2011. № 4 (55). С. 17–22.
4. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс [пер. с исп. А. Гелескул], 1930. Изд. на русск. яз. М., 2016.
5. *Философия: Энциклопедический словарь* / Под ред. А.А. Ивина. М., 2004.
6. Шевлякова Д.А. Аксиологическая динамика концепции «*patria*» в итальянской литературе XX в. От «*родины*» к «*малой родине*» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 86–96.
7. Шевлякова Д.А. Предметные области в изучении национальной идентичности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. С. 101–110.
8. Biondi D. *La fabbrica del Duce*. Firenze, 1967.
9. Carocci G. *Storia del fascismo*. Roma, 2003.
10. Ciarlantini F. *Il Capo e la folla*. Milano, 1935.
11. Ciarlantini F. *Mussolini immaginario*. Milano, 1933.
12. Gambetti F. *Gli anni che scottano*. Milano, 1967.

Natalia L. Grinchuk

CATHOLIC CULTURAL TRADITIONS IN THE FORMATION AND CONSTRUCTION OF THE VALUE SYSTEM OF ITALIAN FASCISM

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

It has been customary to define fascist ideology as a revolutionary change of a preexisting value system. However, the results of the analysis of the value dynamics of Italian society provoke a consideration of an alternative interpretation. The supposition is that the efforts of the fascist ideologues were directed not towards changing the traditional value matrix of Italian citizens but towards reengineering the specific dominant values of the national culture. The question is whether it is possible to construct values deliberately, as the constructivist paradigm claims, and whether these values will thrive in such circumstances. Or, as the primordial paradigm implies, these values can be sustained only organically? The purpose of this article, therefore, is to study the phenomenon of incorporation of fascist values into the traditional preexisting catholic value matrix. The first aim of the article is to highlight which aspects of Catholicism were chosen by the fascist regime as the most effective ones for the achievement of its goals. The second aim is to identify the functional value of the catholic religion for the regime and the objectives it attempted to realize. The third aim is to analyze the processes that took place inside a value while it was changing its modality.

Key words: Italy; Italian value system; value matrix; values; norms; incorporation of values; reengineering values; religious values; fascist values; cultural policy.

About the author: *Natalia L. Grinchuk* – postgraduate student (Culturology), Faculty of Foreign Languages and Areal Studies of Moscow State University, Italian Department (e-mail: gorbacheva_msu@mail.ru).

REFERENCES

1. Alabova M.A., Il'enko O.V., Larionova E.G. 2017. Normy` i cennosti kak komponenty` kul'tury` [Norms and Values as Cultural Elements]. *Gumanitarny'j nauchny'j zhurnal*, no. 1, pp. 14–148. (In Russ.)
2. Gribakin A.B., Ershov Yu.G., Kemerov V.E. i dr. 2002. Cennostny'j mir cheloveka i ego sud'ba (Lekciya 20) [Man's World of Values and His Destiny (Lecture n. 20)]. *Dvadcat' lekcij po filosofii: Ucheb. posobie*, 2-e izd. Ekaterinburg, Ros. filos. o-vo. (In Russ.)
3. Moroz E.N. 2011. Pravovy'e normy` i cennosti kak e'lementy` pravovoj sistemy` [Legal Norms and Values as The Elements of a Legal Framework]. *Sibirskij yuridicheskij vestnik*, no. 4 (55), pp. 17–22. (In Russ.)
4. Ortega-i-Gasset X. 1930. *La rebellion de las masas*. Madrid, Rev.de Occidente. [Russ. ed.: Ortega-i-Gasset X. 1930. Vosstanie mass [per. s isp. Geleskul A.]. Moscow, AST Publishers.]. (In Russ.)
5. *Filosofiya: E'nciklopedicheskij slovar`* [Philosophy: Encyclopedic dictionary]. 2004. Pod red. A.A. Ivina. M.: Gardariki. (In Russ.)
6. Shevlyakova D.A. 2018. Aksiologicheskaya dinamika koncepcii “patria” v ital'yanskoj literature XX v. Ot “rodiny” k “maloj rodine” [Axiological dynamics of the concept of “patria” in Italian literature of the XX century. From “motherland” to “small motherland”]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 86–96. (In Russ.)
7. Shevlyakova D.A. 2017. Predmetny`e oblasti v izuchenii nacional'noj identichnosti [Subject fields in national identity studies]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 101–110. (In Russ.)
8. Biondi D. 1967. *La fabbrica del Duce*. Valecchi Editore, Firenze. (In Ital.)
9. Carocci G. 2003. *Storia del fascismo*. Roma, Newton & Compton editori. (In Ital.)
10. Ciarlantini F. 1935. *Il Capo e la folla*. Milano, Sonzogno. (In Ital.)
11. Ciarlantini F. 1933. *Mussolini immaginario*. Milano, Sonzogno. (In Ital.)
12. Gambetti F. 1967. *Gli anni che scottano*. Milano, Mursia. (In Ital.)

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА И РЕЧИ

Д.М. Шелехов

РАЗВИТИЕ СОЦИОФОНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ГЕРМАНИИ В КОНЦЕ XX в.

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматривается развитие социофонетических исследований функционирования английского языка в Германии в конце XX в. В центре внимания – социофонетические особенности использования английского языка жителями Германии, родным языком которых является немецкий. В период с 1975 по 1999 г. проводился ряд эмпирических исследований, направленных на выявление социофонетических особенностей функционирования английского языка в Германии. Наиболее масштабным из них был труд Г. Финка 1980 г., представляющий собой детальное эмпирическое исследование произношения англицизмов и английских наименований фирм, которое легло в основу последующей разработки проблематики другими учеными. В свою очередь, В. Фирек отмечал, что частичная ассимиляция с немецким языком чаще встречается у лиц, не владеющих английским языком, и у испытуемых старшего возраста. Он также установил, что лишь произношение англицизма приводило к его распознаванию и пониманию респондентами. В 1990 г. М. Яблоньский выделил наиболее распространенные формы ассимиляции, к которым в ходе теста прибегли испытуемые. Он зафиксировал случаи звуковой подстановки, элизии, эпентезы и постановки ударений в соответствии с правилами родного языка.

Ключевые слова: социофонетика; артикуляция; адаптация; ассимиляция; акцент.

Проведение исследований в области социофонетики всегда было важным аспектом социолингвистических изысканий. Их авторы придавали существенное значение развитию английского языка на территории ФРГ. В конце XX в. в Германии были проведены эмпирические исследования, призванные выявить социофонетические особенности функционирования английского языка на территории страны.

Актуальность данного исследования продиктована тенденцией выявления социофонетических особенностей использования ан-

Шелехов Дмитрий Михайлович – аспирант факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: shelekhov93@gmail.com).

гнийского языка жителями Германии, родной язык которых – немецкий. Работа вписывается в круг перспективных поисков в сферах социалингвистики, социофонетики, сопоставительной фонетики английского и немецкого языков, а также диалектологии.

Цель данного исследования – определить направления начального этапа анализа произносительных особенностей функционирования английского языка в Германии с учетом социальных факторов.

В исследовании используются следующие методы:

- анкетирование информантов-носителей немецкого языка;
- социалингвистический анализ для определения таких социальных особенностей речи испытуемых, как возраст, пол, социальный статус.

Герман Финк провел глубокое эмпирическое исследование произношения англицизмов и английских наименований фирм, изучив 51 слово-стимул. Он не сравнивал результаты со стандартным вариантом английского произношения, а объяснял это отсутствием единого или признанного в качестве «правильного» произношения английского языка. Даже в словарях можно найти различные транскрипции. Более того, сравнение произношения испытуемых с какой-либо нормой предполагает, что немецкоговорящий испытуемый уже слышал слово в таком варианте произношения раньше. Однако Г. Финк отмечает, что произношение английского слова, например, учителем или его употребление в средствах массовой информации может быть ошибочным. Кроме того, усилия говорящего, направленные на подражание такому произношению, могут не увенчаться успехом. Г. Финк также различает «приемлемое» английское произношение, немецкое произношение и смешанное, которое наблюдалось у испытуемых [Fink, 1980].

По его мнению, англицизмы должны иметь адекватную «продолжительность жизни» и быть актуальными. Однако они также должны быть потенциально произносимыми в соответствии с английской артикуляционной базой, т.е. не должны быть слишком интегрированы в немецкий язык. По возможности они должны употребляться как в письменной, так и в устной форме. В своем исследовании Г. Финк использует как прямые заимствования, так и кальки, а также глаголы, спрягаемые в соответствии с нормами немецкого языка. Результаты его исследования были представлены в основном как анализ отдельных слов-стимулов с указанием доли английских, немецких и смешанных вариантов произношения. Было описано, какие варианты нарушения артикуляционной базы английского языка появляются [Fink, 1980].

Г. Финк установил, что 63% слов произносились в соответствии с нормой английского языка. Доля слов, произнесенных в соответствии с фонетической нормой немецкого языка, составила около 25%. Остальные слова произносились с нарушением норм как немецкого, так и английского произношения. Группа испытуемых с самым низким уровнем владения английским языком соблюдала английскую произносительную норму в 38% случаев, а испытуемые с очень хорошими знаниями английского языка воспроизвели около 80% слов-стимулов согласно норме английского языка. Примечательно, что в среднем более трети испытуемых, которые ранее не знали английского языка, произносили слова-стимулы корректно. Среди испытуемых более молодого возраста (от 14 до 29 лет) наблюдалась самая высокая доля случаев соблюдения английской произносительной нормы. В рамках данного исследования различия в произношении англицизмов мужчинами и женщинами обнаружены не были [Fink, 1980].

Влияние непосредственно самих слов-стимулов было значительным. Например, слово *live*, как правило, произносилось корректно (т.е. согласно графемно-фонемным правилам английского языка), хотя оглушение финальной фонемы в данном случае не учитывалось. В целом чуть менее 60% англицизмов наиболее часто произносились с соблюдением нормы английского языка. В среднем на одно слово-стимул приходилось шесть различных неанглийских вариантов [Fink, 1980].

В исследовании Г. Финка более старые заимствования до 25% чаще произносились испытуемыми правильно, чем более новые. Это объясняется тем, что испытуемые, предположительно, чаще слышали эти слова. Однако поиску окончательного объяснения препятствует слишком много факторов, как, например, частота использования того или иного заимствования и тема, из которой возник англицизм [Fink, 1980].

Было также отмечено, что произношение англицизмов не соответствует транскрипциям, приводимым в словарях. По каким критериям в них указаны английский (50% слов-стимулов Г. Финка), немецкий (15%) или смешанный (18%) варианты произношения, по его мнению, не очевидно. Проведенное им исследование показало, что влияние средств массовой информации, таких как телевидение и радио, оказалось высоким, причем увеличение «потребления» информации сопровождается более высоким процентом использования нормативного варианта английского произношения. Сравнение с результатами другого исследования Г. Финка (1975) о понима-

нии англицизмов показывает, что английское произношение испытуемых коррелирует с их пониманием [Fink, 1975; Fink, 1980].

При произнесении иностранных имен собственных и заимствованной лексики носители немецкого языка используют не только звуки, традиционно относящиеся к фонемному инвентарю немецкого языка, но также и чуждые ему звуки [Kohler, 1995]. Хорст Хайдер Мунске называет их «заимствованными фонемами», или «иностранными фонемами», однако ставит под сомнение фонематический статус этих звуков [Munske, 1988]. В связи с тем, что эти звуки иностранного языка должны располагаться на периферии системы немецкого языка, они (по крайней мере, на начальном этапе) не являются фонемами, но все же должны быть реализованы немецкоговорящими испытуемыми. Как отмечают шведские ученые Андерс Линдстрём и Роберт Эклунд [Lindström, Eklund, 1999], термин «ксенофоны» иллюстрирует их особое положение в звуковой системе языка-реципиента как чуждых ей, однако все же заимствованных.

В своем исследовании о понимании и использовании англицизмов Вольфганг Фирек фиксировал произношение заимствований испытуемыми и отмечал, что частичная ассимиляция с немецким языком чаще встречается у лиц, не владеющих английским языком, и у испытуемых старшего возраста. Однако во многих случаях лишь произношение англицизма испытуемым приводило к его распознаванию или пониманию. Это ясно показывает, что испытуемые не могли узнать письменную форму англицизмов, пришедших в немецкий язык в устной форме [Viereck, 1980; Viereck, 1980a].

Мирослав Яблоньский не только использует контрастивный подход к вопросу о языках донора и реципиента, но и сравнивает англицизмы и интернационализмы в трех разных языках-реципиентах: в немецком, французском и польском. Он анализирует различные аспекты адаптации англицизмов в соответствующем языке: орфографию, морфологическую интеграцию, фонологическую ассимиляцию, а также семантическую и стилистическую функции англицизмов [Jabłoński, 1990]. В контексте данного исследования необходимо подробнее рассмотреть фонологическую ассимиляцию.

М. Яблоньский провел тест произношения англицизмов, используемых в сферах спорта, музыки и моды. Наиболее распространенными формами ассимиляции, к которым прибегли испытуемые, были следующие: звуковая подстановка, элизия, эпентеза и постановка ударений в соответствии с правилами родного языка [Jabłoński, 1990].

При этом в фонетической транскрипции М. Яблоньский придерживается исключительно британской нормы произношения слова. Он руководствуется правилами для описания того, как английские звуки ассимилируются в немецком языке. Некоторые из правил, однако, представляется целесообразным пересмотреть. Так, звуки [T] и [D] в большинстве случаев будут заменены на [s] и [z]. Но М. Яблоньский утверждает, что интернационализмы с этими межзубными фрикативами встречаются крайне редко. Тот факт, что английский [ɹ] обычно заменяется немецким [ʁ], независимо от того, владеет ли испытуемый английским языком или нет, кажется маловероятным, по крайней мере, на сегодняшнем этапе развития науки. Однако другие правила замещения кажутся правдоподобными. Слова, которые были заимствованы из английского только косвенно и изначально происходят, например, из французского, М. Яблоньский считает англицизмами, а не галлицизмами. Он также рассматривает слова латинского или греческого происхождения при условии, что они, сохранив свое значение, были заимствованы из английского языка в язык-реципиент (например, *Telefon*, *Video*). В связи с этим возникает вопрос о релевантности произношения этих слов, так как она, безусловно, не сопоставима с произношением других англицизмов. Подобные слова уже не воспринимаются как заимствования и читаются в соответствии с фонетическими правилами немецкого языка [Jabłoński, 1990].

На примере исследований, посвященных интеграции английских заимствований в немецкий язык, была предпринята попытка проследить историю социофонетических особенностей функционирования английского языка в Германии в течение 1975–1999 гг.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. В период с 1975 по 1999 г. проводился ряд эмпирических исследований, направленных на выявление социофонетических особенностей функционирования английского языка в Германии.

2. Наиболее масштабным следует считать труд Г. Финка (1980), представляющий собой детальное эмпирическое исследование произношения англицизмов и английских наименований фирм, которое легло в основу последующей разработки проблематики другими учеными.

3. В 1990 г. М. Яблоньский выделил наиболее распространенные формы ассимиляции, к которым в ходе теста прибегли испытуемые. Он зафиксировал случаи звуковой подстановки, элизии, эпентезы и постановки ударений в соответствии с правилами родного языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесникова А.Н. Классификация иноязычных произносительных ошибок // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 1. С. 126–134.
2. Маслова А.А., Колесникова А.Н., Корнев А.А. Проблема обоснования выбора фонетической нормы английского языка для обучения студентов педагогических специальностей языковых вузов (факультетов) // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 110–118.
3. Семенова А.В. Место концепции World Englishes Paradigm в лингвистике и ее интерпретация // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2. С. 119–125.
4. Fink H. Know-how und 'Hifi-Pionier'. Zum Verständnis englischer Ausdrücke in der deutschen Werbesprache // Muttersprache. 1975. № 85. S. 186–203.
5. Fink H. Zur Aussprache von Angloamerikanischem im Deutschen // Studien zum Einfluß der englischen Sprache auf das Deutsche / W. Viereck (Hrsg.). Tübingen: Narr, 1980. S. 109–183.
6. Jabłoński M. Regularität und Variabilität in der Rezeption englischer Internationalismen im modernen Deutsch, Französisch und Polnisch / Linguistische Arbeiten 240. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1990.
7. Kohler K. J. Einführung in die Phonetik des Deutschen / 2. neubearbeitete Auflage. Berlin: Erich Schmidt, 1995.
8. Lindström A., Eklund R. Xenophones Revisited: Linguistic and other underlying factors affecting the pronunciation of foreign items in Swedish, Proceedings of ICPHS '99, San Francisco, California, 1–7 August 1999. Paper 0708, Vol. 3. 1999. S. 2227–2230.
9. Munske H. H. Ist das Deutsche eine Mischsprache? Zur Stellung der Fremdwörter im deutschen Sprachsystem // Deutscher Wortschatz. Lexikologische Studien / In H.H. Munske, P. v. Polenz, O. Reichmann und R. Hildebrandt (Hrsg.). Berlin: Walter de Gruyter, 1988. S. 46–74.
10. Viereck W. Empirische Untersuchungen insbesondere zum Verständnis und Gebrauch von Anglizismen im Deutschen // Studien zum Einfluß der englischen Sprache auf das Deutsche (= Tübinger Beiträge zur Linguistik) / W. Viereck (ed.). Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1980. S. 237–322.
11. Viereck W. (a). Zur Thematik und Problematik von Anglizismen im Deutschen // Studien zum Einfluß der englischen Sprache auf das Deutsche (= Tübinger Beiträge zur Linguistik) / W. Viereck (Hrsg.). Tübingen: Gunter Narr, 1980. S. 9–24.

Dmitry M. Shelekhov

RISE OF SOCIOPHONETIC STUDIES OF THE ENGLISH LANGUAGE FUNCTIONING IN GERMANY AT THE END OF XX CENTURY

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article examines historical perspectives of sociophonetic studies of the English language functioning in Germany at the end of the 20th century. The present study focuses on the sociophonetic features of the use of English by those whose

native language is German. Between 1975 and 1999, a number of empirical studies were conducted that were aimed at identifying the sociophonetic features of the English language functioning in Germany. In 1980, H. Fink published the most fundamental and detailed empirical study of the pronunciation of anglicisms and English names of firms. It formed the basis for subsequent investigations into the issues in the field by other scholars. W. Viereck, in his turn, determined that partial assimilation in the German language is more commonly spread among people who do not speak English, and by elderly respondents. He also found out that it was only the pronunciation of anglicism that led to its recognition and understanding by the respondents. In 1990, M. Jabłoński identified the most common forms of assimilation that the respondents demonstrated during the test. He fixed cases of sound substitution, elision, epenthesis, and accentuation in accordance with the rules of the mother tongue. The article generalises their findings with the aim of comparing them with the data collected in the 21st century.

Key words: sociophonetics; articulation; adaptation; assimilation; accent.

About the author: *Dmitry M. Shelekhov* – postgraduate student, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: shelekhov93@gmail.com).

REFERENCES

1. Kolesnikova A.N. 2018. Klassifikatsiya inoyazychnykh proiznositel'nykh oshibok [Classification of pronunciation mistakes made by efl students]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 126–134. (In Russ.)
2. Maslova A.A., Kolesnikova A.N., Korenev A.A. 2018. Problema obosnovaniya vybora foneticheskoi normy angliiskogo yazyka dlya obucheniya studentov pedagogicheskikh spetsial'nostei yazykovykh vuzov (fakul'tetov) [Validation of the choice of pronunciation norms for teaching at linguistic universities / faculties]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 110–118. (In Russ.)
3. Semenova A.V. 2017. Mesto kontseptsii World Englishes Paradigm v lingvistike i ee interpretatsiya [The place of the World Englishes paradigm in the field of linguistics and its interpretation]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 119–125. (In Russ.)
4. Fink H. 1975. Know-how und 'Hifi-Pionier'. Zum Verständnis englischer Ausdrücke in der deutschen Werbesprache. *Muttersprache*. no. 85, pp. 186–203.
5. Fink H. 1980. Zur Aussprache von Angloamerikanischem im Deutschen. In W. Viereck (Hrsg.). *Studien zum Einfluß der englischen Sprache auf das Deutsche*. Tübingen, Narr.
6. Jabłoński M. 1990. *Regularität und Variabilität in der Rezeption englischer Internationalismen in modernen Deutsch, Französisch und Polnisch*. Tübingen, Max Niemeyer Verlag.
7. Kohler K.J. 1995. *Einführung in die Phonetik des Deutschen. 2. neubearbeitete Auflage*. Berlin, Erich Schmidt.

8. Lindström A., Eklund R. 1999. Xenophones Revisited: Linguistic and other underlying factors affecting the pronunciation of foreign items in Swedish. *Proceedings of ICPHS '99*, paper 0708, vol. 3, pp. 2227–2230.
9. Munske H. H. 1988. Ist das Deutsche eine Mischsprache? Zur Stellung der Fremdwörter im deutschen Sprachsystem. In H.H. Munske, P.V. Polenz, O. Reichmann und R. Hildebrandt (Hrsg.). *Deutscher Wortschatz. Lexikologische Studien*. Berlin, Walter de Gruyter.
10. Viereck W. 1980. Empirische Untersuchungen insbesondere zum Verständnis und Gebrauch von Anglizismen im Deutschen. In W. Viereck (ed.). *Studien zum Einfluß der englischen Sprache auf das Deutsche (= Tübinger Beiträge zur Linguistik)*. Tübingen, Gunter Narr Verlag.
11. Viereck W. (a). 1980. Zur Thematik und Problematik von Anglizismen im Deutschen. In W. Viereck (Hrsg.). *Studien zum Einfluß der englischen Sprache auf das Deutsche (= Tübinger Beiträge zur Linguistik)*. Tübingen, Gunter Narr.

Т.В. Толстова

**КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ ЖАНРОВЫХ КОНВЕНЦИЙ
В РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ АННОТАЦИЯХ
К НАУЧНЫМ СТАТЬЯМ**

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва»*

443086, Самара, Московское шоссе, 34

В статье анализируются культурно обусловленные отличия жанровых конвенций в аннотациях к научным статьям российских и зарубежных журналов по прикладной лингвистике. В ходе исследования использовались методы и инструменты корпусной лингвистики (частотные списки, ключевые слова, соотношение индивидуальных слов к общему числу слов, конкордансы, кластеры и т.д.) в сочетании с когнитивным подходом к анализу риторической структуры текста. Изменения в разные периоды времени отслеживались путем продольного сравнения.

Сравнительный анализ двух корпусов продемонстрировал их отличия с точки зрения общего объема (общее количество слов и предложений), преобладающей лексики (для словника в целом и для академической лексики в частности), основных семантических полей и риторической структуры. В частности, российским аннотациям присущи меньший объем, более простая структура, более широкая семантика глаголов инициального предложения и концентрация академической лексики вокруг предмета рассмотрения статьи. Зарубежные аннотации превосходят отечественные по объему, имеют выраженную риторическую структуру (цель – методы – результаты – заключение), более конкретные и разнообразные глаголы инициального предложения и преобладание академической лексики, связанной с методами исследования. В целом российские аннотации можно отнести к описательным, а зарубежные – к информативным.

Ключевые слова: аннотация к научной статье; авторское резюме; корпусная лингвистика; жанровый анализ; жанровые конвенции; риторическая структура; академическая лексика.

Введение. Интеграция российских университетов в глобальное научное и образовательное пространство повлекло за собой серьез-

Толстова Татьяна Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и русского как иностранного Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королёва (e-mail: tvtolstova@yandex.ru).

ные изменения в работе преподавателей и ученых. В целях повышения конкурентоспособности университеты требуют от своих работников растущего числа публикаций в журналах, входящих в международные базы данных (таких как Scopus и Web of Science) и имеющих высокий импакт-фактор.

Чтобы статьи были прочитаны и процитированы, они должны быть написаны на английском языке, который сегодня является не только языком населения Великобритании или США, но языком международного общения. Академический английский язык можно считать своего рода *Lingua Franca* – особой (упрощенной и унифицированной) разновидностью английского языка, используемой мировым научным сообществом.

При этом публикация научной работы в международных журналах означает не только написание статьи на английском языке, но и совершенно иной подход к ее созданию, принятый в мировом академическом дискурсе, но зачастую отличающийся от подхода, принятого в отечественной культуре.

Как и другие аспекты культуры, эти отличия часто бывают невидимыми и неосознаваемыми. Иногда авторы просто переводят работу с русского на английский язык, а иногда пишут на английском, но придерживаются норм и конвенций, свойственных жанру российской научной статьи. Цель данной работы – выявить и проанализировать культурные отличия авторских резюме (аннотаций) к статьям в российских и зарубежных журналах.

Аннотации к научным статьям (abstracts) рассматриваются как «частичный жанр» или «фрагмент жанра» (part-genre). Если вся научная статья это «целый жанр», то ее разделы (введение, результаты, методы, аннотация и т.д.) являются «частичными жанрами» [Feak, Swales, 2009]. Под жанром в данной статье понимается «тип текста или дискурса, предназначенного для достижения определенного набора коммуникативных целей» [Swales, 2004: 61].

Т.Н. Хакин [Huckin, 2001] выделяет следующие четыре специфические функции аннотации:

1 – самостоятельный мини-текст, кратко характеризующий тему, методы и основные результаты исследования;

2 – средство просмотра (screening), помогающее читателю принять решение, читать полный текст статьи или нет;

3 – предварительное знакомство со структурой и содержанием статьи;

4 – указатель (index) для профессионалов (издателей и редакторов).

Сегодня, когда ежегодно публикуются миллионы научных статей и бесплатный доступ к текстам имеет ограниченный круг читателей, аннотация становится визитной карточкой статьи, будучи доступной для чтения всем желающим. Это позволяет специалистам утверждать, что аннотация более важна для читателя, чем для автора [Swales, Feak, 2004].

По своему содержанию и структуре аннотации делятся на описательные (*indicative*), дающие краткую общую характеристику работы, и информативные (*informative*), содержащие сведения о цели, методах и результатах исследования [Piqué-Noguera, 2012]. В точных науках и медицине всё чаще используется структурированная аннотация – когда такие основные компоненты, как цель (*Aim*), методы (*Methods*), результаты (*Results*) и выводы (*Conclusions*), четко озаглавлены и выделены особым шрифтом [Kitchenham et al., 2008]. В определении Американского национального института стандартов (*ANSI*) и аккредитованной им Национальной организации информационных стандартов (*NISO*) говорится, что аннотация (*abstract*) означает «краткое объективное представление содержания первичного документа или устного доклада»¹. Там же четко разграничиваются описательные и информативные аннотации, в которых используются разные способы написания или разные ракурсы. В документе подчеркивается, что оба типа должны представлять как можно больше информации, содержащейся в тексте статьи.

Это, в свою очередь, вызвало тенденцию к увеличению общего объема аннотаций, который в среднем составляет 5–8 предложений и содержит 120–180 слов [Feak, Swales, 2009]. В «Методических рекомендациях по редакционной подготовке научных журналов для включения в зарубежные индексы цитирования ВИНТИ РАН»² указывается, что «объем текста авторского резюме определяется содержанием публикации (объемом сведений, их научной ценностью и/или практическим значением), но не должен быть менее 100–250 слов (для русскоязычных публикаций – предпочтительнее больший объем)».

В последние годы вопросу жанровых отличий аннотаций, написанных носителями разных языков и культур, посвящено значительное количество исследований [Kafes, 2012; Hu, Coa, 2011; Taylor,

¹ ANSI/NISO.1997. *Guidelines for abstracts. Revision of ANSI Z39.14-1979 (R1987)*. Bethesda, MD: American National Standards Institute, NISO Press.

² Кириллова О.В. Методические рекомендации по редакционной подготовке научных журналов для включения в зарубежные индексы цитирования. М., 2012. С. 34–35.

Chen, 1991; Hirohata et al., 2008]. В данной работе рассматриваются культурные отличия жанровых конвенций в аннотациях к русскоязычным и англоязычным статьям.

Материалы и методы. Для выявления культурных отличий в аннотациях к журнальным статьям было создано два корпуса:

1) аннотации к статьям российского журнала по прикладной лингвистике (в дальнейшем – RUSS) за 2009–2015 гг. (209 текстов);

2) аннотации к статьям из международного журнала по прикладной лингвистике издательства Oxford Journals (в дальнейшем – INTL) 2009–2015 гг. (164 текста).

Выбор журналов был обусловлен их общей тематикой – прикладная лингвистика. Предполагалось также, что авторы российского журнала – специалисты в этой области – владеют английским языком в достаточной степени и вследствие этого основными источниками различий будут культурные, а не языковые. Сами статьи были написаны на русском языке, но аннотации – на русском и английском. Авторы международного журнала представляют различные страны и используют Academic English as Lingua Franca (ELFA) [Mauranen, 2003].

При создании корпуса и его количественном анализе использовались различные инструменты программного пакета WordSmith Tools (версия 4) Майка Скотта [Scott, 2009], включая частотные списки (frequency lists), соотношение индивидуальных слов к общему числу слов (type-token ratio), списки согласованности (consistency lists), конкордансы (concordances), кластеры (clusters) и т.д. [Толстова, 2009].

Корпусное (количественное) исследование было дополнено когнитивным подходом [Nazarova, 2012] в виде анализа риторической (когнитивной) структуры аннотаций. Для выявления изменений в разные периоды времени использовалось продольное сравнение.

Результаты. Первое отличие, которое обращает на себя внимание при сравнении двух корпусов, это разная длина аннотаций. Российский корпус содержит 209 аннотаций, при этом общее количество слов (tokens) составляет 11321, а количество предложений – 517. В международном корпусе, состоящем из 164 аннотаций, эти цифры – 27003 и 991, соответственно. Среднее количество предложений в российском корпусе – 2,5, а в международном – 6. Однако продольное сравнение (исследование изменения одних и тех же объектов на протяжении установленного периода времени) показывает тенденцию к выравниванию этих значений, и в 2015 г. они значительно сближаются (рис. 1 и 2).

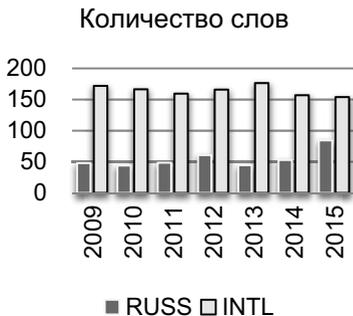

Рис. 1. Количество слов (running words) на аннотацию

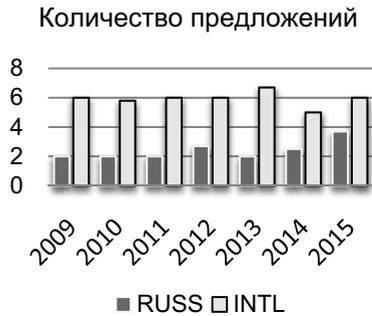

Рис. 2. Количество предложений на аннотацию

Такие отличия можно объяснить тем, что авторы российских аннотаций придерживались прежних российских (и ранее – советских) конвенций, когда структуре аннотаций не придавалось столь большого значения, а небольшой объем был обусловлен требованиями «экономии». В настоящее время в изменившихся условиях наблюдается тенденция к следованию новым конвенциям.

При выявлении наиболее частотных знаменательных слов в аннотациях к журнальным статьям использовались частотные списки (frequency list tool). В табл. 1 приведены десять наиболее частотных десяти лемм – базовых форм слова без учета его грамматических изменений, таких как время или число [Viber, 2004]. Поскольку для каждого корпуса они отличны, в таблице они приведены в алфавитном порядке.

Для сравнения полученные данные были сопоставлены со списком академической лексики “A New Academic Word List” (AWL), составленным Эврил Коксхед [Coxhead, 2000; 2011]. Список содержит 1140 слов. В соответствии с частотностью список разделен на десять «подписков» (sublists): подписание № 1 содержит наиболее частотные слова, подписание № 2 – следующие по частотности и т.д. В каждом подписке даны «семейства» – совокупности разных словоформ и дериватов одного слова, например, «семейство» для слова analysis включает: analyze, analytical, analyst и т.п. Всего их 570. В нашем корпусе встречаются три слова, представленные в AWL: analysis (подписание № 1), research (№ 1) и author (№ 6). Интересно отметить отсутствие в списке Э. Коксхед таких слов, как study и result, широко представленных в нашем корпусе и отражающих понятия, являющиеся неотъемлемой частью академического дискурса.

Наиболее частотные знаменательные слова двух корпусов

лемма	RUSS			INTL			Рейтинг в <i>New Academic Word List (AWL)</i>
	Общее количество	Нормированное количество (на 1000 слов)	Рейтинг в десятке лидеров	Общее количество	Нормированное количество (на 1000 слов)	Рейтинг в десятке лидеров	
analysis	43	3.8	–	146	5.4	4	1
article	211	18.6	1	144	5.3	5	–
author	75	6.6	7	12	0.4	–	6
business	57	5.0	9	4	0.1	–	–
communication	62	5.5	8	10	0.4	–	–
discourse	81	7.2	4	66	2.4	–	–
english	80	7.1	5	131	4.9	6	–
foreign	71	6.3	6	29	1.1	–	–
language	156	13.8	2	276	10.2	1	–
learner	15	1.3	–	271	10.0	2	–
lexical	12	1.1	–	62	2.3	10	–
research	11	1.0	–	106	3.4	7	1
result	9	0.8	–	70	2.6	9	–
student	46	4.0	10	91	3.4	8	–
study	44	3.9	–	234	8.7	3	–
teaching	83	7.3	3	19	0.7	–	–

Выделенные слова (ARTICLE, ENGLISH, LANGUAGE, STUDENT) являются преобладающими в обоих корпусах. Лемма ARTICLE также является ядром самых частотных кластеров (слов, неоднократно употребляющихся вместе) в корпусе RUSS (табл. 2):

Таблица 2

Наиболее частотные кластеры корпуса RUSS

ARTICLE DEALS WITH	55
ARTICLE IS DEVOTED	33
IN THE ARTICLE	13
ARTICLE EXAMINES	12
ARTICLE DESCRIBES	12

Словарный состав академических текстов представлен тремя слоями лексики: слова общего английского языка (General English words), слова общего академического английского языка (General Academic English words) и специальные термины (Special Terminology). В табл. 1 присутствуют пять слов общего академического английского языка: ANALYSIS, AUTHOR, RESEARCH, RESULT, STUDY, три из которых (ANALYSIS, AUTHOR, RESEARCH) также включены в список AWL.

При выявлении частотности слов общего академического английского языка в обоих корпусах было также проведено их сопоставление с Academic Word List. Словник корпуса RUSS насчитывает 445 слов (types) из общего количества слов 1682 (running words), в то время как для корпуса INTL эти цифры составляют 920 и 4027 соответственно. Интересно отметить, что в обоих корпусах эти лексические единицы демонстрируют аналогичную долю в словнике ($\approx 23\%$) и в общем числе слов ($\approx 15\%$). В табл. 3 приведены 20 наиболее частотных слов общего академического английского языка из каждого корпуса. При этом каждое слово отнесено к определенному семантическому полю – связанной по смыслу группе слов, отражающих разные функционально-когнитивные составляющие аннотации к научной статье: самоидентификация (self-identification) – как сам автор номинирует свою работу и себя (I), вводная информация (background) – объяснения, предпосылки, история вопроса (B), цель исследования (purpose) – что запланировано сделать в работе (P), предмет рассмотрения (subject-matter) – лексика, связанная с тематикой исследования (SM), материалы и методы (materials and methods) – что и каким образом исследовалось (MM) и результаты (results) – что было выявлено в ходе исследования (R).

В корпусе RUSS больше всего представлены лексические единицы семантического поля «предмет рассмотрения» (14), а в корпусе INTL – «материалы и методы» (10). Лемма RESEARCH в последнем корпусе используется как для самоидентификации (This research...) так и во вводной информации, когда речь идёт об исследованиях других ученых.

Из общего числа 373 аннотаций только одну (RUSS) можно охарактеризовать как структурированную, поскольку она имеет эксплицитно выделенные разделы (Subject, Tasks, Methods, Newness). При этом названия данных разделов перекликаются с разделами, являющимися обязательными для введения к научной работе в отечественном научном дискурсе («тема», «задачи», «методы», «научная новизна»). В свою очередь, анализ употребления и местонахождения слов определенных семантических полей позволил выявить несколько коммуникативных ходов (moves) в составе когнитивной структуры аннотации: Purpose (purpose, aim), Methods

Наиболее частотные слова общего академического английского языка в двух корпусах

RUSS				INTL			
ЛЕММА	Количество	Рейтинг в <i>New Academic Word List</i>	Семантическое поле	ЛЕММА	Количество	Рейтинг в <i>New Academic Word List</i>	Семантическое поле
author	75	6	SI	analysis	146	1	MM
communication	62	4	SM	research	106	1	SI/B
process ^{noun}	43	1	SM	task	80	3	MM
analysis	43	1	MM	data	59	1	MM
professional	40	4	SM	participant	53	2	MM
text	38	2	MM	interaction	47	3	SM
devoted	31	9	P	complexity	41	2	MM
approach	31	1	MM	role	41	1	SM
method	30	1	MM	academic	36	5	SM
communicative	27	4	SM	context	35	1	SM
aspect	27	2	SM	acquisition	33	2	SM
functional	24	1	SM	approach	30	1	MM
concept	24	1	SM	instruction	29	6	SM
feature	21	2	SM	theory	29	1	B
role	18	1	SM	target	27	5	SM
specific	17	1	SM	variation	23	1	MM
cultural	16	2	SM	item	23	2	SM
media	16	7	SM	process ^{verb}	22	1	MM
economic	14	1	SM	found	21	9	R
strategy	14	2	SM	input	20	6	MM

(method, approach, analysis, experiment, measure, assessment, compare, technique, participants, procedure, employ, based on и т.д.), Results and Discussion (result, findings, number, instance, shown, found, suggest), Conclusion (conclude, conclusion), Practical Implication (can be used,

practical implication). Большинство из них (за исключением Purpose) присутствуют преимущественно в корпусе INTL.

Коммуникативный ход Purpose реализуется по определенной модели: «самоидентификация» + «действие». Для самоидентификации в аннотациях корпуса RUSS используются такие существительные как *article, paper, author*, в то время как в INTL в этой функции выступают существительные *study, research*, а также личные местоимения первого лица *we* и *I*. Глаголы, используемые в первом предложении аннотации и описывающие, что будет сделано в статье, также отличаются. В корпусе RUSS они носят более общий, абстрактный характер: *deal with* (39), *is devoted to* (30), *consider* (18), *examine* (16), *present* (11), *aim* (8); в то время как в корпусе INTL они более конкретно характеризуют исследование: *examine* (59), *investigate* (49), *argue* (29), *report* (12), *explore* (12).

Заключение. Проведенный анализ позволил выявить наличие сходства в использовании лексики аннотаций к научной статье в российском и зарубежном журнале. В обоих корпусах преобладает лексика, связанная с общим направлением журналов – прикладной лингвистикой. В отношении общей академической лексики имеются некоторые отличия с точки зрения семантики данной группы слов – в российских аннотациях они концентрируются вокруг семантического поля «предмет рассмотрения», тогда как в зарубежных – «материалы и методы».

Основные различия в двух корпусах связаны прежде всего с общим объемом текста (количеством слов и предложений). Однако в последнее время наблюдается тенденция к увеличению объема текста в российских аннотациях и приближению их к международным конвенциям жанра аннотации к научной статье.

Другим важным отличием является семантика глаголов в инициальном предложении, выражающих характер работы. Более общая семантика глаголов в российских аннотациях в сочетании с преобладанием тематической лексики по отношению к академической лексике позволяет отнести российские аннотации к типу описательных, кратко указывающих на основной предмет рассмотрения. В свою очередь, в зарубежных аннотациях четко прослеживается воспроизводящаяся когнитивная структура Purpose – Methods – Results – Conclusion, присущая информативным аннотациям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Назарова Т.Б. Когнитивный подход и корпусные исследования: соперничество, союз или слияние? // Вопросы прикладной лингвистики. 2012. № 7. С. 48–54.
2. Толстова Т.В. Корпусная лингвистика в обучении английскому языку делового общения // Вопросы прикладной лингвистики. 2009. № 2. С. 66–70.

3. *Biber D.* Corpus linguistics: Investigating language structure and use. Cambridge, 2004.
4. *Coxhead A.* A new academic word list // *TESOL Quarterly*. 2000. No. 34. P. 213–238.
5. *Coxhead A.* The Academic Word List 10 years on: research and teaching implications. *TESOL Quarterly*. 2011. No. 45. P. 355–362.
6. *Feak C.B., Swales J.M.* Abstracts and the writing of abstracts. Ann Arbor, 2009.
7. *Hirohata K., Okazaki N., Ananiadou S., Ishizuka M.* Identifying sections in scientific abstracts using conditional random fields. Proceedings of the 3rd International Joint Conference on Natural Language Processing. 2008. P. 381–388.
8. *Hu G., Coa F.* Hedging and boosting in abstracts of applied linguistics articles: A comparative study of English- and Chinese-medium journals // *Journal of Pragmatics*. 2011. No. 43. P. 2795–2809.
9. *Huckin T.N.* Abstracting from abstracts // *Academic writing in context* / M. Hewings (Ed.). Birmingham, UK, 2001.
10. *Kafes H.* Cultural traces on the rhetorical organization of research article abstracts // *International Journal on New Trends in Education and Their Implications*. 2012. Vol. 3. Issue 3. P. 207–220.
11. *Kitchenham B.A., Brereton O.P., Own S., Butcher J., Jefferies C.* Length and readability of structured software engineering abstracts. *IEP Proceedings – Software*. 2012. No. 2. P. 37–45.
12. *Mauranen A.* Academic English as lingua franca – a corpus approach // *TESOL Quarterly*. 2003. No. 37. P. 513–527.
13. *Piqué-Noguera C.* Writing business research article abstracts: A genre approach // *Iberica*. 2012. No. 24. P. 211–232.
14. *Scott M.* WordSmith Tools, Version 5. Oxford, 2009.
15. *Swales J.M.* Research genres: Exploration and applications. Cambridge, 2004.
16. *Swales J.M., Feak C.B.* Academic Writing for Graduate Students: Essential Tasks and Skills. Ann Arbor, 2004.
17. *Taylor G., Chen T.* Linguistic, cultural, and sub-cultural issues in contrastive discourse analysis: Anglo-American and Chinese scientific texts // *Applied Linguistics* 12. 1991. P. 319–336.

Tat'yana V. Tolstova

CORPUS ANALYSIS OF GENRE CONVENTIONS IN RUSSIAN AND INTERNATIONAL RESEARCH ARTICLE ABSTRACTS

*Samara National Research University
34 Moskovskoye shosse, Samara, 443086*

The paper aims at analyzing culture-specific differences in genre conventions of research article abstracts from Russian and international journals on Applied Linguistics. The study involves the use of various methods of corpus linguistics (such as frequency lists, key words type/token ratio, concordances, clusters, etc.) along with the cognitive approach to analyzing the rhetorical structure of the text. Variations over time are traced using longitudinal comparison.

The comparative analysis of the two corpora reveals differences between the abstracts in terms of their overall length (the total number of words and sentences),

prevailing vocabulary (for total number of tokens and for academic words), dominant semantic fields and rhetorical structure. Specifically, Russian abstracts are shorter and their structure is simpler. The verbs in the initial sentence are broader in meaning and the academic lexis centers around the subject-matter of the article. In contrast, international abstracts are longer having a manifested rhetorical structure (Purpose – Methods – Results – Conclusions). The verbs in the initial sentence are more variable and their meaning is more specific, whereas the academic vocabulary tends to relate to the methods of study. By and large, the Russian abstracts can be classified as indicative, while the international abstracts as informative.

Key words: research article abstract; indicative and informative abstracts; corpus linguistics; genre analysis; genre conventions; rhetorical structure; academic vocabulary.

About the author: *Tat'yana V. Tolstova* – PhD, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Russian as a Foreign Language, Samara National Research University (e-mail: tvtolstova@yandex.ru).

REFERENCES

1. Nazarova T.B. 2012. Kognitivnyi podkhod i korpusnye issledovaniya: sopernichestvo, soyuz ili sliyanie? [Cognitive Approach and Corpora-Driven Approach: Rivalry, Alliance or Merging?]. *Issues of Applied Linguistics*, no. 7, pp. 48–54. (In Russ.)
2. Tolstova T.V. 2009. Korpusnaya lingvistika v obuchenii angliiskomu yazyku delovogo obshcheniya [Corpus Linguistics in Teaching Business English]. *Issues of Applied Linguistics*, no. 2, pp. 66–70. (In Russ.)
3. Biber D. 2004. *Corpus linguistics: Investigating language structure and use*. Cambridge University Press.
4. Coxhead A. 2000. A new academic word list. *TESOL Quarterly*, no. 34, pp. 213–238.
5. Coxhead A. 2011. The Academic Word List 10 years on: research and teaching implications. *TESOL Quarterly*, no. 45, pp. 355–362.
6. Feak C.B., Swales J.M. 2009. *Abstracts and the writing of abstracts*. Ann Arbor, The University of Michigan Press.
7. Hirohata K., Okazaki N., Ananiadou S., Ishizuka M. 2008. *Identifying sections in scientific abstracts using conditional random fields*. Proceedings of the 3rd International Joint Conference on Natural Language Processing, pp. 381–388.
8. Hu G., Coa F. 2011. Hedging and boosting in abstracts of applied linguistics articles: A comparative study of English- and Chinese-medium journals. *Journal of Pragmatics*, no. 43, pp. 2795–2809.
9. Huckin T.N. 2001. *Abstracting from abstracts*. In Hewings M. (ed.) *Academic writing in context*, Birmingham, UK, University of Birmingham Press.
10. Kafes H. 2012. Cultural traces on the rhetorical organization of research article abstracts. *International Journal on New Trends in Education and Their Implications*, Volume 3, issue 3, pp. 207–220.
11. Kitchenham B.A., Brereton O.P., Own S., Butcher J., Jefferies C. 2012. Length and readability of structured software engineering abstracts. *IET Proceedings – Software*, no. 2, pp. 37–45.
12. Mauranen A. 2003. Academic English as lingua franca – a corpus approach. *TESOL Quarterly*, no. 37, pp. 513–527.

13. Piqué-Noguera C. 2012. Writing business research article abstracts: A genre approach. *Iberica*, no. 24, pp. 211–232.
14. Scott M. 2009. *WordSmith Tools*, Version 5. Oxford, Oxford University Press.
15. Swales J.M. 2004. *Research genres: Exploration and applications*. Cambridge, Cambridge University Press.
16. Swales J.M., Feak C.B. 2004. *Academic Writing for Graduate Students: Essential Tasks and Skills*. Ann Arbor, The University of Michigan Press.
17. Taylor G., Chen T. 1991. Linguistic, cultural, and sub-cultural issues in contrastive discourse analysis: Anglo-American and Chinese scientific texts. *Applied Linguistics*, no. 12, pp. 319–336.

А.В. Перетяцько

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПАНСКОГО ФУТБОЛЬНОГО ОНЛАЙН-КОММЕНТАРИЯ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В современном мире спорт представляет собой одну из важнейших сфер человеческой деятельности. Спорт постоянно развивается, появляются новые виды спорта, в результате чего возникают новые названия, термины, словосочетания, фразеологизмы, которые обогащают лексический состав языка. Спортивный дискурс характеризуется несомненным своеобразием и включает три составляющих: профессионально-терминологическое общение специалистов, отражение спортивных событий в СМИ и жаргон болельщиков. С развитием информационных технологий язык спорта обретает свою электронную форму: в чатах и на форумах ведутся дискуссии, анализируются, критически переосмысливаются спортивные события. Возникает новое направление в языкознании – интернет-лингвистика. Предметом исследования данного направления является интернет-коммуникация, которая становится одним из самых распространенных форм общения благодаря своей интерактивности, эффекту присутствия, а также информационной наполненности.

Статья посвящена изучению стилистических особенностей испаноязычного футбольного поминутного онлайн-комментария. Дается определение данного типа комментария и анализируется его специфика как субжанра спортивного репортажа. Исследуются стилистические особенности данного типа комментария: проводится анализ использованных в нем тропов и фигур речи. Приводится классификация тропов и фигур речи, а также определение для каждого стилистического средства и примеры. В статье также дается краткий аналитический обзор работ, посвященных изучению спортивного комментария и спортивного онлайн-комментария как особого жанра спортивного дискурса.

Ключевые слова и фразы: спортивный комментарий; футбольный онлайн-комментарий; тропы и фигуры речи; испанский спортивный поминутный онлайн-комментарий.

Во второй половине XX – начале XXI в. наблюдается динамичное развитие информационных технологий. Глобализация мирового информационного пространства начинает оказывать огромное

Перетяцько Анна Владимировна – аспирант, специалист по учебно-методической работе кафедры испанского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: anitaprofe@mail.ru).

влияние на процесс производства и распространения слова. По словам Т.Г. Добросклонской, «все эти сложные и многогранные процессы требуют не только научного осмысления, но и разработки новых парадигм практического исследования языка СМИ» [Добросклонская, 2008].

В 2008 г. был предложен термин «интернет-лингвистика», а также было дано первичное описание данного направления [Компанцева, 2008]. Исследовательским объектом интернет-лингвистики является коммуникативное взаимодействие в сети «Интернет», а «предметом становятся лингвистически релевантные особенности интернет-коммуникации на различных языковых уровнях» [Горошко, 2012].

Язык спортивной журналистики также претерпевает значительные изменения в связи с появлением электронной версии спортивных изданий, их сайтов и форумов. Й. Хованец (J. Chowanek) анализирует текстовый поминутный онлайн-комментарий матча и классифицирует его как отдельный субжанр спортивного репортажа [Chowanek, 2008]. М. Левандовски (M. Lewandowsky), исследуя язык спортивного онлайн-комментария, делает выводы о том, что целью поминутного онлайн-репортажа является детальное изложение спортивного события и что такой репортаж состоит из серии поминутных текстовых публикаций в режиме реального времени и записывается профессиональными спортивными редакторами [Lewandowski, 2013].

В проанализированных текстовых онлайн-комментариях было выявлено частое употребление различных стилистических средств, под которыми понимаются «языковые единицы, тропы и фигуры речи, а также стилистические приемы, речевые стратегии и тактики, используемые при выражении стиля»¹.

Большинство отечественных авторов разграничивает понятия «троп» и «фигура речи». Так, согласно определению И.В. Арнольд, Д.Э. Розенталя и О.С. Ахмановой, тропы – это «лексические образительно-выразительные средства, в которых слово или словосочетание употребляется в переносном значении». Фигуры речи – обороты речи, особое сочетание слов, синтаксические построения, усиливающие экспрессивность высказывания, которые используются с целью усиления образно-выразительной функции речи: *анафора, эпитифора, параллелизм, антитеза, оксюморон, градация, разные виды инверсии, эллипсис, умолчание, риторическое обращение, риторический вопрос, многосоюзие и бессоюзие*.

¹ Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003.

С учетом перечисленных классификаций в данной работе все стилистические средства будут подразделяться на тропы и фигуры речи². В результате анализа было выявлено частое использование выразительных средств (в частности, «тропов») и приемов («фигур») с помощью которых создается картина происходящего на поле³.

Тропы

Метафоры (перенос значения) – это троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии и т.п.: *que le regala el balón a Dembélé/который передает (дословно – дарит, от глагола regalar – дарить) мяч Дембеле; El Real Madrid está logrando maniatar al cerebro azulgrana/ Реал Мадрид пытается связать руки команде сине-гранатовых.*

Метонимия состоит в том, что вместо названия одного предмета дается название другого, находящегося с первым в отношении «ассоциации по смежности». Вместо названия футбольной команды комментаторы используют цвет формы игроков («los blancos» – «белые», т.е. игроки Реал Мадрида, «el equipo azulgrana, blaugrana» – команда «сине-гранатовых», т.е. «Барселона»); имя тренера команды: *los hombres de Solari – люди Солари, т.е. команда Сантьяго Солари*⁴, *Реал Мадрид*; «кличку» команды: «los merengues»- команда Реал Мадрида⁵. Одной из важных характеристик футбольного онлайн комментария является употребление **синекдохи** – замены названия целого названием какой-либо его части: *Rakitic roba el cuero en campo contrario/ Ракитич крадет (забирает) мяч на противоположную половину поля*⁶. В данном примере существительное «cuero» со значением «кожа» используется для обозначения предмета «мяч», т.е. происходит замена названия предмета описанием одного из его признаков.

Часто комментаторы используют **эпитеты** – разновидность определения, которая характеризуется экспрессивностью, переносным (тропическим) характером: *error garrafal de Rakitic/ чудовищная ошибка Ракитича; pase peligroso/ опасная передача. Гипербола* способствует усилению выразительности и придания высказыванию

² Все определения были взяты из словаря лингвистических терминов О.С. Ахмановой.

³ Перевод всех примеров выполнен автором статьи.

⁴ Сантьяго Солари – бывший тренер Реал Мадрида.

⁵ Получила такое прозвище из-за схожести своей белой формы с французским пирожным «безе» белого цвета, которое по-французски звучит как «meringue».

⁶ URL: https://www.marca.com/futbol/championsleague/directo/2019/03/05/5c7eb6a122601da4608b4580.html?eid=01_0103_20190305_186_215 (дата обращения: 06.02.2019).

эмфатического характера: *Tardó un siglo Kroos en tirar/ Кроос потратил целую вечность на то, чтобы забить. Парافраза* – замена обычного слова описательным выражением: *el equipo de Ernesto Valverde/ команда Эрнесто Вальверде* – в данном примере прослеживается замена прямого названия команды «Барселона» на название имени тренера этой команды.

Фигуры речи

Следует отметить, что в онлайн-комментариях широко используются **эллиптические высказывания**, т.е. высказывания, которые имеют сокращенный вид и употребляются в специфических ситуациях: *Otra peligrosa. /Снова опасная (ситуация). Coutinho desde fuera del área!!! / Коутиньо (бьет) из глубины поля*⁷.

Климакс (восходящая градация) – фигура речи, состоящая в таком расположении частей высказывания, что каждая последующая часть оказывается более насыщенной и более выразительной, чем предыдущая: *El Madrid, desolado. El Bernabéu, asombrado. Y el Ajax, on fire.*⁸ *Реал Мадрид в расстроенных чувствах, опустошенный. Стадион Бернабеу – удивлен. А Аякс – в огне. Анафора* (повторение начального слова в каждом параллельном элементе речи) также нередко встречается в текстах онлайн-комментариев для усиления эмоционального эффекта: *Llora Lucas en el banquillo, llora Vinicius lesionado fuera del campo*⁹ .../ *Плачет Лукас на скамье, плачет Винициус, получивший травму, наблюдая за игрой...*

Риторические вопросы и восклицания используются для того, чтобы привлечь усиленное внимание слушателя и повысить эмоциональный тон: *¿Saltará el argentino para salvar una vez más a los suyos*¹⁰? / *Выйдет ли аргентинец на поле, чтобы в очередной раз спасти своих?*

Эмфаза – это выделение какого-либо элемента высказывания посредством интонации, повторения, синтаксической позиции и т.п.:

;;G000000000000000000000000L DEL
BARCELONAAAAAAAAAAAAAAAAAA!! ;;GOL, GOL, GOL,
G0000L!! ;;LUCNO, LUCNO LUCNO0000000000!!

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы о том, что:

⁷ URL: https://resultados.as.com/resultados/futbol/primera/2018_2019/directo/regular_a_25_248452/narracion/?omnaut=1 (дата обращения: 04.02.2019).

⁸ URL: <https://www.mundodeportivo.com/futbol/laliga/18-19/20190224/levantereal-madrid-laliga-directo> (дата обращения: 04.02.2019).

⁹ URL: <https://www.marca.com/futbol/primera-division/directo/2019/03/09/5c83e27022601d57418b45f4.html> (дата обращения: 03.02.2019).

¹⁰ URL: <https://www.marca.com/futbol/primera-division/directo/2019/03/09/5c83e27022601d57418b45f4.html> (дата обращения: 03.02.2019).

1. Использование различных тропов в письменном онлайн-комментарии позволяет комментатору давать более красивое описание матча. Чтобы избежать повторов и однотипных высказываний, комментатор прибегает к использованию метафор, метонимии и синекдохи. Реже используются риторические вопросы и обращения к читателям. Их использование характерно для вступления и окончания матча, иногда в середине между таймами.
2. В результате проведенного исследования было выявлено, что самыми распространенными тропами в письменном онлайн-комментарии являются: метафора (40%); эпитеты (20%); метонимия (10%); эллипсис (10%); перифраз (10%); остальные тропы (10%).

В заключение следует отметить, что исследование спортивного испанского онлайн-комментария должно быть продолжено, так как жанр онлайн-трансляций набирает популярность в последнее время, не только среди спортивных болельщиков и фанатов, но и среди любителей спортивных игр. Данное исследование должно способствовать более детальному изучению стилистических особенностей построения спортивного поминутного онлайн-комментария, а также открывает новые перспективы для дальнейшего изучения возможностей того или иного языка для максимально экспрессивного описания события.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. I–XV.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд. М., 2010.
3. Горошко Е.И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орел, 2007. С. 223–237.
4. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь): Учебное пособие. М., 2008.
5. Зиянгиров Э.К. Тропы и стилистические фигуры в речи спортивных комментаторов // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2 (ч. 2). URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=22255> (дата обращения: 15.05.2019).
6. Компанцева Л.Ф. Интернет-лингвистика: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы. Луганск, 2008.
7. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1998.
8. Chowanek J. Enacting and Imaginary Community: Infotainment in Online Minute-by-Minute Sports // The Linguistics of Football. 2008. № 38. Language in Performance. P. 255–268.
9. Lewandowski M. The Language of Online Sports Commentary in a Comparative Perspective. *Lingua Posnaniensis*. LIV., 2012. P. 65–76.
10. Raevskaya M.M. Emotional Dimension of the Epoch: an Interdisciplinary Perspective // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2017. Vol. 1. № 10. P. 99–106.

Anna V. Peretiатko

**STYLISTIC PECULIARITIES OF SPANISH FOOTBALL
MINUTE-BY-MINUTE ON-LINE COMMENTARY**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

In the modern world, sport is considered to be one of the most important spheres of human activity. Sport is constantly developing, new kinds of sports are emerging, and, as a result, new names, terms, phrases, idioms appear and enrich the lexical vocabulary of the language.

Sports discourse is characterized by undeniable originality and consists of three components: professional and terminological communication of specialists, the description of sporting events in the media and the jargon of fans. With the development of information technology, the language of sports takes on its electronic form: discussions are held in chat rooms and forums, sports events are critically reflected on and analyzed. A new branch of linguistics is emerging – Internet linguistics, the subject of research of which is Internet communication, which is becoming one of the most common forms of communication due to its interactivity, presence effect, and also information richness.

The article is devoted to the study of the stylistic features of the Spanish football minute-by-minute on-line commentary. The definition of this kind of commentary is given. The stylistic features of this type of commentary are explored: an analysis of the tropes and figures of speech used in it is carried out. Tropes and figures of speech are distinguished from a variety of stylistic devices. Actually tropes are tools which involve the deviation from the expected and literal meaning of words. Figures of speech involve a deviation from the typical mechanics of a sentence. The article also provides a brief analytical review of works devoted to the study of sports commentary and on-line sports commentary as a special genre of sports discourse.

Key words: sport commentary; football on-line commentary; tropes and figures of speech; Spanish on-line minute-by-minute commentary.

About the author: *Anna V. Peretiатko* – postgraduate student, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Department of the Spanish language, Lomonosov Moscow State University (e-mail: anitaprofe@mail.ru).

REFERENCES

1. Arutjunova N.D. 1999. *Jazyk i mir cheloveka* [Language and man's world]. I–XV. Moscow, “Jazyki russkoj kul'tury”. (In Russ.)
2. Ahmanova O.S. 2010. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Knizhnyj dom LIBROKOM. (In Russ.)
3. Chowanek J. 2008. Enacting and Imaginary Community: Infotainment in Online Minute-by-Minute Sports. *The Linguistics of Football. Language in Performance*, no.38, pp. 255–268.
4. Goroshko E.I. 2007. Lingvistika Interneta: formirovanie disciplinarnoj paradigmy [The linguistics of Internet: the development of disciplinary paradigms]. *Zhany i*

- tipy teksta v nauchnom i medijnom diskurse* [Genres and types of text in scientific and media discourse]. Orel, Kartush, pp. 223–237. (In Russ.)
5. Dobrosklonskaja T.G. 2008. *Medialingvistika: sistemnyj podhod k izucheniju jazyka SMI (sovremennaja anglijskaja mediarech')*: uchebnoe posobie [Media linguistics: the system approach to the study of the language of mass media (modern English media language): text edition]. Moscow, Flinta: Nauka. (In Russ.)
 6. Zijangirov Je.K. 2015. Tropy i stilisticheskie figury v rechi sportivnyh kommentatorov [Tropes and stylistic figures of speech in the discourse of sport commentators]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija* [Contemporary problems of science and education], no. 2–2. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=22255> (accessed: 15.05.2019). (In Russ.)
 7. Kompanceva L.F. 2008 *Internet-lingvistika: kognitivno-pragmaticeskij i lingvokul'torologičeskij podhody* [Internet linguistics: cognitive – pragmatic and linguocultural approaches]. Lugansk, Znanie. (In Russ.)
 8. Lewandowski M. 2012. The Language of Online Sports Commentary in a Comparative Perspective. *Lingua Posnaniensis*, LIV, pp. 65–76.
 9. Raevskaya M.M. 2017. Emotional Dimension of the Epoch: an Interdisciplinary Perspective. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, Vol. 1, no.10, pp. 99–106.
 10. Rozental' D.Je. 1998. *Praktičeskaja stilistika russkogo jazyka* [Practical stylistic of Russian. D.Je. Rosental]. Moscow, AST. (In Russ.)

Н.В. Соколова

ТЕКСТОВЫЕ КАТЕГОРИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПАТЕНТА

*Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
614990, Российская Федерация, Пермь, Комсомольский просп., 29*

В работе применяется категориально-текстовый подход к описанию лингвистических особенностей англоязычного патента. Используется следующая методика анализа материала исследования: 1) выявление коммуникативной интенции автора; 2) учет коммуникативной функции текста, определяемой коммуникативной интенцией автора; 3) описание равноуровневых лингвистических средств, используемых в тексте патента для реализации функции и выражения текстовых категорий. Текст патента рассматривается как результат реализации авторской интенции, определяющей функцию текста и отбор содержательных и структурных средств выражения текстовых категорий темы, тональности и композиции, показательных для анализа патентов. Композиция как структурная категория выполняет текстообразующую роль, а для композиционных блоков патента могут быть характерны функции информирования и воздействия. Для реализации текстовой категории темы в тексте патента используются многокомпонентные терминологические коллокации, синтагматическая форма которых обусловлена функцией информирования. В рамках реализации субполей тональности патента характерно использование настоящего неопределенного времени и отсылочных конструкций для констатации, некатегоричность, а также нейтральный тон изложения с использованием канцеляризмов. Установлено, что композиционный блок патента *Background* выполняет также функцию воздействия, что определяется интенцией автора убедить реципиента в ценности изобретения и находит свое выражение в особом составе категории тональности данного блока и реализации субполя эмоциональности в виде антитезы, оценочных лексических единиц, а также метафор, что не характерно для других композиционных блоков патента, реализующих прежде всего функцию информирования. Полагаем, что применение категориально-текстового подхода к анализу патентов позволяет получить системное представление о лингвистических составляющих текста патента.

Ключевые слова: патент; текстовая категория; тема; тональность; композиция; термин; синтагматика.

Введение. Патентные документы, обеспечивающие юридическую защиту научно-технических изобретений, полезных моделей, а также промышленных образцов, являются периферийным жанром

Соколова Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета (e-mail: ntlk0@mail.ru).

научно-делового подстиля научного стиля [Троянская, 1984; Федорова, 2014: 102]. Вопросы изучения терминов и канцеляризмов патента неизменно привлекают внимание исследователей [Федорова, 2014; Шершукова, 2017], однако в контексте функциональной стилистики и лингвистики текста интерпретации требует проявление в тексте патента его текстообразующих категорий, т.е. общих и существенных признаков текста [Баженова, Котюрлова, 2006: 528], состав которых обусловлен интенцией автора и соответственно функцией текста.

Методология и материал исследования. Экстралингвистическая целеустановка, определяющая функцию, должна находить свое лингвистическое проявление непосредственно в тексте, т.е. реализуется уже как предмет изучения лингвистики текста. Именно текстовые категории позволяют получить системное представление об особенностях функционирования языковых единиц в тексте [Сретенская, 1994].

Текстовые категории функционально ориентированы, имеют знаковую природу: «план содержания такого знака – это ... единый текстовый смысл (... тема, тональность ...), а план выражения – функционально ориентированная типовая композиция разноуровневых языковых средств» [Матвеева, 2006: 533–534].

Далее на материале патентов мы рассмотрим полевые текстовые категории композиции, темы и тональности, а также их непосредственное воплощение в тексте патента, являющееся результатом реализации интенции автора и соответственно заложенной в тексте функции.

Для проведения анализа материала исследования считаем целесообразным использовать следующую методику: 1) выявление коммуникативной интенции автора; 2) учет коммуникативной функции текста, определяемой коммуникативной интенцией автора; 3) описание разноуровневых лингвистических средств, используемых в тексте патента для реализации функции и соответственно выражения текстовых категорий.

Материалом исследования послужили современные патенты сферы информационных технологий в объеме свыше 350 тыс. знаков¹,

¹ US20140082468 Browser for rating pages with respect to search goals / WIPO Patentscope. URL: https://patentscope.wipo.int/search/ru/detail.jsf?docId=US96403897&tab=NATIONALBIBLIO&_cid=P20-JYBKDF-73620-3 (accessed 12.08.2019); US20110258345 Method and apparatus for mobile data collection and management / WIPO Patentscope. URL: https://patentscope.wipo.int/search/ru/detail.jsf?docId=US73384376&tab=PCTDESCRIPTION&_cid=P12-JY7MVL-61442-5 (accessed 12.08.2019); US20140067480 Systems and methods for enterprise-level context management / WIPO Patentscope. URL: https://patentscope.wipo.int/search/ru/detail.jsf?docId=US96374809&tab=NATIONALBIBLIO&_cid=P12-JY944X-33636-3 (accessed 12.08.2019);

поданные в США и размещенные в базе данных *Patentscope* Всемирной организации интеллектуальной собственности².

Анализ материала. Экстралингвистическая целеустановка автора, или интенция, сообщить новое научное знание о своем изобретении определяет информирующую функцию жанра патента, которая находит манифестацию в тексте в виде языковых средств, которые могут быть рассмотрены в рамках таких категорий, как композиция, тема и тональность.

Для жанра патента характерна следующая типовая композиция, или структура: название; библиографические данные; реферат; описание и формула изобретения; чертежи.

В рамках композиционного блока описания изобретения *Description* также присутствуют такие типовые композиционные составляющие, как: *Related Applications/ Prior Patent Applications* (Подставленные заявки/ Предыдущие заявки); *Technical field/ Field of the Invention* (Область (технического) применения/ Область изобретения); *Background Art/ Background of the Invention* (Уровень техники/ Предпосылки изобретения); *Summary of the Invention* (Сущность изобретения); *Brief Description of the Drawings* (Краткое описание чертежей); *Detailed Description of Specific Embodiments* (Описание конкретных внедрений)³. В композиционном блоке *Claims* (Формула изобретения) представлены разъяснения по методологии. В рамках данных композиционных блоков реализуются тема и тональность.

Тема, или «предмет обсуждения в тексте, номинативно выраженное содержательное ядро целого текста... сохраняет свое единство на протяжении текста, обеспечивая его целостность» [Матвеева, 2006: 542].

Повтор лексических единиц с семантической общностью обеспечивает семантическое поле текста. Тема патента обозначена в названии патента, а в тексте происходит повтор темы в различных конденсированных и уточняющих тему коллокациях, при этом коллокация также «уточняет и конкретизирует значение слов, которые ее образуют. Точное значение слова в любом контексте обуслов-

US20080072053 Web-based authentication system and method / WIPO Patentscope. URL: https://patentscope.wipo.int/search/ru/detail.jsf?docId=US42361361&_cid=P11-JYK9Q6-62961-12 (accessed 12.08.2019); US20080244582 Web-Based task management system and method / WIPO Patentscope. URL: https://patentscope.wipo.int/search/ru/detail.jsf?docId=US42298338&_cid=P11-JYK9Q6-62961-12 (accessed 12.08.2019).

² *Patentscope* / WIPO Patentscope. URL: <https://patentscope.wipo.int/> (accessed 12.07.2019).

³ В данном перечне представлены типичные названия данных композиционных блоков патента и их переводы на русский язык.

лено окружением данного слова, т.е. его распространителями (коллокатами), или словами, которые объединены вокруг него и образуют коллокацию» [Влавацкая, 2011: 135].

В табл. 1 далее представлены композиционные блоки патента и номинативное выражение темы патента, выявленное с помощью инструмента обработки естественных языков *TextRazor*⁴ [Dale, 2017].

Помимо словосочетаний *of-phrase*, наблюдается характерное для всех структурных частей патента использование многокомпонентных конструкций «существительное + существительное», к примеру, *data collection surveys*. В отечественном языкознании такие сочетания также именуются «нестойкие сложные слова» либо «конденсированные» атрибутивные словосочетания [Маренкова, 1976: 13], а их использование в анализируемом материале объясняется информирующей функцией патента и может рассматриваться как признак жанра патента, реализующего функцию информирования в «конденсированной» форме [Тер-Минасова, 1980: 235].

Для объединения отдельных определяющих элементов в коллокации и указания на их смысловые связи могут использоваться дефис и кавычки: *the “proxy pass-through” method; the “form builder” component; the “mobile client” device component, etc.*

Тема получает свое развитие в композиционных блоках патентов в виде наречий, логически ее развивающих: *next, finally, firstly ... fifthly, etc.*⁵

Таким образом, категория темы находит свое проявление в использовании в тексте патента многокомпонентных конденсированных коллокаций, а данные синтагматические особенности коллокаций обусловлены реализацией в тексте патента информирующей функции.

Под *тональностью* мы понимаем текстовую категорию, в которой находит отражение эмоционально-волевая установка автора текста при достижении конкретной коммуникативной цели. Тональность жанра патента реализуется в рамках субполей волеизъявления, интенсивности и эмоциональности [Матвеева, 2006: 549–552].

Примечательно, что если тема находит выражение и развитие в рамках всего текста патента, то тональность проявляется в виде разных субполей в различных структурных частях патента.

⁴ TextRazor. URL: <https://www.textrazor.com/demo> (accessed 18.04.2019).

⁵ US20140082468 Browser for rating pages with respect to search goals / WIPO Patentscope. URL: https://patentscope.wipo.int/search/ru/detail.jsf?docId=US96403897&tab=NATIONALBIBLIO&_cid=P20-JYBKDF-73620-3 (accessed 12.08.2019).

Композиция, тема и реализация темы в виде многокомпонентных коллокаций на примере патента US20110258345⁶

Композиция	Тема	Реализация темы в виде многокомпонентных коллокаций
Prior Patent Applications	application в значении «заявка»	–
Field of the Invention	application – mobile devices – data – internet – wireless communications	data entry surveys and applications; user-specific content/data
Background of the Invention	client – customer – data – organizations – productivity – mobile platform – application – technology – solution – business rule – mobile devices – retail store	a client/customer-oriented world; data collection and analysis; the retail store side; data collection and management needs; mobile handheld checkout devices; the handheld point of sale mobile transaction; the stores backend retail purchasing and inventory
Summary of the Invention	invention – solution – applications – data – user – developer	the “mobile client” device component
Brief Description of the Drawings	data – architecture – system – methodology – server – network	an implementation hardware architecture of a data collection/management network platform of a mobile data collection and management system; the “form builder” component of a mobile data collection and management system; the “web application” component of a mobile data collection and management system
Detailed Description of Specific Embodiments	data – system – application – server – hardware – software	a data collection and management system; the physical hardware implementation and software requirements; the “proxy pass-through” method
Claims	data – mobile device – server – application	the synchronization server; the customer server

⁶ US20110258345 Method and apparatus for mobile data collection and management / WIPO Patentscope. URL: https://patentscope.wipo.int/search/ru/detail.jsf?docId=US73384376&tab=PCTDESCRIPTION&_cid=P12-JY7MVL-61442-5 (accessed 12.08.2019).

Волеизъявление реализуется как *констатация* и проявляется в виде использования настоящего неопределенного времени *Present Simple* в констатирующем значении, а также отсылочных конструкций, к примеру, *according to, referring to, with reference to*⁷, etc.

В том, что касается *интенсивности*, наблюдается *некатегоричность*: анализ выявил использование модальных глаголов *may* и *can* в значении вероятности и физической возможности, а также *should* для рекомендации, однако модальные глаголы и конструкции со значением категоричности в тексте патентов обнаружены не были.

В рамках текстов патентов третья составляющая тональности – *эмоциональность* – находит проявление в виде канцеляризмов, в том числе в виде сложных наречий *herein, wherein, therewith, etc.*, а тон нейтрален.

Оценочная лексика также присутствует, однако лишь в рамках композиционного блока *Background*, функция которого не только информировать, но и убедить реципиента в практической ценности изобретения.

Композиционный блок *Background* может содержать антитезу, в рамках которой происходит противопоставление существующего и будущего состояния технической отрасли. Для указания на недостатки существующих технологий используются прилагательные с негативными коннотациями, например, *cumbersome, tedious, etc.*: *Meanwhile, web browsers are rather cumbersome to use because they also lack information about page relevance ... A more tree-shaped browsing activity is supported by browsers that provide multiple tabs and windows, but the same problems appear (too many windows/tabs, no organization amongst them and tedious work to clear up the unwanted ones)*⁸. В композиционном блоке *Background* также наблюдается использование метафор, к примеру, *to put the power in the hands of the business users*⁹.

⁷ US20110258345 Method and apparatus for mobile data collection and management / WIPO Patentscope. URL: https://patentscope.wipo.int/search/ru/detail.jsf?docId=US73384376&tab=PCTDESCRIPTION&_cid=P12-JY7MVL-61442-5 (accessed 12.08.2019).

⁸ Background / US20140082468 Browser for rating pages with respect to search goals / WIPO Patentscope. URL: https://patentscope.wipo.int/search/ru/detail.jsf?docId=US96403897&tab=NATIONALBIBLIO&_cid=P20-JYBKDF-73620-3 (accessed 12.08.2019).

⁹ Background / US20110258345 Method and apparatus for mobile data collection and management / WIPO Patentscope. URL: https://patentscope.wipo.int/search/ru/detail.jsf?docId=US73384376&tab=PCTDESCRIPTION&_cid=P12-JY7MVL-61442-5 (accessed 12.08.2019).

Таким образом, функция воздействия, реализуемая композиционным блоком *Background*, определяет присутствие в нем эмоционально-оценочной лексики, что в целом не характерно для технического текста патента.

Заключение. Применение категориально-текстового подхода к жанру патента позволяет представить системную картину выражения лингвистических средств текстовых категорий в рамках композиционных блоков патента в зависимости от реализуемых функций, задаваемых интенцией автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баженова Е.А., Которова М.П.* Текст // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006. С. 528–533.
2. *Влавацкая М.В.* Теоретические проблемы комбинаторной лингвистики. Лексикология. Лексикография: монография. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011.
3. *Маренкова Е.А.* Синтагматическая конденсация речевых последовательностей в научном тексте (на материале современного английского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1976.
4. *Матвеева Т.В.* Текстовая категория // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006. С. 533–536.
5. *Матвеева Т.В.* Тема // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006. С. 542–544.
6. *Матвеева Т.В.* Тональность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006. С. 549–552.
7. *Сретенская Л.В.* Функциональная семантико-стилистическая категория оценки в научных текстах разных жанров: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1994.
8. *Тер-Минасова С.Г.* Синтагматика функциональных стилей (на материале современного английского языка): Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1980.
9. *Троянская Е.С.* Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М., 1984. С. 16–27.
10. *Федорова М.А.* Жанровый подход к развитию культуры научной речи // Омский научный вестник. 2014. Вып. 3(129). С. 101–104.
11. *Шерицкова Н.В.* Особенности перевода научно-технических текстов (на примере перевода патентов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2017. Вып. 3(69): В 3 ч. Ч. 2. С. 182–184.
12. *Dale R.* The commercial NLP landscape in 2017 // Natural Language Engineering. July 2017. Volume 23, Issue 4. P. 641–647. URL: <https://doi.org/10.1017/S1351324917000237> (accessed 18.04.2019).

TEXTUAL CATEGORIES OF THE ENGLISH PATENT

*Perm National Research Polytechnic University,
29 Komsomolsky Prospekt, Perm, Russian Federation, 614990*

The category-based textual approach is utilized to describe the linguistic aspects of the English patent. The methodology is as follows: 1) identifying the author's communicative intention; 2) taking into consideration the communicative function of the text resulting from the author's communicative intention; 3) describing multilevel linguistic means used to convey the function and express the textual categories. The patent text is considered to be a product of the author's intention finding its manifestation in the text function and the respective selection of content- and composition-related means of expressing the textual categories of theme, tonality, and composition being relevant for analyzing patents. As a structural category, the composition has the text-building role while the informative and appellative functions are typical of the compositional parts of patents. The theme of the patent is formed through the use of multi-component terminological collocations, with their syntagmatics being the result of the informative function. The subfields of tonality manifest themselves through the use of Present Simple and reference phrases in statements as well as non-categorical and neutral tones, with officialese words being typical. The compositional part Background has the appellative function resulting from the author's intention to convey to the recipient the idea of the invention's practical value and manifesting itself in the specific structure of the tonality where the emotionality subfield is expressed as an antithesis through the use of qualitative lexical units as well as metaphors which is not typical of other patent parts conveying primarily the informative function. The category-based textual approach to patents is deemed to provide systemic insights into the linguistic aspects thereof.

Key words: patent; textual category; theme; tonality; composition; term; syntagmatics.

About the author: *Natalia V. Sokolova.* – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Linguistics, and Translation, Perm National Research Polytechnic University (e-mail: ntlk0@mail.ru).

REFERENCES

1. Bazhenova E.A., Kotyurova M.P. 2006. Tekst [Text]. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [The stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Ed. by M. N. Kozhina. Moscow, Flinta, Nauka Publ., pp. 528–533. (In Russ.)
2. Vlavatskaya M.V. 2011. *Teoreticheskie problemy kombinatornoy lingvistiki. Leksikologiya. Leksikografiya: monografiya* [Theoretical issues of combinatorial linguistics. Lexicology. Lexicography: Monograph]. Novosibirsk, NGTU Publishing. (In Russ.)
3. Marenkova E.A. 1976. *Sintagmaticheskaya kondensaciya rechevyh posledovatel'nostej v nauchnom tekste (na materiale sovremennogo anglijskogo yazyka)* [The syntagmatic condensation of speech sequences in the research text (based on modern

- English)]. Extended abstract of candidate of philological sciences' thesis. Moscow, Izd-vo MGU. (In Russ.)
4. Matveeva T.V. 2006. Tekstovaya kategoriya [Textual category]. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [The stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Ed. by M. N. Kozhina. Moscow, Flinta, Nauka Publ., pp. 533–536. (In Russ.)
 5. Matveeva T.V. 2006. Tema [Theme]. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [The stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Ed. by M. N. Kozhina. Moscow, Flinta, Nauka Publ., pp. 542–544. (In Russ.)
 6. Matveeva T.V. 2006. Tonal'nost' [Tonality]. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [The stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Ed. by M. N. Kozhina. Moscow, Flinta, Nauka Publ., pp. 549–552. (In Russ.)
 7. Sretenskaya L.B. 1994. *Funktsional'naya semantiko-stilisticheskaya kategoriya otsenki v nauchnykh tekstakh raznykh zhanrov* [The functional semantic-stylistic category of assessment in the scientific texts of different genres]. Candidate of Philology dissertation. SPb. (In Russ.)
 8. Ter-Minasova S.G. 1980. *Sintagmatika funktsional'nykh stilej (na materiale sovremennogo anglijskogo jazyka)* [The syntagmatics of functional styles (based on the modern English language)]. Doctor of Philology dissertation. Moscow. (In Russ.)
 9. Troyanskaya E.S. 1984. Polevaya struktura nauchnogo stilya i ego zhanrovyykh raznovidnostey [Field Structure of Scientific Style and its Genre Versions]. *Obshchie i chastnye problemy funktsional'nykh stilej* [General and Specific Problems of Functional Styles]. Moscow, Nauka, pp. 16–27. (In Russ.)
 10. Fedorova M.A. 2014. Zhanrovyy podkhod k razvitiyu kul'tury nauchnoy rechi [The Genre-Based Approach to Enhancing the Culture of Scientific Speech]. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk Scientific Herald]. No. 3(129), pp. 101–104. (In Russ.)
 11. El'yashevich D.A., Turgaev A.S. 2017. *Sovetskaya voennaya administraciya i knizhnoe delo v Vostochnoj Germanii v 1945–1949 godah: izdatel'stvo "SWA-Verlag"*. Vestnik SPbGUKI. № 2 (31).
 12. Dale R. 2017. The commercial NLP landscape in 2017. *Natural Language Engineering*. Volume 23, Issue 4, pp. 641–647. URL: <https://doi.org/10.1017/S1351324917000237> (accessed 18.04.2019).

ЯЗЫК И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

З.Н. Афинская, А.В. Алтухов

НОМАДИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В ПРОЦЕССЕ ЦИРКУЛЯЦИИ ЗНАНИЯ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Взаимодействие различных областей знания приводит к трансферу концептов и понятий. Новый метаязык зачастую заимствует терминологию из областей, традиционно считавшимися *смежными*, обогащение терминологических единиц происходит за счет кросс-дисциплинарных инвариантов. В статье затронута проблема, связанная с когнитивным потенциалом номадических понятий. Цель статьи – изучить эвристический потенциал междисциплинарного термина *платформа*. Задача статьи: рассмотреть когнитивные особенности термина *платформа* в коммуникативной среде. Объект исследования – платформы в информационной сети как место для коммуникации научных, общественных, финансовых, экономических сообществ. Материалом исследования послужили: 1) сопоставление определения *платформы* как термина в русских и французских словарях; 2) изучение значения и эвристического потенциала этого кочевого понятия и концепта в коммуникационных сетях. В результате проведенного исследования выявлена коммуникационная значимость кочевого термина *платформа*, образовавшегося вследствие концептуализации сложных логических связей.

Ключевые слова: междисциплинарность; коллаборация; коммуникация; инновации.

Цифровая революция создала новые возможности в экономической и культурной жизни стран, вовлеченных в этот процесс. Новые интегративно-коммуникативные процессы ведут к созданию и внедрению в общественную жизнь новых проектов, взаимодействию различных областей знания и трансферу концептов, понятий. Процесс взаимовлияния наук проявляется, в частности, в области тер-

Афинская Зоя Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: afin-zn@mail.ru).

Алтухов Алексей Валерьевич – аспирант Лаборатории инновационного бизнеса и предпринимательства экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: alexei.altoukhov@gmail.com).

минологии, когда происходит обогащение терминологических единиц за счет кросс-дисциплинарных инвариантов. Цифровизация общественной жизни создает новые технические и языковые пространства, в частности, так называемые *платформы*. Появился новый тип бизнес-модели – *платформы*, «цифровые инфраструктуры, которые позволяют двум и более группам взаимодействовать»¹.

Значимость этого термина объясняется тем, что существенная часть жизни современного общества проходит в так называемых сетях, где этот термин получил широкое распространение. **Цель** проведенного исследования – выявить эвристический потенциал кочевых терминов на примере междисциплинарного термина *платформа*. **Объектом** исследования послужили так называемые коллаборативные *платформы* как средство коммуникации (Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, И.В. Зыкова, О.К. Ирисхановой, М.И. Киосе, Э. Брюнхольфсон, Фр. Дарбеллала, Э. Макафи, Н. Срничек, Р. Талер, Z.Ch. Boukacem, Fr. Darbellay, O. Galibert, M. Lambrecht и др.).

Методологическое обоснование

Представление о науке под знаком интертекстуальности, взаимодействия, конвергентности становится актуальным направлением научных исследований XXI в. «Знания циркулируют в разных формах, – пишет И.В. Зыкова, – среди которых понятия, термины, идеи, концепции, теории, методы, аналогии, метафоры, модели и проч.»² В этом процессе происходит обогащение терминологических единиц за счет кросс-дисциплинарных инвариантов, которые, или уже существуют в общеязыковом неспециализированном значении, как совокупность специальных значений термина в разных дисциплинах. В результате возникают разного рода «номадические» или кочевые понятия, которые представляют собой эффективные эвристические инструменты, позволяющие возвести междисциплинарные или трансдисциплинарные «мосты» между самыми разными науками» [Зыкова, 2017: 99]. Трансформация концептуального содержания терминов в процессе трансфера знаний приводит к расширению когнитивного пространства языка, стимулирует поиск и обретение смысла научного познания мира.

Как правило, новая методология и новый метаязык не создается каждый раз заново, а заимствуется. Заимствование терминов происходит прежде всего из так называемых базовых, из эталонных и фундаментальных наук. В статье будут представлены результаты

¹ Срничек Н. Капитализм платформ. М., 2019. С. 41.

² Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии: КОНСТАНТЫ и ВАРИАНТЫ. М., 2017. С. 99.

изучения понятийно-концептуальной сферы термина *платформа*, актуализированной в экономике и коммуникации.

Результаты исследования

Как показывает исследование терминофиксирующих текстов – толковых, терминологических словарей и справочников – во французском и русском языках значение термина *платформа* в основном совпадают. Во французском словаре это слово имеет более объемное содержание, но в главном содержании оно совпадает с русским языком – площадка, на которой крепится некое сооружение, *прочная основа для сбора и дальнейшего транспортирования объектов*. Переносное значение *платформы* отмечено в сфере идеологии как некоего прочного основания для формирования политических идей и институтов: “labased’unprogrammepolitiqueourevendicatif. Plateforme électorale”³. Но даже в идеологической сфере сохраняется основной смысл этого понятия – сбор информации для дальнейшего ее распространения. Термин *платформа* внедряется в концептосферу экономики и логистики. Однако словари пока еще не фиксируют концептуальное поле термина *платформа*, формирующееся в коммуникативной сфере, где *платформа* – когнитивная структура, оперирующая различными интерфейсами, основой которых является языковая продукция в своей устной и письменной реализации. Как пишет М. Ламбрект: “Ils’agit de productions langagières élaborées en ligne, dans un environnement connecté – quelsque soient les appareils, les interfaces, les plateformes ou les outils d’écriture...” – «Речь идет о языковой продукции, созданной в интернете, в сетевом окружении – независимо от техники, интерфейсов, платформ или письменных инструментов...» – Пер. З.А.)⁴.

Социальные платформы позволяют учитывать мнения горожан в ракурсе «децентрализованной инновации» (“l’innovation décentralisée”). Платформы выступают в качестве официальных партнеров музыкальных конкурсов. Политические деятели также стремятся создать благодаря социальным сетям возможности прямого общения с избирателями: «после G 20 Трамп хотел создать свою платформу» (ТВ 1, 04/07/2019). В России становится все более популярной и востребованной социальная платформа, предполагающая активную коммуникацию «Россия – страна возможностей». Благодаря бурному развитию IT-технологий в разных сферах общественной жизни стали возможны сетевые бизнес-структуры (технологические и

³ Le Petit LAROUSSE illustré. Paris, 2007.

⁴ Lambrecht M. L’économie des plateformes collaboratives. Courrier hebdomadaire du CRISP, 2016. 26–27 (n° 2311–2312). P. 5–80. URL: <https://www.cairn.info/revue-courrier-hebdomadaire-du-crisp-2016-26-page-5.htm> (accessed: 07.10.2019).

коллоборативные платформы), занятые сбором и анализом разнообразной информации с целью создания новой ценности для пользователей. Эти платформы позволяют повысить эффективность взаимодействия всех заинтересованных сторон (бизнеса, науки, образования, государства и общественных организаций) для стимулирования инноваций и повышения конкурентоспособности науки, экономики и образования⁵.

Компания Psion построила единую технологическую платформу *Ingenuity Working* для поддержки процесса стратегической трансформации бизнеса по трем критериям: открытость (*Openness*); доверие (*Trust*); коллективный интеллект (*Collective ingenuity*). В течение года этой компании удалось кардинально улучшить показатели бизнеса и превратить *открытость, доверие и коллективный интеллект* в основные ценности компании, вокруг которых строится и перестраивается весь бизнес. Вторая тенденция была выявлена в ходе наблюдений за новыми крупными и влиятельными молодыми компаниями, которые уже создают существенную конкуренцию. Такими «выскачками» являются платформы, бросаая серьезный вызов традиционному бизнесу⁶. Было выяснено, что перспективность *платформ* зависит (как и перспективность решения многих коммуникативных проблем) от их «обрамления» (*framing*), влияющего на принятие спонтанных или продуманных решений согласно теории «умственной бухгалтерии» (*mental accounting*). В процессе коммуникации акторов рынка происходит воздействие друг на друга в поисках рационального решения. Понимание особенностей экономического поведения акторов рынка требует от них, по мнению Р. Талера, знаний в области когнитивной науки, психологии, социологии, антропологии⁷.

Платформа становится межотраслевым феноменом, представляя реалии коммуникационной и информационной индустрий, объединяя пользователей общественных информационных сетей. Так, платформа *Almetrics*, объединив *Alternative* и *Metrics*, ассоциирова-

⁵ Назаренко А.Л. К вопросу об информатизации лингвистического образования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 114–121; Сафонова В.В., Россинская А.Н. Коммуникативно-речевая, культуроведческая и когнитивная направленность процесса стандартизации языкового образования в России, США и Канаде // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 137–156; Тутова С.В. Виды электронной связи и их дидактические возможности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 3. С. 37–51.

⁶ Макафи Э., Брюнгольфсон Э. Машина. Платформа. Толпа. Наше цифровое будущее. М., 2019.

⁷ Талер Р. От Homo Economicus к Homo Sapiens // Логос. 2014. № 1 (97). С. 141–154.

на с академическими *ResearchGate*, *Mendeley*, *CiteUlike* и общественными сетями *Twitter*, *Facebook*.

Платформы академической сети (RSA – plateformes de réseaux sociaux académiques) или социальные сети (*Papers*, *ChemWorx*, *ScienceDirect*) позволяют осуществлять быстрый и неформальный обмен информацией в целях нахождения необходимых библиографических сведений. На них во Франции зарегистрировано более 2,5 млн пользователей и опубликовано около 400 млн статей⁸ [Voukacem, 2015]. Значение академических платформ (*Papers*, *ChemWorx*, *AmericanChemicalSociety*, *Mendeley*, *Elsevier*) обеспечивается их коммуникационным капиталом – пользователи могут не только получать информацию, но обсуждать проблемы и оставлять свои комментарии. Благодаря платформам возникают новые научные сообщества, значимость которых повышается в зависимости от их интеллектуальной рентабельности. Идея «не-конференции», выдвинутая самими пользователями, позволяет тем самым дистанцироваться от классического академического коллоквиума или семинара с тем, чтобы благоприятствовать творчеству как можно большего количества участников. Так, *Digital Humanities* представляет собой междисциплинарное пространство обучения и исследований в целях объединения теории и междисциплинарной практики с новыми способами производства и распространения знаний.

Коллоборативные музыкальные платформы, позиционируя себя как инновационную альтернативу традиционной музыкальной индустрии. Эти платформы провозглашают демократизацию вкусовых предпочтений и свободный обмен ею. Помещая пользователей-любителей в центр музыкальной коллоборации, они позволяют распространять альтернативные ценности и смыслы (*Sellaband*, *Bnflower*, *lenetlabel Zeste*, *leswebradios Pandora*, *TheHypeMachines*). Для их семиотического пространства характерны интерактивность и игровой настрой. Их аргументация строится на понятии «новизна», «2.0», на многократном повторении слов «новый», «новинка» с тем, чтобы создать эффект разрыва с прошлым опытом и официальным мнением. Однако они полностью зависят от количества проголосовавших так называемых независимых, альтернативных экспертов, компетентность и независимость которых ставится под сомнение. Возникшие как новый механизм коммуникации, как пространство инноваций и свободного обмена мнениями, платформы рискуют постепенно превратиться в угрозу для свободной коммуникации:

⁸ *Cherifa B.-Z. Nouveaux intermédiaires de l'information, nouvelles logiques de captation de la valeur. I2D-Information, données & documents, 2015. 4 (53). P. 34–35. URL: <https://www.cairn.info/revue-i2d-information-donnees-et-documents-2015-4-page-34.htm> (accessed: 07.10.2019).*

«Минюст США начал расследование против ведущих онлайн-платформ – Amazon, Apple, Facebook, Google» (Газета.ru, 24.07.2019).

Заключение

Актуальные направления науки в процессе междисциплинарных связей, заимствуют термины смежных наук, обогащая их новыми смыслами. Термины обретают *кочевой* характер, перетекая из одной науки в другие, формируя концептосферу новых научных направлений. Так называемые *номадические термины* являются, по сути, эвристическими инструментами трансфера знаний. Термин *платформа* из области транспорта, геологии, географии *перекочевал* в сферу экономики, менеджмента, политики, образования, культуры и стал означать пространство для коммуникации научных, общественных, экономических, культурных сообществ ради нахождения адекватных мгновенных решений проблем и обмена информацией и инновационными технологиями на бесплатной основе. Взаимодействие становится одним из основных когнитивных смыслов термина *платформа*, который, «перекочевав» из сферы техники, где его концептуальное содержание ограничивалось таким параметром, как *прочная основа*, приобрел в коммуникативной сфере и бизнесе значение *свободное пространство для инноваций*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демьянков В.З. Языковые техники «трансфера знаний» // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: Колл. монография / Отв. ред. В.В. Фещенко. М., 2016. С. 61–85
2. Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии: КОНСТАНТЫ и ВАРИАНТЫ. М., 2017.
3. Макафи Э., Брюньолфсон Э. Машина. Платформа. Толпа. Наше цифровое будущее. М., 2019.
4. Назаренко А.Л. К вопросу об информатизации лингвистического образования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 114–121.
5. Le Petit LAROUSSE illustré. Paris, 2007.
6. Сафонова В.В., Россинская А.Н. Коммуникативно-речевая, культуроведческая и когнитивная направленность процесса стандартизации языкового образования в России, США и Канаде // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 137–156.
7. Срничек Н. Капитализм платформ. М., 2019.
8. Талер Р. От Homo Economicus к Homo Sapiens // Логос. 2014. № 1 (97). С. 141–154.
9. Тутова С.В. Виды электронной связи и их дидактические возможности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 3. С. 37–51.
10. Cherifa B.-Z. Nouveaux intermédiaires de l'information, nouvelles logiques de captation de la valeur. I2D-Information, données & documents, 2015. 4 (53). P. 34–35.

URL: <https://www.cairn.info/revue-i2d-information-donnees-et-documents-2015-4-page-34.htm> (accessed: 07.10.2019).

11. *Lambrecht M.* L'économie des plateformes collaboratives. *Courrier hebdomadaire du CRISP*, 2016. 26–27 (n° 2311–2312). P. 5–80. URL: <https://www.cairn.info/revue-courrier-hebdomadaire-du-crisp-2016-26-page-5.htm> (accessed: 07.10.2019).
12. *Moreau F., Nicolas Y.* Financement participative: une voie d'avenir pour la culture. Paris, 2018.

Zoya N. Afinskaya, Alexei V. Altukhov

THE HEURISTIC POTENTIAL OF NOMADIC NOTIONS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The interaction of different fields of knowledge leads to the transfer of concepts. The new metalanguage often borrows terminology from areas traditionally considered contiguous, the enrichment of terminological units is due to cross-disciplinary invariants. The article touches upon the problem related to the cognitive potential of nomadic concepts. The purpose of the article is to study the heuristic potential of the interdisciplinary term platform. The objective of the article: to consider the cognitive features of the term platform in the communicative environment. The object of the research is platforms in the information network as a place for communication of scientific, social, financial and economic communities. The research material was: 1) comparison of the definition of the platform as a term in Russian and French dictionaries; 2) study of the meaning and heuristic potential of this nomadic concept and the concept in communication networks. As a result of the conducted research, the communicative significance of the nomadic term platform, formed as a result of the conceptualization of complex logical connections, has been revealed.

Key words: interdisciplinarity; collaborate; communication; innovation.

About the authors: *Zoya N. Afinskaya* – PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of French language and culture, Faculty of Foreign languages and Area studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: afin-zn@mail.ru); *Alexei V. Altoukhov* – postgraduate student of Innovation Business & Entrepreneurship Lab, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: alexei.altoukhov@gmail.com).

REFERENCES

1. Dem'yankov V.Z. 2016. *Yazykovye tekhniki «transfera znaniy»* [Language techniques of “knowledge transfer”] In Feshchenko V.V. (ed.) *Lingvistika i semiotika kul'turnykh transferov: metody, principy, tekhnologii* [Linguistics and semiotics of cultural transfers: methods, principles, technologies]. Moscow, Kul'turnaya revolyuciya. (In Russ.)
2. Zykova I.V. 2017. *Metazyk lingvokul'tuologii: KONSTANTY i VARIANTY*. [Metalanguage of Linguoculturology: CONSTANTS and VARIANTS]. Moscow, Gnozis. (In Russ.)

3. Makafi E., Bryun'olfson E. 2019. *Mashina. Platforma. Tolpa. Nashe cifrovoe budushchee* [Machine, Platform, Crowd. Harnessing Our digital future]. Moscow, Mann, Ivanov, Ferber (MIF). (In Russ.)
4. Nazarenko A.L. 2010. K voprosu ob informatizatsii lingvisticheskogo obrazovaniya [To the issue of informatization of linguistic education]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 114–121. (In Russ.)
5. *Le Petit LAROUSSE illustré*. 2007. Paris, LAROUSSE.
6. Safonova V.V., Rossinskaya A.N. 2008. Kommunikativno-rechevaya, kul'turovedcheskaya i kognitivnaya napravlennost' protsessa standartizatsii yazykovogo obrazovaniya v Rossii, SShA i Kanade [Communicative-speech, cultural and cognitive orientation of the process of standardization of language education in Russia, the USA and Canada]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 137–156. (In Russ.)
7. Srnichek N. 2019. *Kapitalizm platform* [Platform Capitalism]. Moscow, Izd. Dom Vysshei shkoly ekonomiki. (In Russ.)
8. Taler R. 2014. Ot Homo Economicus k Homo Sapiens [From Homo Economicus to Homo Sapiens]. *Logos*, no. 1(97), pp. 141–154. (In Russ.)
9. Titova S.V. 2010. Vidy elektronnoi svyazi i ikh didakticheskie vozmozhnosti [Types of electronic communications and their didactic opportunities]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 37–51. (In Russ.)
10. Cherifa B.-Z. 2015. Nouveaux intermédiaires de l'information, nouvelles logiques de captation de la valeur. *I2D-Information, données & documents*, no. 4 (53), pp. 34–35. URL: <https://www.cairn.info/revue-i2d-information-donnees-et-documents-2015-4-page-34.htm> (accessed: 07.10.2019).
11. Lambrecht M. 2016. L'économie des plateformes collaboratives. *Courrier hebdomadaire du CRISP*, no. 26–27 (2311–2312), pp. 5–80. URL: <https://www.cairn.info/revue-courrier-hebdomadaire-du-crisp-2016-26-page-5.htm> (accessed: 07.10.2019).
12. Moreau F., Nicolas Y. 2018. *Financement participative: une voie d'avenir pour la culture*. Paris, Presses de Sciences Po.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

А.И. Едличко

ПЛЮРИЦЕНТРИЧНОСТЬ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА КАК ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»,
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье поднимаются вопросы преподавания стандартных вариантов немецкого языка, функционирующих на территории немецкоязычных стран. В работе проанализированы основные этапы развития интереса зарубежных социолингвистов и специалистов в области преподавания немецкого языка как иностранного к названной проблематике. Кратко рассматриваются важнейшие периоды интеграции теории плюрицентричности немецкого языка в теорию и практику преподавания немецкого языка, описывается формирование и развитие DACH(L)-концепции, использование учения о вариативности немецкого языка в преподавании лингвострановедения, ее применение в процессе языковой подготовки на разных ступенях образования. Помимо этого, проблематика вариантного территориального функционирования немецкого языка анализируется с позиций практики преподавания перевода. Приводится также краткий обзор справочной литературы (лексикографических источников, грамматик и т.д.), в которой кодифицированы стандартные варианты. Особо выделен обзор и анализ учебников и учебных пособий, в которых отражены фонетические, лексические, грамматические и прагматические особенности различных вариантов немецкого языка. Обращается внимание на учет теории плюрицентричности в международных языковых тестах по немецкому языку. В результате исследования автор приходит к выводу о значительном лингводидактическом потенциале теории плюрицентричности немецкого языка.

Ключевые слова: плюрицентричность; вариант; немецкий язык; лингводидактика; DACH(L)-концепция; лингвострановедение; перевод; языковой тест; учебная литература; словарь; языковая образовательная политика.

Методологически важным при рассмотрении вопросов образовательной языковой политики и методики преподавания иностранного языка с позиций теории вариантологии является понятие

Едличко Анжела Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ang299@yandex.ru).

плюрицентричности. Вопросы плюрицентричности разрабатываются на материале различных языков: английского, испанского, французского, арабского, португальского и др. [Прошина, 2017; Загрязкина, 2019; и др.]. Исследователи выделяют такие значимые свойства плюрицентричного языка, как его присутствие в более чем одном суверенном государстве и официальный статус в качестве государственного, второго государственного, национального или регионального. К релевантным характеристикам языка, имеющего несколько стандартных вариантов, относятся не только его правовое закрепление, но и другие сферы функционирования, например, делопроизводство, медиа и т.д. Немаловажным представляется наличие стандартных вариантов, кодифицированных в лексикографических источниках и грамматиках. В качестве значимого показателя Р. Мур также называет преподавание национального варианта в школах с целью передачи особого лингвистического кода новым поколениям [Mühr, 2000: 27–28]. Современные социолингвисты относят проблему стандарта плюрицентричного языка к «одн[ой] из центральных проблем современной лингвистики и лингводидактики» [Прошина, 2017]. Нельзя не согласиться с этим мнением, поскольку образовательная область является одной из основных сфер реализации языковой политики любого государства, а вопрос выбора нормы довольно значим при определении преподавания.

К ключевым аспектам языковой образовательной политики немецкоязычных стран относятся, прежде всего, развитие многоязычия, содействие государства в изучении иностранных языков, поддержка статуса немецкого языка как родного и иностранного и инвестирование средств в его изучение. В последние десятилетия все активнее обсуждается проблематика плюрицентричности немецкого языка¹ в аспекте лингводидактики [Bimmel et al., 2007; Drumbel et al., 2016; и др.]. Важность преподавания вариантов немецкого языка социолингвисты связывают прежде всего с практическим применением языка, а именно с необходимостью к подготовке к специфическим коммуникативным условиям в немецкоязычных странах [Mühr, 2000: 34]. В связи с этим возникают вопросы, которые вызывают интерес теоретиков-лингводидактов и практиков-преподавателей немецкого языка: Как отражается вариативность немецкого языка в учебных материалах? Каково содержание уроков немецкого языка как иностранного? Какая справочная литература по плюрицентричности немецкого языка используется в процессе обучения? и др.

¹ Немецкий язык представлен разными вариантами в семи немецкоязычных странах и регионах: Германии, Австрии, Швейцарии, Лихтенштейне, Люксембурге, Южном Тироле и Восточной Бельгии.

Лежащее в основе межкультурной коммуникации понимание общения в мультикультурных и многоязычных обществах предопределяет не только расширение знаний о межкультурных и межязыковых различиях абсолютно разных лингвокультур, но и осознание интракультурных расхождений и сходств внутри лингвокультурного пространства с единым плюрицентричным языком. Именно поэтому в 1990-х годах была разработана DACH(L)-концепция², см. подробнее [Bettermann, 2010b: 41], ориентированная на преподавание немецкого языка как иностранного (Deutsch als Fremdsprache/DaF). Графемы и сочетания, входящие в состав аббревиатуры *DACHL*, являются начальными буквами наименований стран немецкой речи: *D* – *Deutschland*, *A* – *Österreich* (лат. *Austria*), *CH* – *die Schweiz* (лат. *Confoederatio Helvetica*), *L* – *Liechtenstein* и *Luxemburg*. Суть данного подхода заключается в признании вариативности немецкого языка и многообразия культур немецкоязычных стран и регионов с позиций лингводидактики. Интегрирование плюрицентричного подхода в преподавание немецкого как иностранного языка включает поддержку автономности обучающихся, модерную роль учителя, использование ключевых методических принципов, связанных с применением новых методов и подходов [Hackl et al., 1997]. Однако основной акцент в данной концепции ставится на обязательном преподавании страноведения соответствующего языкового региона и на развитие, наряду с «классическими» компетенциями (социокультурной, языковой, коммуникативной и др.), также плюрицентрической компетенции, что подразумевает понимание базовых диатопических особенностей языка и культуры конкретных регионов и толерантное отношение к их лингвокультурным отличиям. Известно, что социополитические события в конце 1980-х – начале 1990-х годов стали причиной притока мигрантов в немецкоязычные страны. Уже в этот период,

² DACH(L)-концепция базируется на тезисах (нем. ABCD-Thesen) о значимости вариантов немецкого языка и уникальности культур стран немецкой речи, разработанных в мае 1990 г. рабочей группой Международного союза преподавателей немецкого языка (Internationaler Deutschlehrerverband/IDV). Буквы инициальной части гибридной аббревиатуры *ABCD-Thesen* именуют названия немецкоязычных стран: *Österreich (A)*, *Bundesrepublik Deutschland (B)*, *die Schweiz (C)*, *Deutsche Demokratische Republik (D)*. Подготовка тезисов была обусловлена интенсивным развитием лингвострановедческого подхода в методике преподавания иностранных языков. Их содержание ориентировалось на необходимость использования страноведческого компонента на уроках немецкого языка в свете социально-культурного развития каждой немецкоязычной страны. При этом предпринимались попытки найти «общее и компромиссы между [разными] идеологическими системами» [Bettermann, 2010a: 1] с учетом сложившейся лингвокультурной ситуации в странах немецкой речи, в том числе в восточной и западной Германии.

определяемый как этап становления теории плюрицентричности, ученые говорили о необходимости формирования соответствующей компетенции³, суть которой заключается в способности понимания конкретного национального варианта немецкого языка. В современном научном аппарате лингводидактики, ориентированной на теорию плюрицентричности, используются разные терминологические акронимы и гибридные термины, указывающие на гетерогенный характер немецкого языка в немецкоязычных странах, ср.: *D-A-CH/DACH, DACHL / D-A-CH-L, DACHLI / D-A-CH-LI, D-A-CH-Plurizentrik, DACH-Region, D-A-CH-Bereich* и др. Некоторые производные от названного акронима (например, *DACH-Phonetik, D-A-CH-Konzept, D-A-CH-Länder, DACHL-Länder, DACHL-Landeskunde*) вошли в понятийно-терминологический аппарат других наук: социолингвистики, географии и др.

Интенсивная разработка плюрицентрического подхода в лингводидактике привела к появлению ряда учебников и учебных пособий прежде всего по страноведению, выполненных в рамках названной *DACH(L)*-концепции, с ориентировкой либо на все немецкоязычные государства⁴, либо на конкретную страну⁵. Экстралингвистические причины, связанные с миграционными процессами, поиском работы, получением образования в немецкоязычных странах, развитием туризма и т.д., способствовали разработке большого количества учебников по немецкому языку как иностранному с учетом теории вариативности. Контент каждого из таких учебников ориентирован не только на конкретную страну – Германию⁶, Австрию⁷, Швейцарию⁸ –

³ В немецкоязычной лингводидактике в данном контексте нередко использовался термин *panlektale Kompetenz*, что подразумевало «идеальный случай владения всеми вариантами языка» [Christen, 1998: 75]. Слово *panlektal* образовано от компонентов *pan-* (от греч. ‘всё’) и *-lekt* (в социолингвистической модели Х. Лёффлера *Lekt* рассматривается как вариант языка [Löffler, 2010: 79]).

⁴ *Lösche R.-P.* Bilderbogen D-A-CH. DVD. A1-A2. Stuttgart: Klett, 2013; *Lösche R.-P.* Land & Leute D-A-CH. Videoreportagen zur Landeskunde. Stuttgart: Klett, 2013; *Martini M.* Trip durch D-A-CH. Deutschsprachige Länder sehen und verstehen. Stuttgart: Klett, 2013; *Pilaski A.* et al. Entdeckungsreise D-A-CH. Kursbuch zur Landeskunde. A2–B1. Stuttgart: Klett, 2013; и др.

⁵ См., напр.: *Blaser A.* et al. Die Schweiz verstehen. 2. Aufl. Bern: hep, 2018; и др.

⁶ *Lemcke Ch.* Berliner Platz 1. Deutsch im Alltag. Lehr- und Arbeitsbuch. Teil 1. München: Klett-Langenscheidt, 2013.

⁷ *Dengler St., Doubek M.* et al. Linie 1 Österreich A2.1. Kurs- und Übungsbuch mit DVD-ROM. Stuttgart: Klett, 2018; *Kaufmann S.* et al. Servus Österreich. Deutsch im Alltag Einstiegskurs. München: Klett-Langenscheidt, 2016; *Mein Start in Österreich.* Wortschatz für Neuankommlinge: Deutsch, Arabisch, English, Français. Stuttgart: Klett, 2016;

⁸ *Maurer E.* Deutsch in der Schweiz. Vokabelheft – Deutsch in der Schweiz. Ein Sprachkurs für Erwachsene und Jugendliche. Klett & Balmer, 2011; *Niebisch D.* et al.

и особенности определенного стандарта, но и на плюрицентричность немецкого языка и его системные категории в целом. Как показывает анализ указанных учебников, лексические ономаσιологические варианты включены в разные тематические блоки (география, туризм, еда и напитки, культура, история, медиа, иностранные языки и т.д.), ср.: нем. *das Fahrrad* – швейц. *das Velo*; нем. *die Zwischenmahlzeit* – австр. *die Jause* – швейц. *das Znüni, das Zvieri*; нем. *die Aprikose* – австр. *die Marille*; нем. *das Abitur* – австр. *die Matura* – швейц. *die Matur*; нем. *das Krankenhaus* – австр./швейц. *das Spital*, и др. Особенности, характерные для графического (напр.: нем./австр. *ich heiße* – швейц. *ich heisse*) и грамматического уровней (например: нем. *die E-Mail* – австр./швейц. *das E-Mail* и др.), также отражены в книгах. Помимо этого, акцентируется внимание на прагматических отличиях в разных вариантах языка (ср. употребление форм приветствия: нем. *Guten Morgen, Guten Tag, Guten Abend*; австр. *Grüß Gott, Grüß dich*; швейц./люкс. *Hoi, Salü, Grüezi*) и лингвокультурных различиях (ср. использование названий денежных единиц: нем. **Und 35 Euro 89 Cent zurück**⁹; швейц. **2 Stück Apfelkuchen kosten 7 Franken 80**¹⁰). В учебной литературе содержится информация не только о системных отличиях диалектических стандартов, их лексикографической кодификации¹¹, но и о существенных характеристиках диалектного континуума немецкоязычных стран¹², проблемах законодательного статуса немецкого языка в странах немецкой речи, положении региональных и миноритарных языков¹³, проблемах языковой политики.

К положительным дидактическим аспектам таких учебников и учебных пособий можно отнести тот факт, что они способствуют не только формированию и развитию рецептивных и продуктивных навыков и умений, но и нацелены на интерактивное обучение. Например, к преимуществам серии учебников „*Deutsch in der Schweiz*“¹⁴ («*Немецкий в Швейцарии*»), выходящих с 2009 г., авторы книги относят¹⁵:

Schritte plus Neu 2. A1.2. Schweiz. Kursbuch + Arbeitsbuch mit Audio-CD. München: Hueber, 2017; *Erste Schritte plus neu – Einstiegskurs Schweiz*. Kursbuch. München: Hueber, 2019.

⁹ Ros L. et al. Aussichten A1.1. Kurs- und Arbeitsbuch mit 2 Audio-CDs und DVD. Stuttgart: Klett, 2009. S. 70.

¹⁰ *Erste Schritte plus neu*. Op. cit. S. 61.

¹¹ Pilaski A. Op. cit. S. 8.

¹² Ibid. S. 10–11.

¹³ Ibid. S. 14–15.

¹⁴ Имеется в виду серия учебников для уровней A1–B1. В качестве одного из таких учебников назовем *Consani C. von, Nodari C. et al. Deutsch in der Schweiz B1*. Kursbuch. Baar: Klett & Balmer, 2015.

¹⁵ *Deutsch in der Schweiz*. Ausgabe ab 2009. URL: <https://www.klett.ch/lehrwerke/deutsch-in-der-schweiz-ausgabe-ab-2009> (accessed: 18.07.2019).

- деятельностно-ориентированное обучение;
- постепенную языковую прогрессию как на уровне понимания, так и продуцирования речи;
- функциональный подход в изучении практической грамматики;
- формирование и развитие (языковых) стратегий обучения;
- интеграцию в учебный процесс диалектных особенностей швейцарского немецкого как неотъемлемой части швейцарской лингвокультуры;
- формирование базовых навыков ориентации в культурной, общественной и экономической жизни Швейцарии.

Таким образом, обучение немецкому языку с опорой на его вариативную негомогенность не только способствует формированию и развитию базовых компетенций, но и помогает осмыслению социолингвистических особенностей стандартных вариантов немецкого языка.

В методике обучения переводу во втором десятилетии XXI в. наметился новый подход, также базирующийся на теории плюрицентричности немецкого языка. Понимание диатопического языкового разнообразия как результата влияния политико-экономических, исторических и культурных факторов в странах немецкой речи предопределило потребность преподавания перевода с учетом лингвосистемных и прагматических различий существующих стандартных вариантов языка. Одним из самых дискутируемых вопросов в данной сфере является проблема, связанная с отсутствием доступа у переводчиков к специальным текстам (например, к юридическим) на национальных вариантах немецкого языка. Это ограничивает не только научные исследования специфики таких текстов, выявление их сущностных характеристик на различных языковых уровнях, но и негативно сказывается на практической подготовке специалистов в области перевода [Kubacki, 2016: 1].

Всем вышесказанным обусловлено введение плюрицентрического принципа в систему оценивания владения языком. Международные экзамены, базирующиеся на Общеввропейской шкале владения языком¹⁶, проводятся с учетом социолингвистических особенностей диатопических вариантов немецкого языка (в Германии – Goethe-Zertifikat, TestDaF/Test Deutsch als Fremdsprache, telc/The European Language Certificate; в Австрии – ÖSD/Österreichisches Sprachdiplom и др.). Однако в Швейцарии, где литературный немецкий язык

¹⁶ Gemeinsamer Europäischer Referenzrahmen für Sprachen (GER). URL: <http://www.europaecischer-referenzrahmen.de/> (accessed: 14.09.2019). Заметим, что в аббревиатурах, именующих данную категорию, наблюдается вариативность диатопического характера: акроним *GERS* используется, как правило, в Австрии, *GER* – в остальных немецкоязычных странах.

(Schweizer Hochdeutsch) используется преимущественно в письменной форме, предлагаются как немецкие, так и австрийские языковые тесты. Объяснить данное явление можно словами Л.Б. Копчук, которая отмечает, что «в отличие от Германии, где эталонность собственного языкового стандарта не ставится под сомнение, и Австрии, для жителей которой существование собственной национальной разновидности “австрийского немецкого” (“Österreichisches Deutsch”) является одним из важнейших факторов национального самосознания, населением немецкоязычной части Швейцарии наличие собственного языкового стандарта не осознается и практически не поддерживается» [Копчук, 2018: 344].

Отвечая на вопрос о наличии и использовании в процессе обучения справочной литературы по плюрицентричности немецкого языка, следует назвать не только новые, но и базовые, уже широко известные в академическом и преподавательском сообществах лексикографические источники, включающие своды произносительных, орфографических и грамматических правил. В Германии издается авторитетная 12-томная серия словарей Duden¹⁷. Высокий статус названных словарей в преподавательской среде как внутри Германии, так и за ее пределами подтверждают многочисленные статистические данные [Davies et al, 2014: 7]. Австрийские¹⁸ и швейцарские¹⁹ словари, выходящие уже не один десяток лет, отражают системные особенности соответствующих диалектических стандартов. Нельзя не отметить «Словарь вариантов немецкого языка»²⁰, впервые изданный в 2004 г. (в 2016 г. вышло в свет второе, значительно дополненное издание) и включающий многочисленные лексические варианты. Швейцарскими и австрийскими лингвистами завершен уникальный проект по вариантной грамматике немецкого языка²¹, который проводился с 2011 по 2018 г.

Таким образом, обращение к проблемам вариативности немецкого языка привело к пересмотру традиционных методов и подходов

¹⁷ См., напр.: *Duden. Die deutsche Rechtschreibung*. 27. Aufl. Berlin: Dudenverlag, 2017; и др.

¹⁸ *Österreichisches Wörterbuch*. 43., aktual. Aufl. Wien: öbv, 2016. 992 S.; *Wie sagt man in Österreich? Wörterbuch des österreichischen Deutsch*. 4. überarb. Aufl. Mannheim u.a.: Dudenverlag, 2009.

¹⁹ *Bickel H., Landolt Ch. Schweizerdeutsch. Wörterbuch der Standardsprache in der deutschen Schweiz*. Berlin: Duden, 2012; *Schweizerdeutsches Idiotikon*. URL: <https://www.idiotikon.ch/> (accessed: 19.08.2019).

²⁰ *Ammon U. et al. Variantenwörterbuch des Deutschen. Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol sowie Rumänien, Namibia und Mennonitensiedlungen*. 2., völlig neu bearb. Aufl. Berlin, Boston: de Gruyter, 2016.

²¹ *Dürscheid Chr., Elspaß St., Ziegler A. Variantengrammatik des Standarddeutschen*. URL: <http://www.variantengrammatik.net/projekt.html> (accessed: 19.08.2019).

в области лингводидактики. В настоящее время уже не вызывают разногласий вопросы плюрицентричности немецкого языка в аспекте методики его преподавания как иностранного и необходимости учета особенностей кодифицированных стандартов для подготовки переводчиков. Дискуссии ведутся по поводу отбора конкретного учебного материала, а также доступности материалов на национальных вариантах. Открытыми остаются вопросы об учете национального варианта немецкого языка в учебных планах школ (немецкоязычных) стран, о необходимости и возможности обучения педагогического состава в рамках преподавательского образования и повышения квалификации и др. Внимание к проблеме взаимодействия методики преподавания немецкого языка как иностранного и его плюрицентричности продиктовано той ролью, которую она играет в контексте развития конкретного вариантного стандарта немецкого языка и внутренней образовательной языковой политики, проводимой определенной немецкоязычной страной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Загряжская Т.Ю.* Феномен франкофонии: от универсализма к культурному разнообразию // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 9–23.
2. *Копчук Л.Б.* Проблема языкового стандарта в условиях диглоссии немецкого языка Швейцарии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 11(89). Ч. 2. С. 343–350.
3. *Прошина З.Г.* Контактная вариантология английского языка. Проблемы теории. М., 2017.
4. *Bettermann R.* ABCD-Thesen, die // Barkowski H., Krumm H.-J. (Hg.) Fachlexikon Deutsch als Fremd- und Zweitsprache. Stuttgart: UTB: Francke, 2010a. S. 1.
5. *Bettermann R.* D-A-CH-Konzept, das // Barkowski H., Krumm H.-J. (Hg.) Fachlexikon Deutsch als Fremd- und Zweitsprache. Stuttgart: UTB: Francke, 2010b. S. 41.
6. *Bimmel P.* et al. (Hg.) Fremdsprache Deutsch. 2007. Heft 37: Plurizentrik im Deutschunterricht. 64 S.
7. *Christen H.* Dialekt im Alltag: Eine empirische Untersuchung zur lokalen Komponente heutiger schweizerdeutscher Variante. Tübingen: Niemeyer, 1998.
8. *Davies W.* et al. Deutsch im gymnasialen Unterricht: Deutschland, Luxemburg und die deutschsprachige Schweiz im Vergleich // Sprachreport. 2014. Nr. 2. S. 2–9.
9. *Drumbl H.* et al. (Hg.) IDT 2013. Sprachenpolitik und Sprachenvielfalt. Bd. 8. Bozen-Bolzano: University Press, 2016.
10. *Hackl W.* et al. Integrierende Landeskunde – ein (gar nicht so) neuer Begriff // Theorie und Praxis. Österreichische Beiträge zu Deutsch als Fremdsprache. Jb. 1. 1997. S. 17–34.
11. *Kubacki A.D.* Der plurizentrische Ansatz in der Rechtsübersetzung. Eine Fallstudie zur schweizerhochdeutschen und bundesdeutschen Terminologie im Familienrecht // Lingwistyka Stosowana. 2016. Nr. 18:3, S. 67–79.
12. *Löffler H.* Germanistische Soziolinguistik. 4. Aufl. Berlin: Schmidt, 2010.
13. *Muhr R.* Das Österreichische Sprachdiplom Deutsch. Lernzielkataloge. Wien: ÖBV, 2000.

Anzhela I. Edlichko

**PLURICENTRICITY OF THE GERMAN LANGUAGE
AS A PROBLEM OF *LANGUAGE TEACHING METHODOLOGY***

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article focuses on the integration of standard varieties of the German language, functioning on the territory of German-speaking countries in the teaching process. The author is aiming at analyzing briefly the main stages of German as a foreign language teachers' interest in the mentioned issues. The major periods of the pluricentricity theory integration in the theory and practice of teaching German are discussed. The formation and the development of the DACH(L)-principle, the use of the concept of the German language variability in teaching languages and area studies, its integration into the process of language teaching on various levels of education are described. In addition, the problem of the diatopic functioning of the German language is analyzed in the framework of teaching translation. An overview of the literature, which codified the standards (dictionaries, grammar books, etc.), is also given. Special attention is paid to the review and analysis of textbooks and workbooks including phonetic, lexical, grammatical and pragmatic features of the German variety standards. The paper also raises the question of the relationship between the pluricentricity theory and the international German language tests. As a result of the study, the author comes to the conclusion regarding the major pedagogical potential of the pluricentricity theory of the German language.

Key words: pluricentricity; variety; German language; language teaching methodology; DACH(L)-conception; language and country studies; translation; language test; educational literature; dictionary; language education policy.

About the author: *Anzhela I. Edlichko* – PhD in Philology, Associate Professor at the Department of the German Language and Culture, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ang299@yandex.ru).

REFERENCES

1. Zagryazkina T.Yu. 2019. Fenomen frankofonii: ot universalizma k kul'turnomu raznoobraziyu [The Phenomenon of Francophonie: from Universalism to Cultural Diversity]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 9–23. (In Russ.)
2. Kopchuk L.B. 2018. Problema yazykovogo standarta v usloviyah diglossii nemeckogo yazyka Shvejtsarii [Language Standard Problem in the Conditions of Diglossia of the German Language in Switzerland]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, no. 11(89), vol. 2, pp. 343–350. (In Russ.)
3. Proshina Z.G. 2017. *Kontakt'naya variantologiya anglijskogo yazyka. Problemy teorii. World Englishes Paradigm* [Contact variantology of the English language. World Englishes paradigm. Problems of theory]. Moscow, Flinta. (In Russ.)
4. Bettermann R. 2010a. *ABCD-Thesen, die*. In H. Barkowski, H.-J. Krumm (Hg.) *Fachlexikon Deutsch als Fremd- und Zweitsprache*. Stuttgart, UTB: Francke, pp. 1. (In Germ.)

5. Bettermann R. 2010b. D-A-CH-Konzept, das. In H. Barkowski, H.-J. Krumm (Hg.) *Fachlexikon Deutsch als Fremd- und Zweitsprache*. Stuttgart, UTB: Francke, pp. 41. (In Germ.)
6. Bimmel P. et al. (Hg.) 2007. *Fremdsprache Deutsch*. Heft 37: Plurizentrik im Deutschunterricht. (In Germ.)
7. Christen H. 1998. *Dialekt im Alltag: Eine empirische Untersuchung zur lokalen Komponente heutiger schweizerdeutscher Variante*. Tübingen: Niemeyer. (In Germ.)
8. Davies W. et al. 2014. Deutsch im gymnasialen Unterricht: Deutschland, Luxemburg und die deutschsprachige Schweiz im Vergleich. *Sprachreport*, no. 2, pp. 2–9. (In Germ.)
9. Drumbl H. et al. (Hg.) 2016. *IDT 2013. Sprachenpolitik und Sprachenvielfalt*. Bozen-Bolzano: University Press. (In Germ.)
10. Hackl W. et al. 1997. Integrierende Landeskunde – ein (gar nicht so) neuer Begriff. *Theorie und Praxis. Österreichische Beiträge zu Deutsch als Fremdsprache*, no. 1, pp. 17–34. (In Germ.)
11. Kubacki A.D. 2016. Der plurizentrische Ansatz in der Rechtsübersetzung. Eine Fallstudie zur schweizerhochdeutschen und bundesdeutschen Terminologie im Familienrecht. *Lingwistyka Stosowana*, no. 18:3, pp. 67–79. (In Germ.)
12. Löffler H. 2010. *Germanistische Soziolinguistik*. Berlin: Schmidt. (In Germ.)
13. Muhr R. 2000. *Das Österreichische Sprachdiplom Deutsch. Lernzielkataloge*. Wien: öbv. (In Germ.)

М.Г. Бахтиозина, Г.С. Хачатрян

**ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОЙ ДЕЛОВОЙ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ
ПАРАДИГМЫ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Настоящая статья посвящена осмыслению теоретических и практических проблем реализации межкультурной деловой коммуникации, а также анализу существующих информационных, методических и дидактических источников, использование которых может способствовать формированию межкультурной компетенции и развитию необходимых умений и способностей в контексте современного языкового образования. В ходе межкультурного общения возникают конфликты, которые представляют собой барьер в осуществлении эффективной и успешной деловой коммуникации и оказывают негативное психологическое воздействие на ее участников. С целью выявления причин коммуникативных сбоев и культурных конфликтов в статье раскрывается и анализируется понятийное содержание термина «межкультурная коммуникация» и описывается его историческое развитие. Несмотря на то что на протяжении последних десятилетий интерес к проблемам межкультурного общения неуклонно растет, анализ методической литературы показал, что межкультурной коммуникации как таковой, а также развитию межкультурной компетенции в образовательном процессе не уделяется достаточно внимания. В статье авторы также обосновывают необходимость дополнения существующих учебных пособий по обучению английскому языку делового общения материалами и ресурсами, способствующими овладению основами межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; языковое образование; межкультурная компетенция; мультимодальный текст; английский язык делового общения.

На сегодняшний день цивилизация развивается путем расширения взаимных связей между различными странами, народами и их

Бахтиозина Марина Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: marbakh@mail.ru).

Хачатрян Гаяне Самвеловна – аспирант кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: gayan4ikx@mail.ru).

культурами. Современные технологии в сфере телекоммуникаций и транспорта привели к свободной миграции населения, и если межкультурная коммуникация раньше чаще всего осуществлялась между представителями отдельных профессий, то сейчас она является безусловной частью повседневной жизни миллионов людей. Более того, в связи с глобализацией и сопутствующими ей процессами, к которым можно отнести сращение международных компаний (Royal Dutch Shell, Asea Brown Boveri и др.), внешние и внутренние деловые коммуникации, тренинги, проводящиеся на иностранном языке, международные конференции и другие мероприятия, особую актуальность приобретает межкультурная деловая коммуникация.

Важно отметить, что деловая коммуникация на межкультурном уровне чревата конфликтными ситуациями по причине значительной ценностной нагруженности сталкивающихся интересов участников коммуникации и особенностей дискурса, которому характерны отличительные элементы, такие как специальная терминология и обилие графической информации. Различия, которые существуют между носителями разных культур, оказывают негативное психологическое воздействие на коммуникантов и представляют собой барьер в осуществлении успешной и продуктивной межкультурной деловой коммуникации. Устранение перечисленных трудностей возможно посредством стремления к успешному взаимодействию с представителями других культур и изучения проблем межкультурной коммуникации.

Существующие барьеры и конфликты, которые препятствуют эффективному общению в межкультурной деловой среде, вызывают особый интерес, как у научного сообщества, так и у специалистов в бизнес-среде. Так, проф. С.Г. Тер-Минасова в своей статье подчеркивает важность и растущий интерес к проблемам межкультурной коммуникации во всех сферах человеческой жизни, призывая людей, так или иначе связанных с коммуникацией с представителями иных культур, учитывать и изучать имеющиеся различия и расхождения в культуре, мировоззрении и восприятии действительности. Особую важность данная проблема приобретает непосредственно в парадигме современного бытия ввиду существующих барьеров: «для осуществления реальной – международной и межкультурной коммуникации, нужно преодолеть как минимум два барьера: один собственно языковой (фонетика, грамматика и т.п.), а другой – социокультурный (образ жизни, традиции, обычаи, нормы языка и поведения, видение – картину – мира через призму языка и т.п.)» [Тер-Минасова, 2019: 27].

Принимая во внимание описанные факты и существующие тенденции в развивающейся деловой среде, становится очевидным, насколько серьезными и важными являются проблемы реализации деловой межкультурной коммуникации. С целью выявления причин коммуникативных сбоев и конфликтов ввиду существующих культурных различий, для нас представляет особый интерес раскрытие содержания понятия «межкультурная коммуникация». Примечательно, что сам термин был введен в научный оборот Д. Трагером и Э. Холлом, где межкультурную коммуникацию представили в качестве идеальной цели, к которой стремится человек, желающий как можно эффективнее приспособиться к окружающему миру [Trager, Hall, 1954]. На данный момент существует два сформировавшихся направления в исследовании межкультурной коммуникации в США: первое характеризует межкультурную коммуникацию как общение между представителями разных культур и народов, второе нацелено на рассмотрение особенностей межкультурной коммуникации на уровне взаимодействия и общения субкультур в рамках одной общей культуры [Садохин, 2014].

Говоря об отечественной науке и системе образования, необходимо подчеркнуть, что к проблемам межкультурной коммуникации наблюдается возрастающий интерес. В России безусловным пионером в данной области является факультет иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, где предмету «Межкультурная коммуникация» уделяется особое внимание на всех ступенях высшего профессионального образования. Более того, хотелось бы отметить издание учебных пособий¹ по описываемой тематике и проведение ежегодных научных конференций, где рассматриваются проблемы межкультурной коммуникации. Подобные научные мероприятия проводятся не только в МГУ, но и в таких ведущих российских вузах, как ВШЭ², РУДН³, МГИМО⁴ и др.

¹ Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов. М., 2003; Гузикова М.О., Фофанова П.Ю. Основы теории межкультурной коммуникации: Учебное пособие. Екатеринбург, 2015; Лентович О.А. Россия и США: введение в межкультурную коммуникацию. Волгоград, 2003; Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М., 2014; Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.

² «Иностранные языки и межкультурная коммуникация: современные векторы развития и перспективы», «Стратегии межкультурной коммуникации в современном мире: культура, образование, политика».

³ «Функциональные аспекты межкультурной коммуникации и проблемы перевода», «Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте».

⁴ «Функциональные аспекты межкультурной коммуникации и проблемы перевода», «Магия ИННО: интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике».

Особую роль в реализации межкультурной коммуникации играет осознание значимости межкультурной компетенции⁵, с помощью которой осуществляется общение на иностранном языке, учитывая разницу стереотипов мышления и культур. В 1997 г. М. Байрам разработал модель межкультурной коммуникативной компетенции, формирование которой происходит путем развития определенных компонентов, которые позволяют говорящему в различной степени распознавать, понимать, интерпретировать и принимать образ жизни и мышление представителей других культур. Так, М. Байрам выделяет: отношения (*attitudes*), строящиеся между представителями разных культур; знания (*knowledge*), не ограничивающиеся поверхностными (стереотипными) воззрениями; умения обнаружения и взаимодействия (*skills of discovery and interaction*), заключающиеся в способности распознавать существенные явления в иной культурной среде; умения интерпретации и соотнесения (*skills of interpreting and relating*), характеризующиеся способностью интерпретировать документы или события другой культуры. Взаимодействие первых четырех компонентов межкультурной коммуникативной компетенции должно привести к развитию последнего элемента, а именно к формированию критического культурного осознания, что предполагает критическое оценивание родной и неродной культуры [Байрам, 1997].

Таким образом, становление межкультурной компетенции нужно рассматривать совместно с развитием способности обучающихся участвовать в диалоге культур на основе преодоления культурных барьеров, принципов взаимного уважения, а также терпимости к возможным различиям. Для обучения иностранному языку как средству деловой межкультурной коммуникации помимо всего вышеперечисленного необходимо создавать обстановку реального общения, устанавливать связь между учебным процессом и реальной жизнью, активно использовать иностранный язык в естественных ситуациях. Важным также представляется способность различать специфику поведения представителя иной культуры, что способствует предостережению возможных конфликтных ситуаций. «Для успешной мультикультурной коммуникации в контексте современного культурного супермногообразия необходимы, кроме языковых знаний и точности передачи содержания, еще и человеческие чувства – эмпатия, чуткость, даже тон, тембр голоса, манера, сочув-

⁵ Согласно М. Байраму, межкультурная компетенция представляет собой «способность общаться с представителями «других» социальных / культурных групп, выступать посредником между разными мнениями, внимательно относиться к оценке различий». *Byram M. Assessing intercultural competence in language teaching // Sprogforum. 2000. № 18 (6). P. 8–13.*

стве, – совместные чувства» [Молчанова, 2016: 11]. Следовательно, овладение иностранным языком делового общения не ограничивается лишь только освоением его лексических, синтаксических и грамматических особенностей. Принципиальное значение имеет также умение адекватно реагировать на речевое поведение носителей языка, использование формул делового этикета, уместное применение мимики и жестов, ознакомление с культурно-историческими и национальными особенностями, народными традициями, обычаями, социальной структурой общества и другими факторами.

Принимая во внимание ранее представленные особенности иноязычной деловой межкультурной коммуникации, интересным представляется изучение методик, программ, курсов, пособий и прочих ресурсов, направленных на развитие интересующей нас межкультурной компетенции непосредственно в деловой сфере. Говоря об **учебно-методических комплексах**, нельзя не заметить, что на сегодняшний день существует большое количество пособий, направленных на изучения английского языка делового общения, многие⁶ из которых предлагают использование дополнительного учебного материала (аудио-, видеоматериалы, сайты, тесты и т.д.). Необходимо отметить, что пособия направлены на развитие у обучающихся всех видов речевой деятельности. Тем не менее, учитывая современную обстановку в деловой среде, важным является обучение не только технической стороне языка, но и непосредственно развитие умений ведения межкультурной деловой коммуникации, которая включает множество факторов: правила этикета, наличие важных фоновых знаний, понимание условий и культуры общения и прочее. Действительно, в указанных пособиях можно найти тексты, включающие межкультурный аспект и соответствующие к ним задания, но, как правило, они в основном сформулированы в виде вопросов и обсуждений, что не дает полного представления об их практической пользе.

В качестве примера, разберем задания и упражнения, включенные в учебно-методический комплекс *Business result*⁷, предназначенный для изучающих деловой английский язык на уровне *Upper-intermediate*. В данном пособии присутствует отдельный раздел, посвященный межкультурному общению (“*Cultural differences*”).

⁶ *Duckworth M.* *Business result Upper-intermediate Student's Book.* Oxford, 2008; *Powell M.* *In company Upper-intermediate Student's Book.* Oxford, 2016; *Buckingham A.* *International Express Upper-intermediate Student's Book.* Oxford, 2014; *Owen R.* *BBC Business English.* BBC English, 1991; *Allison J.* *The Business 2.0 Upper-intermediate Student's Book.* 2nd edition edition. Oxford, 2013.

⁷ *Duckworth M.* *Business result Upper-intermediate Student's Book.* Oxford, 2008. P. 84.

В первую очередь обучающимся предлагают ознакомиться с коротким текстом, в котором тезисно представлены некоторые культурные различия отдельных стран. Далее необходимо ответить на несколько вопросов, выполнить ряд лексических упражнений и довольно поверхностно ознакомиться с тем, как строится бизнес в Индонезии. На этом этапе тема межкультурности закрывается, что дает нам основание полагать, что такой набор заданий и упражнений едва ли сможет помочь обучающимся хотя бы отдаленно понять суть проблемы межкультурной деловой коммуникации. Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и в других изданиях. Так, в пособии *International Express*⁸ в одном из разделов дается текст “Language – bridge or barrier?”, где описываются культурные и языковые разногласия в поликультурной среде. Работа с данным материалом ограничивается лишь несколькими вопросами, которые прилагаются к тексту. Таким образом, несмотря на растущий интерес к проблемам, возникающим в ситуациях межкультурной коммуникации в деловой среде, в учебных пособиях не уделяется достаточно внимания ни межкультурному общению, ни развитию межкультурной компетенции.

В современной методике преподавания иностранных языков существуют и активно применяются в учебном процессе различные задания, которые могут помочь в развитии межкультурной компетенции в деловой сфере. Представленные далее примеры методических технологий и приемов позволяют не только совершенствовать лексические и грамматические способности, но и развить необходимые в деловом общении коммуникативные умения. К подобным заданиям можно отнести:

- **проектную работу**, которая включает тематическое задание, цель которого и содержание определяются преподавателем и/или обучающимися. Результатом подобной работы может стать создание собственных учебных материалов и их представление остальным участникам группы;
- **ролевые игры**, где обучающимся предстоит действовать соответственно отведенной ему/ей роли, независимо от различий в нормах и стандартах поведения. Например, им предстоит решить задачу или обсудить определенную проблему, следуя нормам, ценностям и убеждениям, которые присущи иноязычной культуре;
- **дебаты** как форма образовательной деятельности способствуют решению множества задач. Так, наряду с развитием лингвисти-

⁸ *Buckingham A. International Express Upper-intermediate Student's Book. Oxford, 2014. P. 10.*

ческих умений, творческих и интеллектуальных способностей, дебаты формируют культуру спора, толерантность и терпимость по отношению к разногласию во мнениях, учат анализировать и критически осмысливать ситуацию или явление с различных позиций.

Развитие компьютерных технологий стало причиной существенных изменений в системе языкового образования. На сегодняшний день **социальные сети**, будучи незаменимым проводником для осуществления международного общения и установления деловых, культурных, личных и прочих контактов, источником получения информации различного характера, начиная от новостных порталов и заканчивая сферой развлечений, являются частью жизни миллионов людей по всему миру. В данном контексте интеграция социальных сетей в преподавание иностранных языков, которая способствует оптимизации образовательного процесса, повышению эффективности занятий и мотивации обучающихся, сегодня является необходимостью [Титова, 2016].

Наряду с уже описанными средствами обучения следует также отметить **мультимодальный текст**⁹, в котором коммуникативная ситуация представлена с использованием нескольких модальностей восприятия, конкретно зрения и слуха. Таким образом, он включает несколько методических источников (видео, аудио, текст, графическая информация) и, на наш взгляд, может способствовать развитию межкультурной компетенции посредством разнообразия своего содержания. Работа с мультимодальным текстом способствует интенсификации и повышению эффективности учебного процесса за счет комплексного восприятия информации.

В эпоху глобализации и технологизации многочисленность и разнообразие **подобных источников**¹⁰ не поддаются сомнению. В связи с этим встает вопрос относительно критериев отбора материала для развития необходимых умений и способностей, способствующих эффективной межкультурной деловой коммуникации. Так, при выборе материала в первую очередь нужно обращать внимание на такие показатели, как: наличие информационно-образовательной и социокультурной информации; соответствие профессиональной направленности информации; учет уровня интел-

⁹ А.А. Кибрик, определяя термин «мультимодальный», основывается на существующем в нейрофизиологии и информатике толковании модальности в качестве «типа внешнего стимула, воспринимаемого одним из чувств человека, в первую очередь зрением и слухом». См.: *Кибрик А.А.* Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования. 2010. № 4. С. 134–152.

¹⁰ URL: <https://www.bbc.com/news>; URL: <https://www.cio.com/>; URL: <http://money.cnn.com>; <https://www.awb.org/videos/>; URL: <https://www.euronews.com/>

лектуальной и языковой подготовки студентов; аутентичность используемых источников. Работа с подобным материалом повышает осведомленность обучающихся и способствует развитию критического мышления, так как мультимодальный текст создан в результате интеллектуальной работы отдельного индивида, а задача аудитории не просто пассивно потреблять информацию, а критически ее воспринимать и делать соответствующие выводы.

Очевидно, что международный бизнес на сегодняшний день играет ключевую роль в функционировании мировой экономики. Вместе с ростом корпораций возрастает важность международного и межкультурного общения в бизнес-среде. В связи с этим особую актуальность приобретает корпоративное обучение, которое «является важным элементом развития, ведущим к повышению эффективности, персонала» [Бахтиозина, 2018: 34]. Многие основные компании, в частности, IBM, Accenture, Coca-cola и др., признают важность коммуникации на межкультурном уровне. В связи с этим были запущены программы, которые помогают сотрудникам вести переговоры, посещать деловые встречи, проводить презентации и создавать успешные деловые отношения с иностранными коллегами. Новостной портал Business Today¹¹ опубликовал статью, где описываются эти три перечисленные компании, которые обучают своих подчиненных особенностям межкультурного общения, что впоследствии помогает в процессе заключения сделок и получения преимущества над конкурентами. Так, примером может служить заключение сделки между IBM и некой голландской компанией. На момент переговоров у IBM было четыре конкурента, тем не менее это не помешало им заключить контракт. Сотрудникам удалось рационально проанализировать ситуацию и назначить деловую встречу в ресторане на набережной, вид из которого напомнил голландцам их родину. Подобное решение продемонстрировало уважение к партнерам и привело к психологическому равновесию, повлияв, таким образом, на исход деловых переговоров.

Понимание культуры, норм и стилей общения, ценностей и других аспектов зачастую является самым быстрым способом в решении бизнес-задач. Для успешного делового общения с иностранными партнерами и коллегами необходимо не только знание языка, но и культуры собеседника. Происходящие изменения в мировой деловой среде требуют организации особого поведения в мультикультурной среде, которое способствовало бы предупреждению куль-

¹¹ *Mithel M. Adapt to Conquer: Understanding other cultures in a globalised business world important // Business Today. 24.06 2012. URL: <https://www.businesstoday.in/magazine/careers/understanding-other-cultures-significant-for-career/story/185107.html> (accessed: 21.06.2019).*

турных конфликтов между участниками коммуникативного акта и формированию готовности к обнаружению оптимальных путей достижения целей в ситуациях столкновения культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтиозина М.Г.* Корпоративное обучение иностранным языкам: эффективность, индивидуализация, диалогичность // Сборник научных и учебно-методических трудов. 2018. № 15. С. 34.
2. *Молчанова Г.Г.* Кто боится Гирта Хофстеде? Преподавание межкультурной коммуникации и перевода в условиях нарастающей культурной гибридности // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4. С. 9–16.
3. *Садохин А.П.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. М., 2014.
4. *Тер-Минасова С.Г.* Роль факультета иностранных языков и регионоведения как флагамена языкового образования в России // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 19–37.
5. *Тимова С.В.* Социальные сервисы в преподавании иностранных языков: перспективы использования. URL: <http://lib2.znate.ru/docs/index-348528.html> (дата обращения: 10.06.2019).
6. *Byram M.* Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence. Clevedon, UK, 1997.
7. *Samovar L.A., Porter R.E., McDaniel E.R.* Intercultural Communication: A Reader. 13th edition. Boston, 2012.
8. *Trager G., Hall E.* Culture as Communication: A Model and Analysis. N.Y., 1954.

Marina G. Bakhtiozina, Gaiane S. Khachatryan

LANGUAGE EDUCATION AS A FACTOR OF THE DEVELOPMENT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE CONTEXT OF MODERN BUSINESS POLICULTURAL ENVIRONMENT

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article is dedicated to a number of theoretical and practical problems of intercultural business communication. The main focus is put on the analysis of the existing data and didactic sources designed to develop intercultural competence, required skills and abilities that ensure efficient communication in multicultural environment. It is generally accepted that conflicts arise as a result of a clash between individuals that belong to different social, cultural, religious and other groups, having negative psychological effect on communicators. These conflicts are difficult to avoid since people pursue individual self-interests lacking skills that could help them succeed in cross-cultural communication. In order to identify the underlying causes and issues of communication barriers and origins of cultural conflicts the authors investigate the content of the notion “intercultural communication” and speculate on its historical development. Despite the burgeoning interest paid to the issue in

academic and business circles, we still witness lack of attention given to the development of intercultural communication and intercultural competence within the framework of educational process. The authors justify the need for implementation of some alternative technologies and resources such as multimodal texts, social networks, individual and group projects, role-play and debates as supplementary sources for existing Business English textbooks.

Key words: intercultural communication; language education; intercultural competence; multimodal text; English language of business communication.

About the authors: *Marina G. Bakhtiozina* – PhD in Philology, Associate Professor of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: marbakh@mail.ru); *Gaiane S. Khachatryan* – postgraduate student of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: gayan4ikx@mail.ru).

REFERENCES

1. Bakhtiozina M.G. 2018. *Korporativnoye obucheniye inostrannym yazykam: effektivnost. individualizatsiya. dialogichnost* [Business language teaching: effectiveness, individualization, dialogism]. Moscow, «KDU». (In Russ.)
2. Molchanova G.G. 2016. Kto boitsya girta khofstede? Prepodavaniye mezhkulturnoy kommunikatsii i perevoda v usloviyakh narastayushchey kulturnoy gibridnosti [Who is afraid of Geert Hofstede? Teaching Intercultural Communication and Translation in the Context of Growing Cultural Hybridity]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 9–16. (In Russ.)
3. Sadokhin A.P. 2014. *Vvedeniye v teoriyu mezhkulturnoy kommunikatsii* [Introduction to the theory of intercultural communication]. Moscow, KIORUS. (In Russ.)
4. Ter-Minasova S.G. 2019. Rol fakulteta inostrannykh yazykov i regionovedeniya kak flagmana yazykovogo obrazovaniya v Rossii [The part of the faculty of foreign languages and areastudies as the flagship of language education in Russia]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 19–37. (In Russ.)
5. Titova S.V. *Sotsialnyye servisy v prepodavanii inostrannykh yazykov: perspektivy ispolzovaniya* [Social networks in foreign language teaching: perspective of using]. URL: <http://lib2.znate.ru/docs/index-348528.html> (accessed: 10.06.2019). (In Russ.)
6. Byram M. 1997. *Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence*. Clevedon, UK: Multilingual Matters.
7. Samovar L.A., Porter R.E., McDaniel E.R. 2012. *Intercultural Communication: A Reader*. 13th edition. Boston, Wadsworth / Cengage Learnin.
8. Trager G., Hall E. 1954. *Culture as Communication: A Model and Analysis*. New York.

И.В. Харламенко

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ НЕФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ К УСТНОМУ ЭКЗАМЕНУ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена вопросу подготовки студентов нефилологического профиля к устному экзамену по английскому языку за курс бакалавриата. Проанализированы исследования К. Чодрона, В. Кука, Д. Нанэна, Р. Элиса, Дж. Скривенера, К. Песе, А.А. Коренева и Д.С. Бабаевой, рассматривающие соотношение между временем говорения педагога и временем говорения студентов на занятиях по иностранному языку. Определено соотношение 30% на 70% как оптимальное для практики устной речи. Сделан вывод о возможности увеличения времени говорения студентов за счет привлечения парной и групповой работы.

Особенности подготовки студентов к устной части экзамена по иностранному языку рассмотрены на примере биологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Устная часть экзамена по английскому языку за курс бакалавриата включает три задания: подготовленное монологическое высказывание на тему личных и научных интересов экзаменуемого; спонтанный монолог-описание с опорой на визуальные материалы биологической тематики и диалог с преподавателем в продолжение обсуждения явления, изображенного на визуальной опоре. Перечислены трудности, характерные для каждого из заданий, с которыми сталкиваются обучающиеся во время сдачи устной части экзамена по иностранному языку. Предложены возможные решения по преодолению сложностей, связанных с недостаточной практикой устной речи.

Ключевые слова: устная речь; устно-речевые умения; практика устной речи; иностранный язык; неязыковой вуз; экзаменационные задания; неподготовленная речь; сложности говорения; трудности говорения.

Сложно переоценить роль говорения как одного из видов речевой деятельности при изучении иностранного языка. Среди возможных трудностей говорения Е.Н. Соловова отмечает стеснительность, боязнь совершить ошибку и вызвать критику со стороны окружения, непонимание речевой задачи обучающимися, недостаточность языковых и речевых средств для решения коммуникативной задачи,

Харламенко Инна Владимировна – преподаватель факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ikharlamenko@yandex.ru).

недостаток информации по обсуждаемому вопросу для содержательного наполнения устного ответа и переход на родной язык, особенно при парных и групповых формах работы [Соловова, 2010: 166].

Для многих обучающихся научиться говорить на английском языке грамотно является приоритетной, хотя и сложной задачей [Hedge, 2000: 261] не только с точки зрения сформированности лексическо-грамматических, но и произносительных навыков [Колесникова, Маслова, 2019]. Обучение говорению на иностранном языке в условиях неязыковых вузов еще более непростая задача.

Несмотря на то что дисциплина «Иностранный язык» относится к базовой части ООП и является обязательной, ситуация, когда на освоение данной дисциплины отводится крайне ограниченное количество часов в рамках учебного плана, типична для естественно-научных факультетов МГУ, в частности, для таких направлений, как 06.03.01 «Биология» на биологическом факультете¹, 06.01.01 «Лечебное дело» на факультете фундаментальной медицины², ИБ 06.03.02 «Почвоведение» и ИБ 05.03.06 «Экология и природоиспользование» на факультете почвоведения³ и др.

Недостаточность часов контактной работы студента с преподавателем, нацеленность прежде всего на заучивание терминов и обучение переводу текстов по специальности [Свириденко, 2013] зачастую оставляют мало возможностей для преподавателя иностранного языка полноценно развивать устно-речевые умения студентов нефилологического профиля. Говорение на иностранном языке как один из видов речевой деятельности требует планомерной отработки и поиска новых эффективных решений.

В рамках традиционных подходов, когда ключевой фигурой на занятиях по иностранному языку выступает преподаватель, большая часть времени говорения, даже на тех занятиях, целью которых является практика устной речи, приходится на долю преподавателя. По наблюдениям К. Чодрона [Chaudron, 1988] и В. Кука [Cook, 2000], цифры могут доходить до 70% аудиторного времени, а порой и до

¹ Полубиченко Л.В., Фурсова А.А. Рабочая программа дисциплины Иностранный язык (английский) для направления подготовки Биология (бакалавриат): Сб. программ кафедры английского языка для естественных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (биологический факультет). М., 2018. С. 3–35.

² Полубиченко Л.В., Глинская Н.П. Сборник программ кафедры английского языка для естественных факультетов (факультет фундаментальной медицины). М., 2018.

³ Полубиченко Л.В., Егорова О.А. Сборник программ кафедры английского языка для естественных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения. М., 2018.

80% [Nunan, 2003: 55]. Речь преподавателя, направленная к обучающимся, часто бывает упрощенной и носит формальный характер [Ellis, 1985: 145]. Отмечается, что в такой ситуации обучающиеся плохо вовлечены в познавательную деятельность и эффективность занятия снижается [Scrivener, 2011].

Вопросом разумного распределения между временем говорения педагога (*Teacher Talking Time*) и временем говорения студентов (*Student Talking Time*) задавались многие исследователи. По мнению К. Песе⁴, целесообразно, чтобы первоначальное соотношение 50% на 50% на начальном уровне изучения иностранного языка постепенно смещалось в сторону увеличения доли речи студентов и достигало 90% времени говорения студентов на продвинутом уровне.

А.А. Коренев и Д.С. Бабаева на основе анализа методической литературы сделали вывод, что оптимальное соотношение между временем говорения педагога и студентов – это 30% на 70%. К сожалению, как видно из анализа 10 показательных видеуроков по иностранному языку в рамках конкурса «Учитель года», даже педагоги, принимавшие в нем участие, нарушали баланс и выделяли на собственную речь больше времени. В некоторых случаях, стремясь заполнить паузы и избежать периодов тишины на уроке, учитель говорил 81% времени [Коренев, Бабаева, 2018: 153].

Увеличить практику устной речи возможно при активном привлечении парной и групповой работы в рамках студентоориентированного обучения. При таком подходе основными собеседниками становятся другие обучающиеся, а не преподаватель, что существенно снижает уровень тревожности перед возможными ошибками и способствует более высокой вовлеченности в образовательный процесс. По подсчетам Л. Джоунса, даже в больших классах, например, 50 человек, при условии того, что речь преподавателя занимает 50% занятия, при работе в группах из четырех человек каждый студент сможет говорить 25% времени, а при работе в парах время увеличивается до 50% [Jones, 2007: 40]. Более того, задания должны носить коммуникативный характер, что будет способствовать потребности обучающихся принять участие в коммуникации.

Рассмотрим в качестве примера подготовку к устному экзамену на биологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Введение с 2014 г. итогового экзамена по английскому языку за курс бакалавриата в формате международных экзаменов потребовало пересмотра методики обучения [Полубиченко, 2014], в том числе методики обучения говорению и изменения формы контроля.

⁴ Pesce C. 2010. 7 Techniques that Will Increase Student Talking Time – Exponentially! URL: <https://busyteacher.org/13959-how-to-increase-student-talking-time-7-techniques.html> (дата обращения 15.12.2018).

В устную часть экзамена включены *три задания*: подготовленное монологическое высказывание на тему личных и научных интересов экзаменуемого; спонтанный монолог-описание с опорой на визуальные материалы биологической тематики и диалог с преподавателем в продолжение обсуждения темы из предыдущего задания [Харламенко, Нохрина, 2016].

Таким образом, проверке подлежат монологические и диалогические устные умения студентов, в условиях подготовленной и неподготовленной речи. Разработанные с этой целью критерии оценивания устного ответа студентов-биологов включают следующие параметры: лексико-грамматическое оформление речи; сформированность фонетических навыков; сформированность умений монологической подготовленной речи и монологической спонтанной речи; сформированность умений диалогической речи; полнота лексического запаса терминов специальности [Харламенко, Нохрина, 2018].

Опыт работы автора статьи в экзаменационной комиссии кафедры английского языка для естественных факультетов показал, что существуют проблемы, с которыми студенты-биологи сталкиваются во время сдачи устной части экзамена. Можно предположить, что подобные сложности будут возникать и у студентов других неязыковых факультетов. Для каждого из заданий, входящих в устную часть экзамена, можно выделить ряд трудностей и предложить возможные способы их преодоления во время подготовки к экзамену.

Задание № 1

Подготовленное монологическое высказывание на тему личных и научных интересов экзаменуемого

Трудности	Возможные решения со стороны преподавателя во время подготовки к экзамену
1) Экзаменуемые испытывают сложности с выстраиванием монологического высказывания, поскольку недостаточно хорошо его структурируют и недостаточно используют средства логической связи	1) Предложить студентам план монологического высказывания, список фраз-клише для каждого пункта плана, список средств логической связи
2) Экзаменуемые испытывают сложности с соблюдением временных рамок монологического высказывания	2) Предложить студентам делать аудиозаписи с соблюдением временных рамок и отправлять их на проверку преподавателю. Использовать практику самооценивания по критериям оценивания

**Спонтанный монолог-описание с опорой на визуальные материалы
биологической тематики**

Трудности	Возможные решения со стороны преподавателя во время подготовки к экзамену
1) Экзаменуемые боятся, что им будет нечего сказать по тематике предложенной визуальной опоры	1) Предложить список наводящих вопросов по каждой теме: орган/структура, система органов, цикл живой и неживой природы, влияние на человеческий организм, биологический процесс, описание процедуры/эксперимента и т.д. Предложить студентам делать аудиозаписи с опорой на предъявляемые визуальные опоры и отправлять их на проверку преподавателю или сокурсникам. Использовать парную и групповую работу для обсуждения экспериментов/циклов/процессов, изображенных на визуальной опоре. Использовать практику взаимного оценивания
2) Экзаменуемые боятся увидеть незнакомую лексику в визуальной опоре и тратят много времени на прочитывание и вспоминание слов	2) Предложить лексический минимум по каждой теме. Предложить список выражений, позволяющих выразить сомнение и предположение

Диалог с преподавателем

Трудности	Возможные решения со стороны преподавателя во время подготовки к экзамену
1) Экзаменуемые боятся, что не расслышат или неправильно поймут вопрос преподавателя-экзаменатора	1) Предложить список выражений для переспрашивания и уточнения информации, полученной от собеседника. Использовать парную и групповую работу для обсуждения вопросов из различных биологических тем
2) Экзаменуемые боятся, что дадут ответ, неверный с точки зрения биологии	2) Ознакомить студентов с критериями оценивания. Основная цель ответа – продемонстрировать способность использовать иностранный язык для профессионального общения, а не показать знания по биологии

Перечисленные трудности, которые возникают при сдаче устного экзамена по иностранному языку у студентов нефилологического профиля, могут быть преодолены в процессе подготовки к экзамену при соблюдении следующих условий:

- увеличение доли времени говорения студента во время контактной работы;

- применение парной и групповой работы, во время которой преподаватель играет роль организатора практики устной речи;
- ознакомление студентов с критериями оценивания устного ответа, чтобы они заранее понимали, что от них требуется во время экзамена;
- применение практики самооценивания и взаимооценивания в соответствии с критериями оценивания;
- применение средств цифровых технологий для записи заданий и отправки ответов на проверку преподавателю или другим участникам образовательного процесса.

Помимо этого, необходимо разработать ряд заданий, способствующих увеличению доли времени говорения студентов и эффективной подготовке студентов к устной части экзамена по иностранному языку за курс бакалавриата на уровень В2 по общеевропейской шкале оценивания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесникова А.Н., Маслова А.А. Through the eyes of high school students: which English pronunciation norm to study in Russia? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 115–123.
2. Корнев А.А., Бабаева Д.С. Средства оптимизации соотношения времени говорения обучающихся и педагога на уроке иностранного языка // Сборник научных и учебно-методических трудов. Вып. 15 / Под общ. ред. проф. С.Г. Тер-Минасовой и доц. М.Г. Бахтиозиной. М., 2018. С. 49–54.
3. Полубиченко Л.В. Формирование единства иноязычной образовательной среды в российском классическом университете // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 42–51.
4. Свириденко О.Ю. Формирование системы контроля курса «Английский для академических целей» (на примере студентов III–V курсов механико-математического факультета МГУ) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 53–60.
5. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс: Пособие для студентов пед. вузов и учителей. 3-е изд. М., 2010.
6. Харламенко И.В., Нохрина В.В. Критерии оценивания устного ответа студентов-биологов на иностранном языке на уровне В2 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 102–109.
7. Харламенко И.В., Нохрина В.В. Опыт и результаты проведения итогового сертификационного экзамена за бакалавриат по английскому языку на уровень В2 на Биологическом факультете МГУ // Учитель, ученик, учебник: материалы VIII Межд. науч.-практич. конференции: Сб. статей. Т. 2 / Отв. ред. И.Л. Лебедева. М., 2016. С. 392–400.
8. Chaudron C. 1988. Second Language Classrooms: Research on Teaching and Learning. Cambridge.
9. Cook V. 2000. Second Language Learning and Language Teaching (2nd Edition). Beijing.
10. Ellis R. 1985. Understanding Second Language Acquisition. Shanghai.
11. Hedge T. 2000. Teaching and Learning in the Language Classroom. Oxford.
12. Jones L. 2007. The Student-Centered Classroom. Cambridge.

13. Nunan D. (Ed.) 2003. Practical English Language Teaching. N.Y.
14. Scrivener J. 2011. Learning Teaching. Cambridge.

Inna V. Kharlamenko

ON PREPARING SCIENCE STUDENTS FOR AN ORAL FOREIGN LANGUAGE EXAM

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article is devoted to the issue of preparing science students for an oral exam in English. The author analyzed the data of research considering the relationship between Teacher Talking Time and Student Talking Time in a foreign language classroom, conducted by C. Chaudron, V. Cook, D. Nunan, R. Ellis, C. Pesce, A. Korenev and D. Babaeva. The ratio of 30% to 70% was determined as optimal for oral speech practice and the conclusion is made that it is possible to increase Student Talking Time with the help of pair and group work.

The methods of preparing students for an oral foreign language examination are analyzed on the basis of teaching strategies at the biological faculty of Lomonosov Moscow State University. The English language oral exam for undergraduate students consists of the following three tasks: a prepared monologue on the subject of personal and scientific interests of the examinee; an impromptu monologue-description based on visual materials on biological topics, and a dialogue with the teacher to continue the discussion of the topic presented in the visual materials. The possible difficulties that students face doing each task during an oral foreign language exam are listed. The author has proposed some solutions to overcome the difficulties associated with the insufficient practice of oral speech.

Key words: oral speech; speaking skills; oral practice; foreign language; non-linguistic university; exam tasks; impromptu speech; difficulties of oral speech.

About the author: *Inna V. Kharlamenko* – Lecturer, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ikharlamenko@yandex.ru).

REFERENCES

1. Kolesnikova A.N., Maslova A.A. 2019. Through the eyes of high school students: which English pronunciation norm to study in Russia? *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 115–123.
2. Korenev A.A., Babaeva D.S. 2018. *Sredstva optimizatsii sootnosheniya vremeni govoreniya obuchayushchikhsya i pedagoga na uroke inostrannogo yazyka* [Means of optimizing the ratio between student talking time and teacher talking time in foreign language class]. In Prof. Ter-Minasova S.G., Ass. Prof. Bakhtiozina M.G. (eds.) *Sbornik nauchnykh i uchebno-metodicheskikh trudov* [Collection of Academic and Scientific Works], no. 15, pp. 49–54. Moscow, KDU. (In Russ.)
3. Polubichenko L.V. 2014. Formirovanie edinstva inoyazychnoi obrazovatel'noi sredy v rossiiskom klassicheskom universitete [Building the unity of foreign language

learning environment in the Russian classical university]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 42–51. (In Russ.)

4. Sviridenko O.Yu. 2013. Formirovanie sistemy kontrolya kursa “angliiskii dlya akademicheskikh tselei” (na primere studentov III–V kursov mekhaniko-matematicheskogo fakul'teta MGU) [The Formation of the System of Control of the Course “English for Academic Purposes” (Case Study of 3rd and 4th year Students of the Faculty of Mechanics and Mathematics at Moscow State University)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 53–60. (In Russ.)
5. Solovova E.N. 2010. *Metodika obucheniya inostrannym yazykam: bazovyi kurs : posobie dlya studentov ped. vuzov i uchitelei* [Methodology of Foreign Language Teaching: Basic Course: Textbook for Students of Pedagogical Universities and Teachers. 3rd edition]. Moscow, AST: Astrel': Poligrafizdat. (In Russ.)
6. Kharlamenko I.V., Nokhrina V.V. 2018. Kriterii otsenivaniya ustnogo otveta studentov-biologov na inostrannom yazyke na urovne B2 [Criteria for assessing oral English exam at B2 level (biology students)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 102–109. (In Russ.)
7. Kharlamenko I.V., Nokhrina V.V. 2016. *Opyt i rezul'taty provedeniya itogovogo sertifikatsionnogo ekzamina za bakalavriat po angliiskomu yazyku na uroven' b2 na Biologicheskom fakul'tete MGU* [Final English language assessment (CEFR level B2) for bachelor students of MSU Biological Faculty]. In *Lebedeva I.L. (ed). Uchitel', uchenik, uchebnik: materialy VIII Mezhdunarodnoi nauch.-prakt. konf* [Teacher, learner, textbook: Proceedings of the VIII conference], vol. 2, pp. 392–400. Moscow, KDU. (In Russ.)
8. Chaudron C. 1988. *Second Language Classrooms: Research on Teaching and Learning*. Cambridge, Cambridge University Press.
9. Cook V. 2000. *Second Language Learning and Language Teaching (2nd Edition)*. Beijing, Foreign Language Teaching and Research Press.
10. Ellis R. 1985. *Understanding Second Language Acquisition*. Shanghai, Shanghai Foreign Language Education Press.
11. Hedge T. 2000. *Teaching and Learning in the Language Classroom*. Oxford, Oxford University Press.
12. Jones L. 2007. *The Student-Centered Classroom*. Cambridge, Cambridge University Press.
13. Nunan D. (Ed.) 2003. *Practical English Language Teaching*. New York, McGraw Hill.
14. Scrivener J. 2011. *Learning Teaching*. Cambridge, Cambridge University Press.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

А.С. Изволенская

“THE CATCHER IN THE RYE”: ГОЛОС, ПОТЕРЯННЫЙ В ПЕРЕВОДЕ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

The genius of Salinger is that... he told
us exactly what it feels like to feel too much.

Charles D'Ambrosio

Данная статья имеет своей целью прояснить и уточнить подход к некоторым проблемам, связанным с переводом повести Дж.Д. Сэлинджера “The catcher in the rye” (1951), представленной на данный момент пятью русскоязычными версиями. Обосновывается необходимость изучения коммуникативного воздействия оригинала на исходного (американского) реципиента и его сопоставления с реакцией вторичного (русскоязычного) реципиента на перевод как неотъемлемой части предпереводческого анализа неоднократно переведившегося текста. Выдвигается предположение о том, что данные исследования коммуникативного воздействия помогут выработать надежные критерии для критики существующих переводов и способствовать повышению качества новых. Высказывается и мнение о том, что проблема передачи стилистически маркированной лексики (в частности, сленга) для достижения адекватности перевода¹ данного произведения является далеко не первостепенной. В фокусе анализа – версии Риты Райт-Ковалевой (1960) и Максима Немцова (2008) ввиду их относительной известности по сравнению с тремя другими (С. Махова, 1998; Я. Вала, 2009; Я. Лотовского, 2010) и, соответственно, наличия задокументированной реакции как специалистов, так и широкого читателя. Особое внимание уделяется проблеме трансляции голоса героя на уровне цели высказывания² с учетом авторского замысла, с одной стороны, и социолингвистических факторов – с другой.

Ключевые слова: Сэлинджер; «Над пропастью во ржи»; Холден Колфилд; перевод; коммуникативный эффект (воздействие).

Изволенская Анна Сергеевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка для естественных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: anna@izvolensky.ru).

¹ Мы исходим из определения адекватного перевода, данного Н.В. Шамоной.

² По классификации В.Н. Комиссарова.

Обосновывая свое нежелание видеть ни театральную постановку, ни экранизацию “The catcher in the rye”, Сэлинджер в письме продюсеру, некоему мистеру Герберту, писал, что главное достоинство этой книги – «голос рассказчика, его [голоса] бесконечная оригинальность»³. Критика повести и ее переводов часто проводится именно в контексте трансляции голоса главного героя: несколько поколений американцев, «очарованных» голосом Холдена Колфилда [McNally, 2001: 116]; «полнейшая глухота» переводчика, как писала Нора Галь о тексте Сергея Махова [Галь, 1997: 71]; голос Холдена, как глоток свежего воздуха для советского читателя, который, живя в СССР, «как никто другой знал, что такое “phony”» [Johnson, 2013]. Жак Деррида, рассуждая о гносеологической роли языка, придавал особое значение голосу звучащей живой речи: голос «наилучшим образом сохраняет идеальность и живое присутствие во всех формах» [Деррида, 1999: 19–20].

Прежде всего стоит отметить, что главнейшим из требований, предъявляемых к переводу, является коммуникативно-прагматическая эквивалентность – передача коммуникативного эффекта исходного текста [Швейцер, 2019: 81]. Не касаясь проблемы исследования реакций американского и советского читателей 1950–1960-х годов, важно все же изучить коммуникативное воздействие оригинала и его самых известных переводов на соответствующих реципиентов на рубеже XX–XXI вв. Американский читатель (познакомившись с повестью, как правило, в средней школе) часто ассоциирует себя с Холденом, чем, возможно, объясняется «магия»⁴ текста. «Как и всему моему поколению, мне казалось, что он [Сэлинджер] пишет про меня» (сценарист Роберт Таун)⁵. Голос «искренний, разоблачающий, пробирающий до глубины души» (писатель Том Вульф)⁶. Холден – «мрачный остряк» (писатель Уолтер Керн)⁷. Писательница Рене Штайнке, вспоминая о впечатлениях от прочтения повести, отмечает, что увлечение Сэлинджером в про-

³ Фотокопия письма Дж. Д. Сэлинджера относительно прав на экранизацию “The catcher in the rye”. URL: <http://collider.com/catcher-in-the-rye-movie-rejection-jd-salinger/> (accessed: 22.08.2019).

⁴ Из интервью с актерами Э. Нортоном (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=63SmYDhQBzE>) и Ф.С. Хоффманом (URL: https://www.youtube.com/watch?v=_JSFr7YdKLE&t=211s) (accessed: 22.08.2019).

⁵ Из документального фильма о Сэлинджере. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_JSFr7YdKLE&t=211s (accessed: 22.08.2019).

⁶ Там же.

⁷ *Kirm W.* Good-bye, Holden Caulfield. I mean it. Go! Good-bye! // With love and squalor: 14 writers respond to the work of J.D. Salinger. N.Y., 2001. P. 10.

винциальном Техасе было чем-то «пленительно заульным» (“glamorously mandarin”)⁸.

Подобную (хотя и намного более бледную) реакцию вызывает у русскоговорящего читателя версия Р. Райт-Ковалевой. Еще Корней Чуковский отмечал ее талант к воспроизведению «психологической сущности фразы» [Чуковский, 2015: 112]. Н. Галь также писала о ее мастерстве, подчеркивая умение передать тон и интонацию Холдена [Галь, 1997: 71]. А вот переводчик Виктор Голышев указал на «некоторое душевное несовпадение» [Голышев, 2008]. Однако при всех возможных «душевных несовпадениях» текста Райт-Ковалевой (рассмотрение которых, безусловно, требует отдельного внимания) ей удалось создать целостный образ Холдена, голос которого нашел отклик в сердцах не одного поколения русскоязычных читателей [там же]. Речь же Холдена в версии Немцова – слабый отголосок ироничной речи юноши из благополучной семьи. Сравним:

Таблица 1

“The catcher in the rye” (J.D. Salinger)	«Над пропастью во ржи» (Р. Райт-Ковалева)	«Ловец на хлебном поле» (М. Немцов)
“Every time I came to the end of a block and stepped off the goddam curb, I had this feeling that I’d never get to the other side of the street. I thought I’d just go down , down, down, and nobody’d ever see me again. Boy, did it scare me... Then I started doing something else. Every time I’d get to the end of a block I’d make believe I was talking to my brother Allie . I’d say to him, “Allie, don’t let me disappear ”...” ⁹	«Каждый раз, когда я доходил до конца квартала и переходил с тротуара на мостовую, мне вдруг начинало казаться, что я никак не смогу перейти на ту сторону. Мне казалось, что я вдруг провалюсь вниз , вниз, вниз и больше меня так и не увидят. Ох, до чего я перепугался... И тут я стал проделывать одну штуку. Только дойду до угла, сразу начинаю разговаривать с моим братом , с Алли. Я ему говорю: “Алли, не дай мне пропасть! ”...” ¹⁰	«Только дойду до конца квартала, только соступлю, на фиг , с бордюра, как такое чувство, что дорогу ни шиша не перейду. А буду тонуть и тонуть, и никто меня больше не увидит. Ух как я обоссался... А потом я еще чего-то начал. Как дойду до перекрестка, так начинаю вроде как со своим братцем Олли разговаривать... “Олли, не дай мне исчезнуть ”...” ¹¹

⁸ *Steinke R.* The peppy girls of Friendswood, Texas // With love and squalor: 14 writers respond to the work of J.D. Salinger. P. 20.

⁹ *Salinger J.D.* The Catcher in the Rye. L., 2010. P. 213.

¹⁰ *Сэлинджер Джером Д.* Над пропастью во ржи. М., 2004. С. 221.

¹¹ *Сэлинджер Дж.Д.* Ловец на хлебном поле. М., 2017. С. 295.

Неточно переданное референциальное содержание и некорректно выраженная экспрессивность приводят в версии Немцова к искажению образа говорящего. Бредущий по Пятой Авеню Холден, чтобы побороть паническую атаку, начинает мысленно звать умершего от лейкемии младшего брата (слово «братец» фамильярно и потому не совсем уместно). Волевой характер этого решения (“I’d make believe I was talking”) отражен в версии Райт-Ковалевой, в то время как немцовский Холден производит впечатление человека, совсем не владеющего своей психикой. Более того, передача Райт-Ковалевой глаголов go [down] и disappear как «провалюсь» и «пропасть» соответственно свидетельствует об определенной интерпретации и целостном преобразовании ею текста: этот смысловой инвариант прослеживается не только в версии названия («провалюсь вниз» в пропасть), но и в том месте, где Холден говорит Фиби, что хочет «стеречь ребят над **пропастью** во ржи»¹².

Версия Немцова, таким образом, не способна произвести коммуникативный эффект, близкий к воздействию текста Райт-Ковалевой, ни тем более аналогичный воздействию оригинала на исходного читателя. Журналист Михаил Идов, упомянув известный факт о том, что в кармане у Марка Чепмена в момент убийства им Джона Леннона была повесть Сэлинджера, отметил, что это же произведение в версии Немцова «сможет вдохновить неуравновешенного читателя разве что на ограбление пивного ларька» [Идов, 2008].

Однако при всей несхожести коммуникативного воздействия “The catcher in the rye” и «Ловца на хлебном поле» на соответствующих реципиентов и для американского, и для российского читателей на первый план часто выходит тема подросткового бунта. А вот для американского писателя, лауреата Вашингтонской книжной премии Чарльза Д’Амброзио “The catcher in the rye” – «такая же книга о жизни среднестатистического подростка, как “Приключения Гекельберри Финна»» [D’Ambrosio, 2001: 37]. Холдена терзают универсальные экзистенциальные вопросы, и подростковый период, не являясь главным источником душевных переживаний, обостряет его мироощущение. Как косвенное доказательство – интерес Холдена к «простым вещам», теряющимся «в водовороте истории, потребности и общей фальши» [Немон, 2001: 65]. Действиями Холдена часто руководит стремление защищать слабого и невинного. Он волнуется о том, как зимуют утки в Центральном парке. Незначительные вещи приобретают ценность для автора и героя, а «вопрос

¹² Сэлинджер Дж.Д. Над пропастью... С. 194.

об утках» – «типичный вопрос» сэлинджеровской прозы [Ibidem]. Примечательно, что вслед за Райт-Ковалевой все переводчики при передаче вопроса Холдена “Where did the ducks go?” конкретизировали широкозначный глагол go как «исчезать», избрав его разговорный синоним: «Куда деваются/денутся утки?» Очевидно, мечта о том, чтобы «стеречь» играющих во ржи детей (чтобы те «не сорвались в пропасть»¹³ – “if they start to go over the cliff”¹⁴), является продолжением темы спасения невинности: “I’d just be the catcher in the rye and all. **I know it’s crazy, but that’s the only thing I’d really like to be. I know it’s crazy.**”¹⁵ Сравним:

Таблица 2

«Над пропастью во ржи»	«Ловец на хлебном поле»
«Знаю, это глупости, но это единственное, чего мне хочется по-настоящему. Наверно, я дурак » ¹⁶	«Я знаю, что это долбануться, только больше я б ничем не хотел быть. Я знаю, что долбануться » ¹⁷

То, что «услышала» и воспроизвела по-русски Райт-Ковалева, избежав при этом режущей русское ухо тавтологии, больше походит на голос Холдена, «дерзкий, неуверенный, беспечный, испуганный, жаждущий и полный невинной мудрости»¹⁸. Намеренное же огрубление Немцовым голоса героя через снижение стилового регистра убивает поэтичность прозы Сэлинджера, обесценивает суть высказывания.

Другая трудность трансляции голоса Холдена состоит в передаче того, что эксплицитно не выражено. Так, любимая фраза Холдена “That killed me” передает в зависимости от ситуации целую гамму переживаний – от раздражения до восхищения – и по-разному передается в переводе. Эту фразу могли бы заменить пространные рассуждения переполняемого эмоциями Холдена, но Сэлинджер отказывается «передавать простым языком то, что невозможно выразить словами» [Steinke, 2001: 17]. Переводчик должен услышать интонацию, с которой фраза произносится в каждой конкретной ситуации. То, о чем умалчивается, сродни тому, что Ж. Деррида называл *vouloir-dire* – стремление сказать, интенция, которая несет значение, оставаясь невербализованной [Derrida: *La forme et le*

¹³ Там же.

¹⁴ *Salinger J.D.* Op. cit. P. 186.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ *Сэлинджер Дж.Д.* Над пропастью... С. 194.

¹⁷ *Сэлинджер Дж.Д.* Ловец... С. 259.

¹⁸ *Mendelson J.* Holden Caulfield: A love story // With love and squalor... P. 180.

vouloire dire]. Например, часто повторяемые Холденом фразы “if you want to know the truth” / “to tell the truth” звучат как ирония над словами его матери (“Phoebe, have you been smoking a cigarette in here? Tell me the truth, please, young lady”¹⁹) и учителя истории (“Tell the truth, boy”²⁰). Райт-Ковалева сохраняет повторяемость оборота в той или иной вариации (например, «если уж говорить всю правду»²¹).

Наконец, стилистически маркированная лексика, в частности, молодежный сленг²², часто рассматривается как главный инструмент воспроизведения речевого портрета Холдена, и некоторые современные переводы, окрещенные критиками «гоблиновскими» за смелые попытки передать эту особенность, – тому подтверждение. Райт-Ковалева, чья версия вполне может считаться переводческим успехом, «сознательно или повинуюсь своему безупречному чувству языка», отказалась от воспроизведения молодежного жаргона [Полубиченко, 2018: 24]. На наш взгляд, удельный вес сленга в результирующем коммуникативном эффекте не так уж и велик по сравнению с психологизмом высказывания, о котором говорил К. Чуковский. Более того, упоминаемые в данной статье американские реципиенты отмечают эту черту речевого поведения Холдена исключительно с лингволитературоведческой точки зрения: «устаревшие сленговые выражения»²³, «книга, увековечившая сленг 1950-х»²⁴. Другие же реципиенты и вовсе не упоминают сленг, органично звучащий в речи подростка.

Таким образом, анализ русскоязычных переводов повести Сэлинджера “The catcher in the rye” с учетом коммуникативного воздействия оригинала и двух его версий (Райт-Ковалевой и Немцова) на американского и русскоязычного читателей соответственно позволяет сделать следующие выводы:

1. Коммуникативный эффект, производимый “The catcher in the rye” на американского реципиента, сопоставим с воздействием на русскоязычного реципиента, достигнутым самым известным на сегодняшний день переводом Райт-Ковалевой «Над пропастью во ржи». Совершенно иной эффект производит знакомство с Холденом Колфилдом по нашумевшей версии Немцова «Ловец на хлебном поле».

¹⁹ *Salinger J.D.* Op. cit. P. 191.

²⁰ *Ibid.* P. 13.

²¹ *Сэлинджер Джером Д.* Над пропастью... С. 228.

²² По данному вопросу высказывались: Алия Слейман Ахрас, И.Л. Галинская, А.Н. Колесниченко, Л.С. Кустова, Л.В. Полубиченко и др.

²³ *Beller Th.* The Salinger weather // With love and squalor... P. 133.

²⁴ *Stein J.* The yips // *Ibid.* P. 173.

2. Различие в коммуникативном воздействии двух русскоязычных версий обусловлено смещением фокуса с прагматического уровня эквивалентности на более низкий уровень параллелизма языковых знаков, с одной стороны, и преувеличением роли сленга как главного источника экспрессии – с другой.

3. Достижение Райт-Ковалевой коммуникативного воздействия на вторичного реципиента, подобного эффекту, производимому оригиналом на первичного реципиента, может быть объяснено не только тем, что переводчице-первопроходцу удалось выдержать речь Холдена в рамках «нормы русского литературного языка в разговорной его разновидности» [Полубиченко, 2018: 27], но и творческим осмыслением исходного текста.

4. Для достижения требуемого коммуникативного эффекта («магии») голоса главного героя необходимо обращение к макроконтексту: анализ психологического портрета Холдена Колфилда, изучение сообщаемых им фактов собственной биографии, идентификация ситуации, в которой осуществляется акт речи.

5. Перевод повести “The catcher in the rye” остается трудной задачей, требующей, помимо таланта и опыта, глубокого понимания и полного принятия переводчиком личности Холдена Колфилда, умения слушать и слышать.

В ранее упомянутом письме продюсеру Сэлинджер, обосновывая свой отказ от постановки повести, также писал, что Холдена Колфилда «по сути, невозможно сыграть»²⁵. Такой же непростой оказалась и задача трансляции его голоса на русский язык. Сэлинджер ставит перед читателем определенные вопросы, предоставляя возможность самостоятельно искать на них ответы. Задача переводчика заключается в том, чтобы «озвучить» эти вопросы. Голос Холдена в процессе перевода подвергается трансформации таким образом, что заданная автором интенциональность теряется где-то между дословным переводом и вольным изложением. Возможно, если бы к Сэлинджеру в свое время обратились с официальным запросом относительно прав на публикацию перевода “The catcher in the rye”, он также не дал бы своего согласия, предвидя, что Холден Колфилд станет жертвой не только «врунов, безобидных болванов и беспомощных поэтов», но и пропасти между языками [Тер-Минасова, 2012: 9–18].

²⁵ URL: <http://collider.com/catcher-in-the-rye-movie-rejection-jd-salinger/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Галь Н.* Воспоминания. Статьи. Стихи. Письма. Библиография. М., 1997. С. 71.
2. *Голышев В.* Интервью: «Не надо к переводу относиться как к святыне» // Коммерсантъ Weekend, 12.12.2008. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1091063> (accessed: 21.08.2019).
3. *Деррида Ж.* Голос и феномен. СПб., 1999. С. 19–20.
4. *Идов М.* Эффект хлебного поля // Коммерсант.ru, 12.12.2008. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1091065> (accessed: 22.08.2019).
5. *Полубиченко Л.В.* К вопросу о норме в художественном переводе // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Т. 15. № 1 (57). Хабаровск, 2018. С. 22–28.
6. *Тер-Минасова С.Г.* Проблемы перевода: Mission impossible? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 9–18.
7. *Чуковский К.* Высокое искусство. СПб., 2015.
8. *Шамова Н.В.* Разграничение понятий «эквивалентность» и «адекватность» в переводе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 171–180.
9. *Швейцер А.Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М., 2019.
10. *D'Ambrosio Ch.* Salinger and sobs // With love and squalor: 14 writers respond to the work of J.D. Salinger. N.Y., 2001. P. 36–54.
11. *Derrida J.* La forme et le vouloir dire. Note sur la phénoménologie du langage. URL: https://redaprendreycambiar.com.ar/derrida/frances/vouloir_dire.htm (accessed: 21.08.2019).
12. *Hemon A.* The importance of wax and olives // With love and squalor: 14 writers respond to the work of J.D. Salinger. N.Y., 2001. P. 64–68.
13. *Johnson R.* If Holden Caulfield spoke Russian // The New Yorker. Sep. 11. 2013. URL: <https://www.newyorker.com/books/page-turner/if-holden-caulfield-spoke-russian> (accessed: 21.08.2019).
14. *McNally J.* The boy that had created the disturbance // With love and squalor: 14 writers respond to the work of J.D. Salinger. N.Y., 2001. P. 106–116.

Anna S. Izvolenskaya

“THE CATCHER IN THE RYE”: THE VOICE LOST IN TRANSLATION

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Although J.D. Salinger’s “The Catcher in the Rye” has been rendered into Russian multiple times, in each new version its protagonist, Holden Caulfield, sounds surprisingly different. In this paper we seek to elaborate on some issues concerning the translation of the novel. We contend that it is vital to check translation against the reaction of the original recipient (the American reader) to the original text, on the one hand, and the effect the existing translations produce or produced on the new recipient (which is the Russian reader in our case), on the other. An examination of the difference between the former and the latter will create the necessary touchstone against which it will be possible to critically evaluate the existing renditions and offer guidelines for every new translator to follow. It is shown that data obtained

through such analysis might provide more valid criteria for the criticism of existing translations and, appropriately enough, contribute to the quality of those yet to come. We also challenge the commonly accepted opinion that translation of slang expressions in the novel plays a dominant role in achieving the necessary level of equivalence. Against this backdrop, we make a few points about the narrator's voice as something instrumental in character development. To this end, we shall focus on the more well-known Russian versions of Rait-Kovaleva (1960) and Maxim Nemtsov (2008), of which there can be found documented reader feedback, both professional and amateur. We do so with special regard to the author's intentionality and socio-linguistic factors.

Key words: Salinger; “The Catcher in the Rye”; Holden Caulfield; translation; communication effect.

About the author: Anna S. Izvolenskaya – PhD in Philology, Instructor at English Department for Science Students, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: anna@izvolensky.ru).

REFERENCES

1. Gal' N. 1997. *Vospominaniya. Stat'i. Stihi. Pis'ma. Bibliografiya* [Memoirs. Articles. Poems. Correspondence. Bibliography]. Moscow, ARGO-RISK. (In Russ.)
2. Golyshev V. 2008. Interv'yū: “Ne nado k perevodu otносит'sya kak k svyatyne” [Interview: One shouldn't regard a translation as something sacred]. *Kommersant*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1091063> (accessed: 21.08.2019). (In Russ.)
3. Derrida Zh. 1999. *Golos i fenomen* [Voice and phenomenon]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo «ALETEJYA». (In Russ.)
4. Idov M. 2008. Effekt hlebnogo polya [The “hlebnoye pole” effect]. *Kommersant.ru*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1091065> (accessed: 22.08.2019). (In Russ.)
5. Polubichenko L.V. 2018. K voprosu o norme v hudozhestvennom perevode [Concerning norms in artistic translation]. *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*, tom 15, no. 1 (57), Khabarovsk, izdatel'stvo DVGUPS, pp. 22–28. (In Russ.)
6. Ter-Minasova S.G. 2012. Problemy perevoda: Mission impossible? [Problems of Translation: Mission Impossible?]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 9–18. (In Russ.)
7. Chukovsky K. 2015. *Vysokoe iskusstvo* [The art of translation]. Saint Petersburg, Azbuka. (In Russ.)
8. Shamova N.V. 2005. Razgranichenie ponjatiy “jektivarentnost” i “adekvatnost” v perevode [Distinguishing between “equivalent” and “adequate” in translation]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 171–180. (In Russ.)
9. Shveytser A.D. 2019. *Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty* [Translation studies: Status. Issues. Aspects]. Moscow, LIBROKOM, p. 81. (In Russ.)
10. D'Ambrosio Ch. 2001. Salinger and sobs. *With love and squalor: 14 writers respond to the work of J.D. Salinger*. York, Broadway books, pp. 36–54.
11. Derrida J. 1967. *La forme et le vouloir dire. Note sur la phénoménologie du langage* [Form and Meaning: Note on the Phenomenology of Language]. URL: <https://>

redaprenderycambiar.com.ar/derrida/frances/vouloir_dire.htm (accessed: 21.08.2019). (In Fr.)

12. Hemon A. 2001. The importance of wax and olives. *With love and squalor: 14 writers respond to the work of J.D. Salinger*. New York, Broadway books, pp. 64–68.
13. Johnson R. 2013. If Holden Caulfield spoke Russian. *The New Yorker*. URL: <https://www.newyorker.com/books/page-turner/if-holden-caulfield-spoke-russian> (accessed: 21.08.2019).
14. McNally J. 2001. The boy that had created the disturbance. *With love and squalor: 14 writers respond to the work of J.D. Salinger*. New York, Broadway books, pp. 106–116.

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ

К публикации в журнале «Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация» принимаются статьи, представляющие результаты оригинальных научных исследований, а также вспомогательные материалы учебно-методического характера; библиографические обзоры и рецензии на новейшие отечественные и зарубежные исследования по проблемам лингвистики и межкультурной коммуникации, обучения иностранным языкам, по культурологии и регионоведению.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных (в том числе географических названий) и иных сведений энциклопедического характера.

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация» выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

*Требования к **формату** текста статей:*

- текстовый редактор Microsoft Word (версии 97–2003 и т.д.);
- шрифт Times New Roman или Times New Roman Cyrillic 12-й кегль;
- полуторный межстрочный интервал;
- поля: 2,54 и 3,17 см;
- **объем рукописи до 25 тыс. знаков с пробелами (для аспирантов – строго до 17 тыс. знаков с пробелами).**

*Требования к **форме** предоставления статей:*

- текст присылается на электронный адрес редколлегии (vestnik19@yandex.ru) в формате .doc или .docx (Word 1997–2003 и т.д.);
- схемы, рисунки, алгоритмы и иной иллюстративный материал необходимо выслать отдельными файлами в формате .tif.

Статья должна содержать следующие обязательные элементы:

- аннотацию на русском языке (150–200 слов), на английском языке (200 слов) и ключевые слова (до 20 слов) на русском и английском языках;
- сведения обо всех авторах на русском и английском языках: фамилия; имя; отчество (полностью); ученая степень; ученое звание; полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения; контактный телефон и адрес электронной почты автора;
- пристатейные библиографические списки (ссылки на цитируемые исследования должны быть оформлены в тексте в виде внутритекстовых ссылок; ссылки на источники даются в виде подстрочных сносок, список процитированных исследований должен быть вынесен в конец статьи в виде списка литературы и references).

Помните, что несоблюдение требований к оформлению может существенным образом усложнить процесс публикации статьи. **Подробнее требования изложены на сайте журнала** – <http://www.fl.msu.ru/research/vestnik/article-publication.php>

Выплата гонорара за публикации не предусматривается.

Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается.